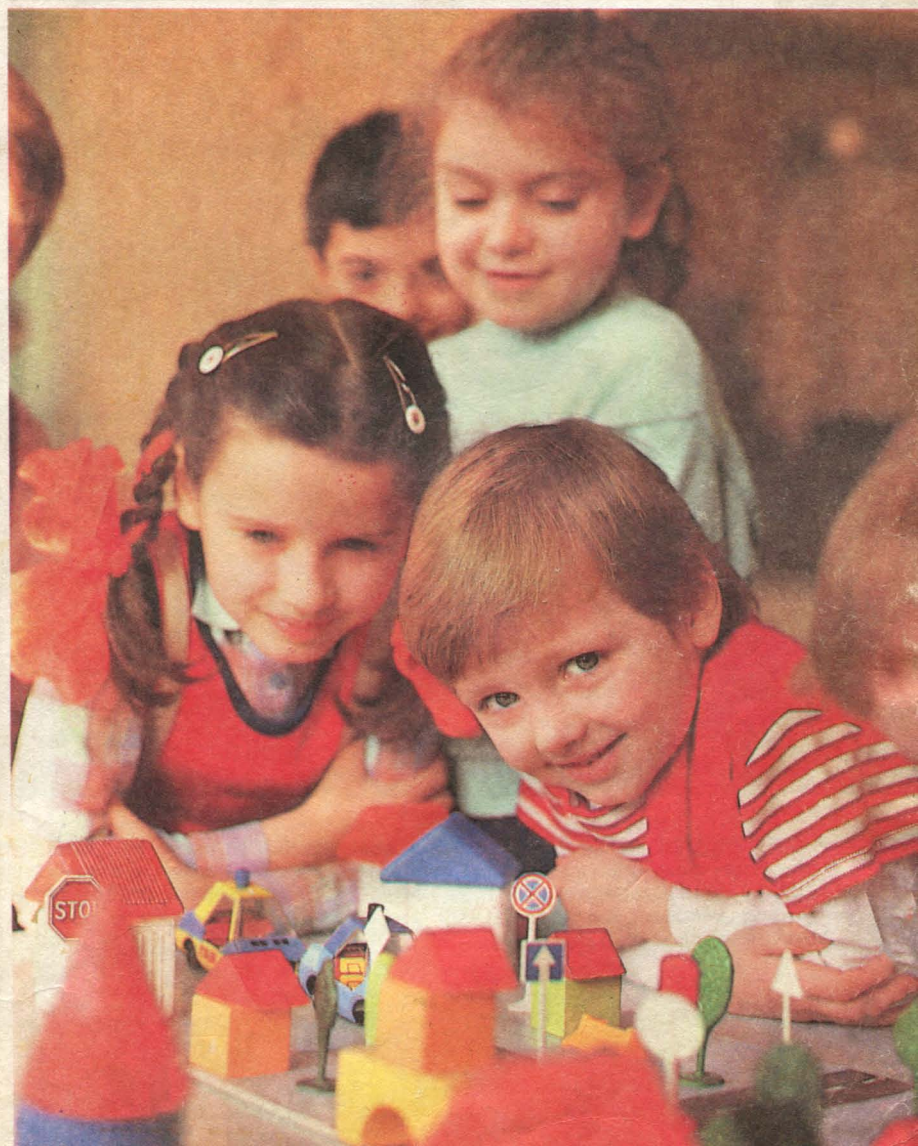

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

6

1989

САВИЦКИЙ Валерий Михайлович, заведующий отделом социалистической законности Института государства и права Академии наук СССР, доктор юридических наук, профессор, специалист в области теории социалистического правосудия, активный сторонник и пропагандист правовой реформы.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 6 (222) ИЮНЬ 1989. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

Возродить принципы ленинской национальной политики
В. ВИНОГРАДОВА, Н. ЛОПАТЕНКО. Наказание и преступление. О проблемах адаптации осужденных в обществе 3 18

А. ЛАРИН. О чем говорит статистика 32

В. МИХАЙЛОВ. Комментирует Пресс-центр МВД СССР. ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВУЮ РУБРИКУ 36

39

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. КУЧЕР. Те самые неуставные. О причинах возникновения дедовщины в армии и путях ее искоренения 39

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
С. БЕРТУШ, А. ДЮЖАЕВ. Нарушил — отвечай! 55

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ
ДИРЕКТОРА 60

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ПРАКТИКУМ 61, 128

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

С. ВЛАДИМИРОВ. Ходить надо уметь. Что значит — культурный пешеход? 62

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Л. БОРОДИН. Нелишний доход 65

ОТ «А» ДО «Я»

Распорядительное заседание суда 68

ПРОЧИТАЙТЕ — МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ

Третейский суд 71

74

СОБЕСЕДНИК

Признания прокурора района нашему корреспонденту. Беседа с прокурором Октябрьского района Ростовской области И. П. САМОИЛЕНКО 74

Вл. ЛОГИНОВ. Закон судьбы. О трагедии Александра Галича 80

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «Ч и З»
Рядом никого нет... 87
РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ 88, 105

89

К. АКОПЯН. Бросить камень... Углицкие хроники 89
КНИЖНАЯ ПОЛКА
«Искусство речи на суде» 106

108

Т. МОСПАН. Овес для попугая. Хроника одного расследования 108

МИНИ-ДЕТЕКТИВ
И от мух бывает польза 122
Плагиат или «бродячий сюжет». Ответ читателям 123

124

ЗАМЕТКИ САТИРИКА
Н. КВИТКО. Случай с деревенским экстрасенсом 124

126

КРОССВОРД
Знаете ли вы право? 126

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ, С. И. БАБОШКО,
Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель
главного редактора),
В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),
И. Н. КУЗНЕЦОВ, В. Д. ПОВОЛЯЕВ,
И. С. САМОЩЕНКО, П. И. СЕДУГИН,
Ю. С. СЕМЕНОВ, Е. В. СМИРНОВА,
А. Я. СУХАРЕВ, А. А. ТРЕБКОВ,
А. М. ФИЛАТОВ.

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА

Оформление В. А. БУРКИНА

Фото в номере В. С. ЗИМИНА

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

В соответствии с планом подготовки Пленума Центрального Комитета по международным отношениям в ЦК КПСС состоялось совещание, на котором обсуждены проблемы, затрагивающие различные правовые аспекты укрепления и развития советской социалистической федерации.

Публикуем краткое изложение выступлений некоторых участников совещания, хотя со времени, прошедшего после него, жизнь внесла коррективы.

ВОЗРОДИТЬ ПРИНЦИПЫ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В. ЯКОВЛЕВ, директор Института советского государственного строительства и законодательства при Верховном Совете СССР.

Недавно в Минске была проведена Всесоюзная конференция специалистов в области конституционного государственного права. Поэтому я предложу вашему вниманию коллективные выводы, разработки, рекомендации, предложения, выработанные на этой конференции.

Совершенствование национальных, международных отношений является частью революционных преобразований, которые происходят в нашем обществе. Очевидно, что этот процесс, являющийся составной частью перестройки, имеет одну общую генеральную задачу — преодолеть чрезмерную централизацию, устранить административно-командные системы управления всеми сферами жизни.

Наряду с этим, разумеется, есть и специфические задачи, касающиеся национального развития.

Представляется, что генеральный путь здесь — развитие и совершенствование на демократических принципах нашей федерации. И ни в коем случае не переход к конфедерации. Ведь между федерацией и конфедерацией есть принципиальнейшая разница. Если

федерация — это союзное государство, то конфедерация — это союз государств. Если федерация — это государственно-правовые отношения, то конфедерация — это отношения международно-правовые. Конфедерация, как показывает история, образование временное, которое довольно быстро прекращает свое существование. Или же вместо нее образовывается федеративное, а иногда и унитарное государство.

Основная причина трудностей в межнациональных отношениях кроется как раз в деформации федеративных отношений. Чрезмерная централизация, командно-административные методы во многом деформировали ее, но не ликвидировали демократические и гуманистические начала. И задача состоит в том, чтобы устранить допущенные в прошлом перекося. Отказ от федерации означал бы появление опасности национальной изолированности и замкнутости во всех сферах, в том числе и в сфере экономики, а это путь туниковый.

Мы должны закрепить в Конституции СССР такие принципы, как сочетание суверенитета СССР и суверенитета союзных республик, интернационализм и демократический централизм построения нашей федерации. Разумеется, с сохранением права выхода союзных республик из состава Союза и сохранением неприкосновенности территорий союзных республик.

В ходе дискуссий, особенно на местах, выдвигалась идея необходимости заключения вместо союзного договора 1922 года нового союзного договора, который бы в большей степени гарантировал реализацию тезиса о сильных республиках. Многие считают, и я разделяю эту точку зрения, что **нет ни политических, ни правовых оснований для заключения такого договора в современных условиях.** Заключение нового договора явилось бы также косвенным признаком неправомочности нахождения в Союзе целого ряда союзных республик, которые не подписывали договор 1922 года, что не соответствовало бы ни правде истории, ни сложившимся жизненным реалиям.

Некоторые ученые предлагают построить федерацию таким образом, чтобы непосредственно в Союз входили бы не только союзные республики, но и автономные республики, автономные области и автономные округа, что в наибольшей степени способствовало бы праву наций на самоопределение и равноправию всех народов. Ставится вопрос и о переводе некоторых автономных республик в союзные, о выводе автономных областей и автономных округов из состава краев для непосредственного подчинения их союзным республикам. Однако прямое подчинение всех национальных государственных образований центру явилось бы, по существу, в какой-то мере современным вариантом сталинской идеи автономизации, привело бы к еще большей централизации со всеми вытекающими последствиями.

Выдвигалось и прямо противоположное предложение: чтобы в союзном парламенте непосредственно были представлены лишь союзные республики, а автономные республики и другие национальные государственные формирования входили бы только в высшие органы власти союзных республик. Это предложение не поддержано учеными и подвергнуто критике.

Большинство участников нашей дискуссии высказывалось за достаточно подробное, обстоятельное регулирование горизонтальных отношений между союзными республиками, например, по вопросам

совместного использования, скажем, природных ресурсов, крупных рек, крупных водоемов и т. д. Такие отношения фактически складываются, но слабо регулируются правом.

В ходе обсуждения вносились различные предложения, направленные на расширение прав автономных республик, автономных областей и автономных округов в сфере государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства. Особенно в области культуры, народного образования и охраны природы. Чтобы советская федерация носила живой, развивающийся характер в плане совершенствования государственности и автономии, предлагается рассмотреть вопрос о придании некоторым автономным республикам статуса союзных, а ряду автономных областей — статуса автономных республик.

Следующая проблема — это проблема **свободного использования национальных языков народов СССР, а также русского языка** как средства межнационального общения. Эти вопросы надо урегулировать в специальном Законе о языке. Причем принять его на общесоюзном уровне, с соответствующей конкретизацией в законах союзных республик. Может быть, следовало бы русский язык на территории СССР признать средством межнационального общения. В то же время предусмотреть, что союзная республика вправе определить язык своей республики в качестве государственного.

При определении правового режима языка союзной республики не должна ущемляться возможность граждан СССР использовать в различных сферах государственной и общественной жизни свой родной язык и язык межнационального общения. Очевидно, следует гарантировать гражданам СССР свободный выбор языка обучения. В названном законе могли бы быть урегулированы и другие вопросы, носящие общегосударственный характер. В частности, о языке работы органов государственной власти СССР, опубликовании законов и других правовых актов, о гарантиях трудовых прав граждан, независимо от знания того или иного языка, об оформлении официальных документов, характеризующих статус личности, о языке судебного, административного и нотариального производства, о праве граждан обращаться во все учреждения, организации на родном или любом другом языке народов СССР, которым они владеют.

О гражданстве СССР и гражданстве союзных республик. Какие бы различные мнения ни высказывались на этот счет, совершенствование законодательства о гражданстве призвано сохранить и обеспечить в дальнейшем равноправие граждан в этом отношении. В новой редакции Закона о гражданстве принципиальным должно оставаться сохранение единого союзного гражданства, в соответствии с которым гражданин союзной республики является гражданином СССР, а гражданин СССР является гражданином союзной или автономной республики, на территории которой он проживает.

Вместе с тем следует, очевидно, серьезно расширить права союзных республик в вопросе гражданства, в частности, передать им решение основной массы вопросов, связанных с приемом в советское гражданство, выходом из него и т. д. У нас свыше 50 миллионов человек, лиц определенных национальностей, проживают за пределами своих национальных государственных образований. Гарантии осуществления их прав на свободное национальное развитие, по моему мнению, целесообразно закрепить в специальном законе.

И, наконец, о новых функциях Совета Национальностей Верховного Совета СССР, об образовании постоянных комиссий по межна-

циональным отношениям в Советах народных депутатов. Может быть, целесообразно было бы установить, что Совет Национальностей в обязательном порядке предварительно рассматривает все выносимые на Съезд народных депутатов СССР или Верховный Совет СССР вопросы, касающиеся межнациональных отношений, разрабатывает предложения по вопросам национально-государственного устройства, отнесенным к ведению Союза ССР. На Совет Национальностей можно было бы возложить контроль за исполнением конституционного и другого законодательства о соблюдении прав и интересов союзных и автономных республик, автономных областей, автономных округов, а также за созданием соответствующих условий этническим группам, не имеющим своих национальных государственных образований.

Возможно, целесообразно поручить Совету Национальностей рассмотрение споров, возникающих между союзными республиками, а также между союзными республиками и входящими в их состав автономиями.

Последний момент, на котором я хотел бы остановиться, это вопрос об усилении охраны прав и личных свобод граждан, об усилении ответственности за разжигание национальной розни. Имеются многочисленные предложения на этот счет. Например, предлагается, учитывая, что проявление расовой или национальной вражды и розни противоречит нормам общечеловеческой морали и несовместимо с социалистической законностью, дополнить статью 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик соответствующими положениями о том, что совершение преступления на почве расовой и национальной вражды или розни или из-за националистических побуждений является отягчающим вину обстоятельством.

Г. ТАРАЗЕВИЧ, Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР.

Я изложу итоги работы депутатской группы, которой Верховный Совет СССР поручил внести предложения по вопросам разграничения компетенции Союза ССР и республик.

В нашу группу поступили предложения от Президиумов Верховных Советов союзных республик, других республиканских органов, общественных организаций, от депутатов, научных учреждений. С их учетом мы и подготовили свои выводы.

Во-первых, у депутатов сформировалось единое мнение, что в Конституции СССР перечень всех полномочий Союза ССР следует сделать исчерпывающим, то есть не содержащим никаких отсылок, как это было ранее. Союзной Конституции следовало бы также четко определить, что республика вправе решать все вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, которые не отнесены Конституцией и законами СССР к компетенции Союза. В случаях, когда тот или иной вопрос, который является предметом совместного ведения Союза и союзной республики, не отрегулирован законом СССР, республика вправе принять по этому вопросу свой акт.

Вопросы, связанные с разграничением полномочий Союза и союзных республик, должны решаться только путем принятия закона, что, естественно, будет исключать возможность вторжения союзных министерств и ведомств в решение этих вопросов.

Теперь о некоторых принципах определения компетенции Союза

ССР, то есть по поводу нового содержания статьи 73 Конституции СССР.

Здесь нами принят во внимание опубликованный и вынесенный на всенародное обсуждение проект Общих принципов перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования.

Большие дебаты были вызваны постановкой Эстонской и Литовской союзными республиками вопроса о передаче в исключительную собственность республик земли, недр, вод и лесов. Эти проблемы обсуждались всесторонне. И я должен сказать, что большинство членов нашей группы пришли к выводу, что **не следовало бы растаскивать по национальным квартирам ту часть общенародной собственности**, которая является в полном смысле единой для всей нашей советской федерации. Однако это положение не должно препятствовать расширению полномочий союзных республик по распоряжению всеми природными ресурсами на их территории.

Депутатская группа уделяла большое внимание проблемам разграничения компетенции Союза и союзных республик в **социально-культурной сфере**. Мы исходили из необходимости резкого расширения полномочий республиканских органов в решении таких жизненно важных для населения вопросов, как охрана здоровья, социальное обеспечение, народное образование и культура. Предполагается в этих сферах оставить за союзными органами функции координации, разработки общегосударственных программ в сфере своей деятельности, осуществление мероприятий, направленных на обеспечение интересов населения всех союзных республик и всех регионов. Это относится, например, к разработке нормативов, связанных с обеспечением экологической безопасности, с решением других вопросов, имеющих именно общесоюзное значение.

В то же время за союзными органами, если они в этих сферах будут сохранены, следовало бы оставить управление и некоторыми конкретными учреждениями и организациями, но лишь в том случае, если эти учреждения и организации функционируют для обслуживания интересов всех республик. Все же остальные вопросы повседневного управления социальной сферой отнести к ведению союзных республик.

Несколько слов о предложениях по распределению полномочий в сфере **государственного строительства и законодательства**. Здесь мы также руководствовались необходимостью максимально расширить полномочия союзных республик.

За Союзом в сфере государственного строительства нужно оставить решение таких вопросов, как принятие в состав Союза новых республик, утверждение изменения границ между союзными республиками, разрешение территориальных и иных споров между ними. Естественно, что к ведению Союза необходимо отнести определение государственной границы СССР, решение вопросов войны и мира, защиты суверенитета Союза и союзных республик, обеспечение обороны страны и государственной безопасности. В области внешней политики, видимо, следовало бы оставить за Союзом координацию отношений союзных республик с иностранными государствами и международными организациями, имея в виду значительно расширить самостоятельность республик в области контактов с зарубежными странами.

Большие споры вызвали проблемы распределения полномочий

по законодательному регулированию общественных отношений. Здесь мы руководствовались принципом: Союз устанавливает главным образом основы законодательного регулирования этих отношений, общие нормы, общие принципы. Конкретное же наполнение этих принципов будут осуществлять союзные республики путем принятия кодексов и других законов.

В целях защиты прав союзных республик от неправомерного вмешательства центральных органов СССР и прежде всего министерств и ведомств предполагается разработать специальные механизмы, которые бы позволили оперативно реагировать на каждое такое вторжение.

И еще один вопрос. Недавно была сделана попытка установить, что союзные законы действуют на территории данной республики только в том случае, если они санкционированы или ратифицированы Президиумом Верховного Совета соответствующей республики. Высказывалось мнение, что республика должна иметь право приостанавливать их действие, если они нарушают ее права и интересы. Такие предложения, по сути дела, означали бы переход от Союза ССР как федерации к конфедерации. Но раз Союз ССР — суверенное союзное государство, а не сумма республик, союзные законы должны иметь верховенство над республиканскими.

А. РОМАНОВСКИЙ, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Конституция СССР и Конституции союзных республик нуждаются в основательной доработке.

В связи с этим выскажу ряд предложений.

Конституция страны сохраняет за каждой союзной республикой право свободного выхода из СССР. Но ведь возможность выхода из состава Союза какой-либо одной союзной республики затрагивает интересы всех других. Поэтому было бы желательно записать в Основном Законе, что для выхода союзной республики из состава СССР требуется согласие всех союзных республик. На наш взгляд, этот вопрос заслуживает обсуждения.

В Конституции было бы целесообразно закрепить паритетное представительство союзных республик в таких органах, как комитеты Верховного Совета СССР и комиссии его палат, Верховный Суд СССР, будущий Комитет конституционного надзора СССР, предусмотрев ежегодную сменяемость председателей этих органов, избираемых по очереди из представителей союзных республик, в порядке их перечисления в Конституции СССР.

Общественности известны случаи, когда министерства и центральные ведомства своими непродуманными действиями наносят ущерб интересам союзных республик. Думается, что Комитет конституционного надзора СССР должен будет по собственной инициативе или по предложениям союзных республик входить с представлениями в Совет Министров СССР об отмене неконституционных актов министерств и ведомств, нарушающих суверенные права союзных республик. Представляется также, что в будущем Законе о конституционном надзоре целесообразно определить гарантии деятельности лиц, избранных в комитет, в частности их неприкосновенности.

Обоснованно было бы включить в Конституцию СССР норму, согласно которой высший орган государственной власти союзной республики вправе опротестовать постановления и распоряжения

Совета Министров СССР в Верховный Совет Союза ССР, не приостанавливая их исполнения, а акты министров СССР могут быть приостановлены Верховным Советом союзной республики при явном несоответствии их актам высших органов власти и управления Союза ССР. Заметим, что аналогичные правила устанавливались статьями 15 и 17 Договора об образовании СССР.

Нуждается в широком правовом закреплении статус союзных и автономных республик. Нельзя признать правильной ситуацию, когда имеются законы о местных Советах народных депутатов, но нет законов о союзных и автономных республиках.

На наш взгляд, законодательным путем следовало бы урегулировать и прямые контакты между союзными республиками, предусмотреть создание по мере необходимости постоянных представительств одних союзных республик в других.

Находясь в составе Союза ССР, союзные республики не могут и не должны занимать нейтральную позицию по отношению к тому, что делается в братских республиках. Особенно это касается конституционного развития СССР и союзных республик. Мы имеем важный документ — решения XIX конференции КПСС о поэтапном проведении политической реформы и соответствующих изменений и дополнений Конституции СССР и союзных республик. И в этой связи нас удивляет поспешность литовских товарищей, которых мы очень уважаем, опубликовавших проект Конституции Литовской ССР в целом. Мы рассматриваем эту поспешность как откровенную попытку давления на другие братские республики. Мы самым внимательным образом ознакомились с его содержанием и не можем умолчать о его возможных вредных последствиях.

Если обсуждать этот проект, то можно подвергнуть критике многие положения. Взять хотя бы статью о собственности республики. В то время, когда во всем мире идет широкий процесс интеграции, здесь делается попытка растащить общенародную собственность по национальным квартирам. Статьи этого проекта о национальных военных формированиях, верховенстве республиканских законов над союзными, о гражданстве, миграции, выездах за границу и ряд других направлены не на укрепление и развитие советской федерации, а являются очевидным шагом назад, к конфедерации.

**Н. ФАТАЛИЕВ, заместитель Председателя
Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.**

В решении широкого круга вопросов, касающихся интересов наций и народностей, большую роль призван сыграть Совет Национальностей Верховного Совета СССР. Как известно, на XIX партийной конференции было отмечено, что, несмотря на свое предназначение, его деятельность фактически функционально обезличена.

На наш взгляд, ответственная миссия должна ложиться на Совет Национальностей в регулировании отношений между союзными республиками. Как показывает жизнь, у них могут быть и расхождения по вопросам, касающимся их прав и интересов. В этих случаях Совет Национальностей после тщательного, глубокого изучения всех аспектов проблемы должен принять решение, которое после одобрения Советом Союза приобретает силу постановления Верховного Совета СССР, обязательного для всех членов федерации.

Нормализация национальных отношений, наряду с расширением прав союзных республик, включает совершенствование статусов

всех видов советской автономии. Сегодня со всей остротой встает вопрос о выработке конституционных гарантий, обеспечивающих комплексное социально-экономическое развитие автономных образований. Причем в качестве гарантов должен выступать и Союз ССР, и союзные республики, в составе которых имеются автономии.

В целях выработки стратегии программы по удовлетворению нужд, потребностей национальных меньшинств следовало бы в масштабах страны, отдельных регионов, союзных республик один раз в 4—5 лет проводить съезды, собрания представителей национальных меньшинств.

Историческая практика убедительно доказала, какой дорогой ценой оплачиваются извращения ленинских принципов решения национального вопроса. События последних лет показали, что великое дело — перестройка, в том числе в области межнациональных отношений, — должно делаться чистыми руками с чистыми помыслами. Нельзя допускать использования демократии и гласности для осуществления антиперестроечных, по сути дела, антинародных, корыстных действий националистов и экстремистов.

К величайшему сожалению, дело зашло настолько далеко, что в Конституцию было введено, а затем и осуществлено на практике положение об установлении особой формы управления, а также приняты другие формы поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности граждан.

В истории нашей страны особая форма управления была введена впервые. И конечно же, она осуществляется в строгом соответствии с конституционным положением, определяющим суверенные права союзных республик. На наш взгляд, уже сейчас следует хорошо продумать правовую регламентацию особой формы управления.

В. ЧУРИЛОВ, первый секретарь Ханты-Мансийского окружного комитета партии.

Для народностей Севера проблема межнациональных отношений звучит несколько иначе. Мы говорим о выживании этих народностей.

Мне хотелось бы сказать об экономике и экологии, потому что экология — это для северного народа фактор сохранения биоресурсов. И вот эта связь, очень живая, очень подвижная и очень легкая ранимая, у нас нарушилась. Чтобы восстановить ее, мы должны ограничить темпы развития нефтегазового комплекса.

Слов нет, нефть и газ — наше с вами общее достояние. Едим мы этот пирог все вместе, но почему должен гибнуть народ? Почему, двигаясь по пути гуманизации социализма, мы должны через 20—25 лет развести руками? Я думаю, что необходимы очень серьезные шаги. Центральный Комитет партии сделал эти шаги, но, мне кажется, Совет Министров и Президиум Верховного Совета России медлят с конкретными делами. Вновь и вновь пытаются сделать так, чтобы, извините пожалуйста, решить вопрос, скажем, о размещении туалета в городе Ханты-Мансийске, мы должны связаться с республикой. Все говорят: будьте самостоятельны, но, к сожалению, часто все ограничивается только словами. Сегодня мы должны пересмотреть многие существующие инструкции, законные акты, нормативы и все прочие рекомендации. Доходит, товарищи, до смешного. Скажем, чтобы иметь ружье ханту, надо вступить в общество охотников и рыболовов, а для этого надо заплатить деньги, а это же для него способ жизни. Для того, чтобы зарегистрировать

шлюпку или лодку, надо опять заплатить. Но ведь мало кто подозревает, что иного способа передвижения, чем по воде, у ханта и манси просто нет.

Хотел бы сказать и еще об одном моменте. О степени участия масс людей в законотворчестве. Пока этот процесс идет сверху вниз. Думается, что его надо подкрепить движением снизу. Мы внесли предложение (и различные группы ученых в Новосибирске, Свердловске и Москве поддержали нас) о создании альтернативных вариантов государственно-правового статуса автономного округа. Думаю, что в ближайшее время мы получим предложения ученых и смогли бы провести у себя референдум, узнать, что же хотят сами люди, как они представляют свою жизнь на Севере дальше.

В. МИЛЛЕР, директор Института философии и права Академии наук Латвийской ССР.

Сегодня здесь говорилось об отрицательных последствиях заключения нового союзного договора. Но я думаю, что целесообразно подумать и о том, нет ли здесь положительных моментов.

Мне кажется, заключение такого договора могло бы дать возможность решительно отказаться от той деформации, которая, как мы сейчас все признаем, имела место в течение долгих десятилетий и была характерна для наших федеративных отношений. Союзный договор обязательно должен стать составной частью Конституции СССР.

Второй вопрос. О выходе союзных республик из Союза. Выдвинутое здесь положение о том, что он возможен лишь тогда, когда на это дадут согласие все союзные республики, в значительной мере ущемило бы их права и вошло бы в явное противоречие с принципом самоопределения наций. Мне кажется, что должен быть такой законодательный документ, который четко предусматривал бы процедуру, право на выход из состава Союза.

И третий вопрос — о расширении законодательных прав союзных республик. Мне думается, что нужно не только расширить круг вопросов, по которым они могли бы издавать законы, но и дать им дополнительные гарантии, которые бы дали возможность более полно пользоваться своими полномочиями.

Кроме того, можно было бы использовать и целый ряд положений Конституции СССР 1924 года. В частности такое, которое предоставляло бы высшему органу власти союзной республики право опротестовывать постановление союзных правительственных органов, право Советов Министров союзных республик приостанавливать действия союзных министерств и ведомств на своей территории, если эти действия находятся в противоречии с союзным и республиканским законодательством, с последующим уведомлением об этом Совета Министров СССР.

И еще об одном — об издании республиканских законов о гражданстве. Я полагаю, что союзным республикам необходимо предоставить это право.

Н. ХОМЕНКО, секретарь Президиума Верховного Совета Украинской ССР.

Прежде всего я хотел бы высказать возражение тов. Миллеру. На наш взгляд, урегулирование компетенции Союза ССР и союзных республик, конечно же, надо решать на конституционном уровне.

не, а не обращаться к составлению нового Договора. А для того, чтобы республика знала, какой круг вопросов входит в сферу их совместного ведения, надо это четко отразить в законе. Для обеспечения четкости и законности, видимо, вопросы, входящие в сферу исключительного ведения Союза ССР и совместного ведения с союзными республиками, следовало бы разделить.

И еще одно направление, где, на наш взгляд, необходимо обеспечить четкое распределение компетенции. Это область законодательной деятельности, законодательного регулирования общественных отношений.

В ведение Союза ССР в сфере законодательства, несомненно, должно быть отнесено установление Основ законодательства Союза ССР и союзных республик. Что же касается принятия других актов, направленных на обеспечение единства законодательного регулирования, то в союзных законах должны быть определены конкретные проблемы, по которым союзный законодатель может принимать такие акты.

Разрешите остановиться на одном вопросе, о котором здесь речь сегодня не шла. Это роль и место прокуратуры в системе федеративного государства. Как известно, до 1936 года каждая союзная республика самостоятельно назначала своего прокурора. В 1936 году прокуратура была централизована, это положение нашло свое закрепление в Конституции того же года, которая предусматривала также централизацию законодательных функций и отнесение ее по всем основным параметрам к ведению Союза ССР. При таких условиях централизация прокурорского надзора была, безусловно, логичной. Однако после февраля 1957 года, когда законодательные функции вновь были возвращены республикам, такая структура прокуратуры, на наш взгляд, утратила смысл и не соответствует суверенному статусу союзных республик, имеющих свою развитую систему законодательства.

Наиболее рациональным, соответствующим федеративной природе Советского государства, на наш взгляд, было бы такое решение вопроса, при котором прокуратура строилась бы как орган республиканский. При этом прокурор республики должен был бы назначаться Верховным Советом союзной республики, утверждаться Съездом народных депутатов.

Как альтернативу этому, на наш взгляд, правильному решению, можно было бы предложить и такой порядок, при котором прокурор республики назначался бы Генеральным прокурором СССР и утверждался в своей должности Съездом народных депутатов союзной республики, которому бы он, как и Генеральному прокурору СССР, был подконтролен.

Л. ГРИГОРЬЕВА, Председатель Президиума Верховного Совета Якутской АССР

У меня два конкретных предложения. Нам обязательно надо образовать Государственный комитет по народностям Севера. В течение 20 лет принимались различные постановления ЦК партии, правительства, но они почти не выполнялись, потому что не координировались и не контролировались.

Следующее. Настало время Академии наук Союза ССР иметь специализированный научно-исследовательский институт по проблемам народностей Севера.

С. АВETИСЯН, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Армянской ССР.

На наш взгляд, в теоретических разработках политических аспектов национально-государственного устройства СССР все еще преобладает оправдывание сложившейся национально-государственной структуры нашей страны: попытки обоснования невозможности образования многих автономий, преобразования одних форм в другие, перехода автономных образований из состава одной союзной республики в состав другой и т. д.

Законодательство, регулирующее соответствующие сферы общественных отношений, на сегодняшний день направлено не на стимулирование дальнейшего прогрессивного развития и совершенствование социалистического федерализма, а на сохранение и закрепление статус-кво.

Сказанное еще в большей степени относится к федеративной структуре и автономизации, поскольку были допущены определенные издержки на начальном этапе формирования нашего союзного государства. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос о выводе в конституционном порядке некоторых автономных формирований из республиканского подчинения, учитывая конкретную ситуацию, превратив их в национально-государственные образования в составе СССР. Это соответствовало бы решению XIX партконференции о пересмотре статуса автономии. А нациям и народностям, не имеющим своего национально-государственного образования, предоставить право объединиться в одну из его форм.

В Конституции СССР имеются противоречивые положения о правах союзных республик и автономных образований. Статья 70 Конституции рассматривает право наций на самоопределение как нечто явно осуществленное в СССР и поэтому носит декларативный характер. А согласно статьям 78 и 84, территории союзной и автономной республик не могут быть изменены без их согласия, в то же время не предусмотрено такое же право для автономных областей и автономных округов. Это является нарушением права наций на самоопределение.

Г. ТРОШКИНА, председатель исполкома Совета народных депутатов Хакасской автономной области.

В соответствии со статьей 71 Конституции РСФСР и статьей 1 Закона о Хакасской автономной области область находится в составе Красноярского края. Причем ни Конституция СССР, ни Конституция РСФСР не регламентируют прав автономной области. Правовое положение области по существу сведено до уровня территориально-административной единицы края. А ведь автономия в ленинском понимании означает право самостоятельности, осуществление государственной власти или управления, предоставленных Конституцией какой-либо части государства. Некоторые полномочия у нас оказались либо неконкретизированными, либо неурегулированными. И даже вновь разрабатываемый проект Закона о местном самоуправлении не учитывает автономную область.

Таким образом, в правовом отношении автономные области РСФСР по своему положению оказались в худших условиях, чем, например, равноценные им по экономическому и социальному потенциалу автономные республики и неавтономные области. И, как

следствие, поскольку область является составной частью края и ограничена в своих правах, между ними возникают конфликтные ситуации.

Неоправданная зависимость области от края заметнее всего ощущается в сфере капитального строительства, в местной, пищевой промышленности, при распределении фондов на продовольствие, строительные материалы и конструкции, при распределении сверхплановой продукции сельского хозяйства и по многим другим направлениям. Так, в Хакасии из 13 имеющихся на территории области предприятий местной, пищевой промышленности, промышленности строительных материалов только одно подчинено облисполкому, и то условно, без права планирования производства и распределения продукции. Остальные 12 находятся в полном ведении крайисполкома. В результате многие процессы, которые должны были управляться областью, оказались ей не подконтрольны.

Все это говорит о том, что автономные области РСФСР оказались в трудном и даже непонятном положении. Надо сказать, что их включение в состав краев и подчинение краевым инстанциям было логичным, оправданным шагом на первом этапе их создания.

Я думаю, что заостренность форм, которые были приняты раньше, сегодня нужно пересмотреть.

Чтобы дать полнокровное развитие национальным регионам, необходимо предоставить автономным областям право законодательной инициативы в Верховном Совете РСФСР по всем вопросам, касающимся экономики и социальной сферы.

Д. ЗЛАТОПОЛЬСКИЙ, доктор юридических наук, профессор юридического факультета МГУ.

Многие из вопросов, которые мы здесь обсуждаем, носят дискуссионный характер. И вот в этом плане мне хотелось бы прежде всего обратить внимание на то, что сейчас идею перехода от федерации к конфедерации выдвинули определенные общественные движения: в союзных республиках Прибалтики. Прежде всего эта формула содержалась в программе Народного фронта Эстонии. Решение это выглядело очень демократично, там было сказано так: переход от сталинской федерации к демократической конфедерации. Но этот тезис абсолютно антинаучен во всех отношениях.

Во-первых, нашу федерацию я бы не стал называть сталинской. Несмотря на то, что искажения были. Сталинской ее называл академик Вышинский. А она была все-таки основана на ленинских принципах, и эти ленинские принципы надо восстановить, закрепить в Конституции.

Принципов этих пять. И думаю, что соответственно им нужно посвятить пять статей.

Насчет конфедерации. У нас никогда не было, если говорить о взаимоотношениях между республиками, конфедеративных отношений. Никогда. Никогда и нигде вопрос таким образом не ставился.

Народный фронт Эстонии предлагает перейти к конфедерации, совершенно, видимо, не представляя, что это такое. Я, конечно, прошу извинения у руководителей Народного фронта, но тем не менее не могу говорить иначе. А дело в том, что ведь конфедерация — это международно-правовое объединение. И для того, чтобы перейти от федерации к конфедерации, нужно как минимум согласие других республик.

Должен сказать, что в общественно-политических движениях в Прибалтике есть немало позитивного, это общеизвестно и это хорошо. Они стоят на позиции перестройки, но есть некоторые моменты, против которых надо выступать со всей определенностью и откровенностью. Они сформулированы наиболее определенно в Эстонии, но такие же положения содержатся в программе «Саюдис» в Литве. Здесь присутствуют мои литовские друзья, они это знают. Аналогичная позиция и в Латвии, профессор Миллер, мой друг, тоже это знает, конечно.

Как там ставится вопрос? Считается, что изначальным, исходным является суверенитет союзных республик. А суверенитет Союза ССР происходит от этого суверенитета. Но такая постановка вопроса не выдерживает никакой критики, она совершенно неправильна.

Очень сложным является вопрос о национальной основе нашей государственности. И его ставят по-разному. Одно время даже предлагалось: если союзная республика насчитывает меньше 50 процентов коренного населения, то ее надо упразднить. В одной из работ в 1969 году некий автор предложил упразднить «всего-навсего» две союзные республики — Казахскую и Киргизскую. Правда, он предложил альтернативу: в крайнем случае, говорит, можно в северных областях Казахстана, где русские преобладают, создать русскую автономную республику.

Я не буду говорить, насколько эта идея бездарна. Но все-таки постановка проблемы, даже в таком виде, имеет значение, мне кажется, даже до сих пор.

Здесь выступали представители автономий. Так вот, вопрос о национальном составе этих единиц сейчас стоит остро, потому что там очень незначительный в процентном выражении национальный состав. Возникает вопрос: что же мы должны ставить вопрос об их упразднении? На мой взгляд, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах.

Наше многонациональное государство нельзя разрушать, им надо гордиться. Надо исходить из того, что у нас есть четыре формы национальной государственности: союзная республика как высшая форма, автономная республика, затем автономная область и автономный округ. И социализм может гордиться тем, что имеет богатство форм национальной государственности.

Т. ИВАНОВА, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР.

Я думаю, что нет необходимости говорить об актуальности вопроса межнациональных отношений для нашей республики. Только в автономиях у нас проживает свыше 25 млн. человек. И, сознавая сложность, противоречивость, многоплановость процессов межнационального развития России, считаю, что одна из важнейших проблем — это возможность реализации суверенных прав самой союзной республики — Российской Федерации.

Эту проблему мы вроде бы и стесняемся рассматривать. А ведь это единственная федеративная республика, в которой нет многих институтов. Этот вопрос имеет принципиальное значение не только для республики, но и для гармонизации межнациональных отношений в целом.

К примеру, проблемы о компетенции центра и России возникают не только у нас. Они волнуют и другие республики.

Не секрет, что авторитарный монополизм центральных ведомств, чуждый интересам всех наций, я подчеркиваю это, в обыденном сознании зачастую связывается с Россией. Так что сейчас решение одних проблем нельзя оторвать от других.

Взять хотя бы отсутствие статистики по национальным вопросам. Оно не позволяет оценить уровень и характер миграции различных национальных групп. Вот в Прибалтийских республиках возникают претензии: кто приехал, кто уехал, кто работает. Хотя совершенно ясно, что исследований в этой области нет. Надо заниматься этой проблемой, советоваться с людьми, иначе это, действительно, ведет к обострению межнациональных отношений.

А для того, чтобы не допускать дальнейшего обострения положения, необходима тщательная экспертиза хозяйственных проектов на территории проживания наций и народностей, участие их представителей в контроле за хозяйственной деятельностью министерств и ведомств, предварительное и гласное обсуждение, учет общественного мнения.

Как показывает изучение материалов, которые поступают в Президиум Верховного Совета СССР из различных регионов Российской Федерации, острота сегодняшней ситуации во многом объясняется, с одной стороны, чрезмерной централизацией руководства развитием наций, а с другой, стремлением на местах принизить интернациональные интересы.

Широкая общественность все настойчивее обращает внимание на то, что Российская Федерация не имеет ряда государственных, общественных и научных структур, которыми располагают другие союзные республики и которые жизненно необходимы. Какие же вопросы ставят люди? В частности, такие. В России около 30 миллионов представителей различных народностей лишены национально-административной автономии. Сократилось число национальных школ, уменьшилась подготовка национальных научных кадров, снизилось качество подготовки специалистов, сузилась сфера использования национальных языков — вот далеко не полный перечень, который сегодня волнует людей.

Очевидно, что в решении этих проблем нужно действовать сообща, с участием центральных государственных, общественных органов, входящих в политическую систему нашей страны. Должна сказать, что их внимание к России неоправданно мало, и я очень надеюсь, что, может быть, вновь созданный институт при Верховном Совете СССР как-то обратится к проблемам России.

И строить эту работу надо на серьезной научной основе. Ведь ни для кого не секрет, что и Академия наук Союза, и ее институты к многоплановым проблемам России относятся довольно прохладно.

Наверное, исправляя деформации, ошибки прошлого, надо как-то постараться, хотя новые пути неизведанны, максимально избежать их сегодня.

В интересах обеспечения подлинно научного руководства развитием социалистических наций представляется необходимым создать если не Академию наук РСФСР, то по крайней мере систему соответствующих научных центров в России, в том числе региональных, позволяющих решать насущные потребности развития во всем комплексе.

Это позволило бы вести научные разработки по совершенствованию

нию национальной политики, готовить соответствующие рекомендации, изучать и распространять опыт интернационального взаимодействия народов.

Я понимаю, что обо всех проблемах сказать невозможно. Но хочу довести до вашего сведения те, над которыми надо еще думать.

Вот некоторые. Создать в России орган или комитет по межнациональным вопросам, который бы осуществлял проведение в жизнь единой государственной политики в области межнациональных отношений с учетом федеративного устройства нашей республики.

Мы не один раз в Президиуме глубоко обсуждали проблему органов власти — иметь две палаты или не иметь? Предложения были разные. Значит, нам придется еще обсуждать эти проблемы, и, наверное, мы найдем какое-то решение.

Предлагается также расширить нормы представительства автономной области, автономного округа в органах государственной власти и управления союзной республики, предоставить им в лице Советов народных депутатов право законодательной инициативы в Верховном Совете союзной республики, расширить круг вопросов социально-культурного строительства, которые окончательно решаются органами АССР, автономных областей, округов. Действительно, товарищи, театр национальный открыть — надо обязательно ехать в Совмин или в министерство Российской Федерации, а чтобы музей открыть — надо вообще в ЦК согласовывать вопрос. Конечно, так не может быть.

Здесь высказывались пожелания о возможном образовании национальных районов, национальных сельсоветов. Но я вам должна сказать, мы нашли интересные документы об этом, они относятся к 20—30 гг. В 1937—1938 гг. эти образования были упразднены. Думаю, что сейчас стоило бы внимательно изучить опыт прошлого по имеющимся архивным и другим материалам.

Эти и ряд других вопросов анализируются комиссией, которая у нас создана и руководит которой В. И. Воротников. В ближайшее время будем собирать и изучать все проблемы.

К. СКВОРЦОВ, заместитель директора ВНИИ Прокуратуры СССР.

Действующее законодательство, как показывают печальные события, которые происходят в ряде регионов нашей страны, сейчас недостаточно гарантирует свободное развитие всех народностей, национальностей. На мой взгляд, главной, ведущей концепцией в регулировании межнациональных отношений должно быть активное включение в решение проблемы всех правовых рычагов многих отраслей права и участие в этом деле как государственных, так и общественных формирований граждан.

При этом необходимо не на словах, а на деле учитывать все те международные конвенции, которые подписал Советский Союз и к которым он присоединился.

Говоря о необходимости задействовать все правовые рычаги для решения межнациональных проблем, необходимо речь вести и о

**В. ВИНОГРАДОВА,
Н. ЛОПАТЕНКО**

НАКАЗАНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ЧАСТЬ II

В предыдущей публикации мы рассказали о негативных, присущих исправительно-трудовым учреждениям процессах, которые являются одной из причин роста рецидивной преступности. Другие причины возникают сразу же за воротами зоны...

ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ

Для специалистов и двадцать, и десять лет назад, и вчера не было секретом, что каждые семь из десяти повторных преступлений совершаются не только в первый год, но и буквально в первые месяцы после освобождения. Статистика фиксировалась, доклады валаась, анализировалась. Но не менялась. И сегодня она, увы, пока та же.

Итак, рано или поздно, но наступает день, когда «гражданин осужденный» восстанавливается в статусе свободного гражданина, то есть становится носителем всех прав и обязанностей, провозглашенных Конституцией СССР. Именно в этот день исправительно-трудовые учреждения, независимо от того, справились они с возложенной на них миссией или нет, передают этого гражданина нам с вами. Нам — это родным и близким, горрайотделам внутренних дел, наблюдательным комиссиям при исполкомах местных Советов, трудовым коллективам на предприятиях и даже случайным прохожим — всем, с кем придется сразу же столкнуться в своей новой жизни отбывшему наказание и от кого в значительной степени будет зависеть, станет ли для него эта жизнь новой. Если станет, то через определенное время, в зависимости от совершенного им преступления, в любой анкете на вопрос: состояли ли вы под судом и следствием — он вправе ответить: не состоял.

Говорят, что почти каждый, переступив порог колонии, нарушает правила дорожного движения, неадекватно ведет себя в общественных местах и что стоит несколько минут пообщаться с таким человеком, как нетрудно догадаться, в каких «далеких краях» он побывал. И это понятно. Ведь даже когда возвращаешься из продолжительной командировки или отпуска, то родной город кажется тебе изменившимся. Для того чтобы влиться в привычный ритм города, требуется иногда несколько дней. Что же говорить об этих людях, которые годами не видели машин, магазинов, большого скопления людей, да и отвыкли от простого человеческого общения. Как могут не шарахаться они на первых порах от прохожих при обращении к ним «товарищ», когда из года в год и изо дня в день были обязаны, подчиняясь Правилам внутреннего распорядка ИТУ, обращаться к

любому сотруднику колонии с идущим еще от ежовских лагерей и коверкающим русский язык сочетанием слов «гражданин начальнику»? Им для адаптации к жизни, от которой они успели отвыкнуть, нескольких дней явно недостаточно. И для того, чтобы статус свободного гражданина был не просто дарован законом, а стал образом жизни, тоже нужно очень многое: вернуться домой, устроиться на работу, встретить добрых и отзывчивых людей, которые не косятся на тебя будут, а протянут руку помощи.

Хорошо, если у такого человека есть дом, потому что многие, особенно те, кто побывал в колониях не единожды, зачастую вообще никакого пристанища не имеют. Но, оказывается, вернуться к себе домой не так просто. Если у осужденного к лишению свободы был дом: квартира, комната, но проживал он там один — можно считать, что дом этот у него сплыл.

Наказание, как известно, устанавливается уголовным законом и назначается ТОЛЬКО СУДОМ. Об этом говорит статья 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Обычно суд назначает нарушителю закона одно наказание. В некоторых случаях, правда, предусмотрены и дополнительные: ссылка, высылка, конфискация имущества... Нет смысла перечислять все виды дополнительных наказаний, потому что мы все равно не найдем среди них лишения права на жилплощадь.

Зато из смысла пункта 8 статьи 60 Жилищного кодекса (соответствующие нормы содержатся в кодексах других союзных республик) вытекает: в случае осуждения к лишению свободы на срок свыше 6 месяцев, ссылка или высылке право пользования жилым помещением утрачивается.

Безусловно, было бы неразумно при остро стоящей у нас жилищной проблеме позволить пустовать в течение ряда лет квартиры или комнаты. Но почему нельзя сдавать ее до возвращения осужденного под обязательство внаем, и почему гражданское законодательство подменяет собой уголовное и устанавливает по сути дела еще одно наказание, ответить трудно.

Возможен и другой вариант. У осужденного к лишению свободы был дом и проживал он там не один, а с семьей. Но вот жена (или муж) во время отбывания им наказания расторгает брачные узы, и он опять же дома лишается. Почему, когда в обычной жизни подобные семейные коллизии разрешаются в законном порядке разделом жилплощади? На этот вопрос ответить также невозможно.

Почему, например, при еще одном варианте, когда у освободившегося есть дом и его там очень-очень ждут — жена, дети, родители, которые смогут сделать то, что не под силу ни одному воспитателю-производственнику, да и самому лучше воспитателю на свете, — он тоже далеко не всегда может в него вернуться?

Может быть, мы имеем в виду тех, кому суд назначил в качестве дополнительного наказания высылку, которая может применяться лишь в случаях, специально указанных в санкциях статей Особенной части уголовного законодательства, и на кого распространяются правила, предусмотренные статьей 88 ИТК РСФСР (и соответствующими статьями исправительно-трудовых кодексов других союзных республик), о том, что «высланные избирают место и вид работы, а также место жительства по своему усмотрению, кроме местностей, проживание в которых им запрещено в силу приговора суда»? Отнюдь нет. Мы как раз имеем в виду тех, к кому суд не счит нужным

применять такое наказание, или же оно вообще отсутствует в санкции статьи, по которой был осужден человек. Так почему же он тогда домой вернуться не может? Потому что в данном случае прерогативой закона и суда воспользовался Совет Министров СССР, не только вторгшись в исключительную компетенцию суда о назначении или неназначении какого бы то ни было наказания, но и значительно расширив на свое усмотрение перечень статей уголовного закона, эти наказания устанавливающих! Символично, что удивительная по своей природе нормотворческая деятельность правительства завершилась в переломном 1985 году. Но за предшествующее десятилетие ему удалось принять ряд постановлений, определяющих статьи уголовного кодекса (1), судимость по которым влечет ограничения в прописке, а также города, районы и области, где эти ограничения действуют.

Еще Ленин предостерегал от подмены законного целесообразным, но все-таки, ломали мы себе головы, какое же рациональное зерно усматривали в этих ограничениях те, кто их выдвигал, рассматривал, утверждал?

— Рациональное зерно? Конечно, было, — говорят нам в Паспортном управлении г. Москвы. — Знаете, что такое «криминогенная зараженность»? Ну, это дружки-приятели, те нежелательные социальные связи, которые могут возобновиться на прежнем месте. И тут подумаешь, куда лучше: к семье или от нее?! Да и не во всех местах у нас особый паспортный режим действует, а, так сказать, в местах «наибольшего благоприятствования» для этой самой «зараженности». А то, что с жильем трудности, так есть статья 104 ИТК РСФСР и во всех кодексах республиканских такие статьи есть, в соответствии с которыми их и жильем и работой обязаны обеспечивать...

Согласиться с нашим собеседником можно лишь в том, что не во всех местах у нас особый паспортный режим действует. Вот, например, в Москве, Киеве и многих столицах союзных республик действует, а в Вильнюсе — тоже столице союзной республики — нет! Интересно все же, по каким параметрам и критериям определялись эти места «наибольшего благоприятствования» для возобновления нежелательных связей, если, конечно, вовсе определялись?

К нам в редакцию почти в одно время обратились два москвича (теперь бывших), освободившихся из разных колоний общего режима для впервые осужденных.

Один был осужден к двум годам лишения свободы по части 2 статьи 191¹ УК РСФСР, предусматривающей ответственность за сопротивление работнику милиции или народному дружиннику. По его словам, он ехал в метро со свадьбы навеселе и тихо пел песню. Ехавший в том же вагоне сотрудник милиции настойчиво попросил его покинуть не только конкретный вагон, но и метрополитен в целом. Поющий схватился за поручень, выходить категорически отказался, в чем, опять же по его словам, и выразилось сопротивление. Так ли было на самом деле или совсем не так, установить уже практически невозможно, да и не нужно. Не пересмотра же дела просит человек! Он отбыл назначенное ему судом наказание. А обратно к семье его не прописывают: его статья подпадает под «усовершенствованный перечень», и судимость по ней влечет ограничение в прописке в Москве, где действует паспортный режим. Почему? Он что, опять того же милиционера встретит и установит с ним «нежелательную связь»?

Другой отбывал наказание за мужеложство по части 1 статьи 121 УК РСФСР. И этот страдавший недугом человек к родным вернуться не может потому, что те, кто включал эту статью в пресловутый перечень, видимо, решили, что в местах, где нет особого паспортного режима, и недуга такого нет.

— Помогите нам,— просят оба и спрашивают,— разве это закономерно, что нас не прописывают?

Насчет «законно ли», с какой стороны посмотреть. Если относительно статуса свободного гражданина, в котором восстанавливается освободившийся, то, конечно же, незаконно. Ну, а если относительно действующих пока, хотя и в противовес закону, нормативных актов, то получается, что законно. Так что мы можем помочь, только написав и напечатав статью, а им и таким как они придется до поры до времени отправиться в города и веси, где, как нам сказали, их обязаны и жильем обеспечить, и на работу устроить. Но действительно ли обязаны?

Да, исполкомы местных Советов народных депутатов, говорится в статье 104 ИТК РСФСР, не только обязаны, но и в кратчайший — 15-дневный срок! Но беда вся в том, что, как говорят юристы, статья эта «не работает». Не могут на местах решить архисложные социальные задачи, тем более что их во много раз больше, чем если бы не было жилищных и паспортных ограничений. А в каких-то случаях и могут, но не хотят.

Исполкомы возложили обязанности по трудовому и бытовому устройству отбывших наказание на подчиненные им органы: наблюдательные комиссии, горрайотделы внутренних дел, участковых инспекторов. Наблюдательным комиссиям часто просто некогда вести войну с базовыми предприятиями, куда должно трудоустраивать освободившихся,— эти органы действуют при исполкомах на общественных началах, и многоуважаемым членам комиссий не хватает времени выполнять и основную, и общественную работу. Базовые предприятия (особенно после перехода на хозрасчет) не хотят брать к себе неизвестно какого работника — по ним рублем может ударить. Горрайотделы внутренних дел не желают нарушать в своем районе оперативную обстановку — а вдруг вновь совершит преступление?! И все вместе, координируя или нет свое нежелание, дают одинаковые по форме отказы: нет базовых предприятий; на базовых предприятиях переполнены общежития; нет жилья; нет работы. То или другое. И никто не несет ответственности!

— А кто вы хотите, чтобы ее нес? — говорит нам один ответственный работник исполкома.— Хотите, я вам честно скажу, только если пообещаете, что ни город, ни фамилию мою называть не будете?!

— Хотим,— сразу же соглашаемся мы.

— Так вот, кто должен нести ответственность? Наблюдательные комиссии, но это смешно, право. Ответственность должны нести мы, исполкомы, и заниматься этим должны мы, но не сейчас, а когда... Первое, когда этот контингент будут принимать все города. Приняли мы полгода назад двоих, а нам опять запрос присылают!.. Ну и почему мы должны? Чтобы через полгода к нам еще партию отправили!.. Второе, когда жилье не будут отбирать у тех, у кого было. Знаете, во сколько раз миграция сократится?! Третье, когда с базовыми предприятиями, да и с любыми что-то решат: стимулы нужны, чтобы по ним рублем не ударяло, ну и сознательность, ко-

нечно. Вот, когда все это будет, тогда три шкуры надо драть с тех, кто 104-ю не выполняет, то есть с нас!

— А пока?

— А пока надо, чтобы скорей решались эти вопросы. Комплексно, очень быстро. Я сам юрист по образованию, проблему знаю. Рецидив — это страшно, и его много, больше чем достаточно. Кто-то должен крикнуть: «SOS»! Как вы, наверное, понимаете, не наблюдательная комиссия исполкома маленького города. Да тот же ГУИД может поставить вопрос перед компетентными органами об отмене существующих ограничений хотя бы. А то знаете, что сейчас получается: колония, так сказать, перевоспитывает, а что с ее «перевоспитавшимися» дальше, ей все равно. Приехали к нам те двое с направлениями, запросы на которых, кстати, мы не получали, а об их судьбе никто и не поинтересовался...

Так какой же вариант или шанс остается сейчас у значительной массы разных категорий освобождающихся начать новую жизнь? Если не сказать нулевой, то мизерный.

За три месяца до освобождения осужденного инспектор по трудовому и бытовому устройству в колонии начинает свою трудоемкую работу. Он, руководствуясь тем, куда НЕ...ЗЗЗЯ, посылает многочисленные запросы туда, куда МОЖНО, и получает не менее многочисленные ответы, похожие друг на друга, как близнецы-братья. Иногда количество запросов на одного освобождающегося достигает сотни, и, хотя положительного ответа на них нет, освобождать человека нужно. В этом случае инспектора по ТБУ, как они говорят, идут «на улочки»: посылают направление, а следом освободившегося или выдают направление на руки, предоставляя возможность ему самому разжалобить местные власти, что в принципе одно и то же. Когда же особая запарка, то могут отправить и туда, откуда пришел отрицательный ответ — они же понимают, что в ответах этих не всегда правда, а живой человек — дело другое. Авось возьмут? В глубине души при этом надеясь, что если не возьмут, и в другом и в третьем месте не возьмут, то авось не разбой совершит, а кражу! Но ведь это все равно, что не проверить техническую готовность самолета к вылету: авось долетит?! Кстати, почти все инспектора по ТБУ провожают своих подопечных до поезда. Не только потому, что волнуются, что те не найдут железнодорожного вокзала, но и потому, что также в глубине души понимают, с каким чувством отправляются их подопечные туда, где заведомо знают, что их ждет.

— Знаете, сердце сжимается, — говорит старший инспектор по ТБУ ИТК строгого режима г. Костромы А. И. Кульмач, — у нас же рецидивисты, а сажаешь их в поезд и не знаешь, что с ними будет. А до поезда зачем? Тут много причин, да и мало ли что с таким настроением они могут прямо рядом с колонией выкинуть!..

Видимо, все-таки эта причина самая главная. И главное посадить в поезд. Как будто речь идет о бумажном кораблике, пущенном по течению. Прибьется к берегу или утонет?! В гражданском праве есть такое понятие — «источник повышенной опасности». Так, например, водитель автомобиля, даже в случае своей полной невиновности при наезде, должен возместить материальный ущерб, причиненный здоровью потерпевшего. Потому что автомобиль — источник повышенной опасности! А неоднократно или даже впервые судимый, которого колония выпускает из своих стен неведомо куда, он не источник повышенной опасности? И никакой ответственности ИТК

за это не несут: сведений о том, добрался человек-кораблик до нового места жительства или нет, сюда не поступает, статистика о рецидиве в колониях не ведется.

— Ну а что мы можем сделать? — спрашивает Кульмач. — Не у себя же в колонии их оставлять! Мы люди маленькие...

Один инспектор по ТБУ, безусловно, ничего сделать не может. Но должность эта для чего-то существует! И деньги, надо сказать, эти «маленькие люди» получают очень даже немалые. Так вот, если бы все инспектора по ТБУ, вместо того чтобы провозжать до поезда, разом уволились с безрадостной и опасной своими последствиями работы или, например, опять же все вместе приехали в Москву на незапланированное совещание, а чтобы провести митинг во дворике ГУИДа (мы думаем, что, узнав суть дела, Моссовет непременно дал бы им такое разрешение), то необычный этот митинг привлек бы к себе, да и к проблеме в целом внимание самых разных компетентных органов!

Пока же во дворике ГУИДа, вернее, во дворике, что напротив, у Приемной ГУИДа МВД СССР, запрятавшейся в центре Москвы на Большой Бронной, собираются сами освободившиеся. Не все и далеко не все, конечно. А те, кто, безрезультатно поколесив по Русиматушке, давно уже без гривенника в кармане и маковой росинки во рту все еще не утерять надежду начать желанную новую жизнь и приехал сюда за последней правдой.

Начальником Приемной и ответственным за последнюю правду здесь Николай Сергеевич Байдалинов, ведущий ежедневный прием освободившихся из ИТУ по самым разным вопросам, среди которых вопрос «отказников», то есть не принятых на жительство и работу, — самый частый. За первые посещения Приемной и дворика перед нами промелькнул такой калейдоскоп лиц и на нас обрушилась такая лавина разных горестных судеб, что мы, успев восхититься, даже не успели поинтересоваться, каким образом удастся Николаю Сергеевичу с поражающей воображение скоростью вершить (может быть, в последний раз!) судьбы этих отчаявшихся людей, тогда как инспектора по ТБУ в колониях тратят безрезультатно на то же самое три месяца!

И только через две недели, проведенные в Приемной с утра до вечера, нам удалось постичь секрет этой спорной работы. Оказалось, что Николай Сергеевич — последняя инстанция и последняя надежда, руководствуясь тем же перечнем с НЕ...ЗЗЗЯ и МОЖНО, просто не запрашивает места, куда выдает направления своим необычным посетителям.

— Граждане корреспонденты, — мнется во дворике трудноопределяемого возраста мужчина, — вы бы это, зашли обратно к начальнику, а я следом за вами...

— Зачем? — удивляемся мы, только что вышедшие подышать свежим воздухом.

— Понимаете, пока вы там были, всем отказникам красненькие, ну десятирублевки, выписывали. А только вы вышли — он не дает.

— А почему их должны выписывать? — интересуемся мы, так как выдача красненьких ускользнула из нашего внимания.

— Почему? — угрюмо и как-то обреченно хмыкает мужчина. — Потому что я и вон они, — кивает в сторону на кучку из человек пятнадцати мужчин и одной женщины, — сюда уже не по одному разу приезжаем. Я, например, в третий. Вам, конечно, трудно понять, что испытывает человек, у которого пять суток и хорошо, если

всего пять, кроме воды из-под крана в привокзальном туалете, в рту ничего не было. Если бы мне племянничек до лучших времен не выслал месяц назад полтинник, вряд ли бы я досюда доехал...

— Николай Сергеевич,— обращаемся мы к начальнику,— а вы всем отказникам по десять рублей выписываете?

— Всем, абсолютно всем, кто нуждается, а что?

— Да товарищ к нам обратился, говорит, вы ему не выписали, хотя он и нуждается.

— Это недоразумение. Где этот товарищ? Минутку, я его позову. Вы просто меня не поняли или я вас,— безупречно вежливо говорит Николай Сергеевич ошалевшему от чего-то посетителю.— Сейчас... вот, пожалуйста, и счастливого вам пути! — И нам, когда остаемся одни:— Беда просто! Не знаю, почему их с каждым годом все больше становится? Вот посмотрите: в 1982 году к нам обратилось всего 82 человека. А в 1988 году: в январе — 251, в феврале — 315, в марте — 260, в апреле — 257 и т. д. И это те, кому уже отказали. То есть получается, что за каждый месяц втрое больше, чем за целый год!

— Скажите, а десяти рублей разве может хватить даже на дорогу туда-обратно в общем вагоне из Челябинска, допустим, если им там откажут? А ведь вероятность велика!..

— Понимаю вашу озабоченность, но мы же не резиновые. А не из своих же денег мне им платить, да и все равно бы не хватило!

— А сердце не сжимается? — задаем мы последний вопрос на прощание, вспомнив, что у инспектора по ТБУ в Костроме «сжмалось».

— Да как вам сказать,— задумывается Байдалинов,— сначала, конечно, было, а потом?! Поработайте здесь, и вы адаптируетесь...

«Неужели действительно ко всему можно адаптироваться? — спрашиваем мы уже у самих себя, покидая кабинет начальника Приемной.— И к бесконечному отчаянию, горю в ежедневно смотрящих на тебя глазах, и к осознанию того, что каждое это единичное горе, вылившись из казенных стен и соединившись с другими, может вызвать целое море горя у ни в чем не повинных и никак не ожидающих его твоих сограждан... Вот врач, интересно, адаптируется ли он к смерти, с которой как никто другой имеет дело в мирное время?» «Никогда»,— как отрежет, скажет нам потом один старый хирург. Мужественней, без присущих другим эмоций, переносит — да! Воспринимает как неизбежность после борьбы за жизнь до конца — да! Адаптируется — нет! Если врач не сделал для жизни, которая пусть даже на волоске, чуть теплится, все от него зависящее, все, что было только возможно — он не врач! Его надо лишать диплома. Если сделал не то или не так, его могут отдать под суд...

— Граждане корреспонденты,— вырывает нас как будто из забытья знакомый уже голос,— спасибо вам, теперь есть на что ехать. И еще.., если вы и вправду писать о нас будете, то очень хотелось бы, чтобы ваши читатели побольше о нас узнали, поглубже. А то ведь как люди судят: а, воруа! Мало ему дали, надо бы napодольше упечь. То, что потом мыкаемся, что просвета никакого — вообще не знают. Второй, третий раз украл — значит ты законченный подонок и хорошо бы к стенке тебя. А почему он воруа? Кто этим интересуется? Ярлыки быстро клеятся, а корни

никто не видит. Нельзя, конечно, злодеяния оправдывать, но где выход? Маленькие-то, я не беру всякие аномалии, все одинаковые, все хорошие. Просто жизнь у всех по-разному складывается. Мне трудно за всех судить, но, по-моему, таких, как я, большинство. Слава богу, за пятнадцать лет жизни невольной навидался и наоборот! Три раза сидел, а промежутки, знаете какие? Самое больше пять месяцев! И ни одного хорошего человека, который бы по-человечески ко мне отнесся, представьте себе, не встретил. Ни одного! В лучшем случае равнодушных. А как началось? Мама умерла, когда и себя-то не помню. Отец пил, но я все равно его любил очень. Только от любви этой в холодильнике не прибавлялось. Поменьше был — соседи подкармливали, родители друзей, тех, кому разрешали дружбу со мной водить. А стал постарше — гордость одолела, да и противно, знаете, когда за спиной шушукуются, жалеют. Начал в магазинах подворовывать: когда хлеб, когда колбасу. Раз попался, другой — и в малолетку, в ВТК то есть. Год дали. Вышел. Отец без меня вообще спился, как его с работы не выгоняли, до сих пор удивляюсь, он грузчиком был на вокзале. Его держали, а меня, куда ни тыкался, отовсюду отфутболивали, даже не объясняя, почему. Отец два месяца держался — на его зарплату жили. Потом опять запил. Работы для меня так и нет, ну что делать? Опять стал воровать. На сей раз три года дали. Пока сидел, отец умер. Перед тем как мне освобождаться, сообщили: квартиры ты, парень, лишился, так что ищи себе работу с общежитием. Я тогда уже имел представление, что такое найти работу, да еще с общежитием. Но поклялся себе: обратно — никогда! Было у меня пятьдесят рублей, распределил: только хлеб и молоко — пока не устроюсь. Приехал, сначала в милицию пошел. Там мне сразу объяснили: у нас ничего не найдешь, давай отсюда! И не обманули, все ноги отбил — не берут — и все тут! Деньги кончились, грузчиком помогал — дадут пятерку — хорошо! А спать где? На улице спал. Поехал в Москву — тогда другая Приемная была. Дали мне в другое место направление. Картина та же. По колхозам окрестным помотался. Нужны там люди, понимаете, нужны, а от меня, как черти от лада-на, шарахаются. Перед одним председателем на колени встал, на любую работу просился — не взял. Хорошо я тот день помню. Сел в электричку зайцем, чтобы до еще одного недалекого райцентра добраться. Зима. Холод собачий. А я в куртке поролоновой, что на мне по швам трещит. Голова от голода кружится. Грязный, самому тошно. Вот такой я еду, зуб на зуб не попадает, а напротив мужик сидит: разодетый, щеки со спины видно, пирожки один за другим уплетает и на меня брезгливо смотрит. Смотрел он так, смотрел, а потом спрашивает: «Ты откуда такой затрапезный?» Ну начал я ему рассказывать, а он оборвал на полуслове и говорит: «Я бы вас всех на какой-нибудь остров спроваживал — вот и решенные проблемы. «Оттуда», друг мой, людьми не возвращаются! И куда только наше правительство смотрит!» Сказал и пересел. А вышли мы на одной станции. Он потом в больницу с тяжкими телесными, а я на восемь лет в колонию строгого режима... Вот и вся моя жизнь. Сейчас уже пятый месяц путешествую, и кроме хамства и взглядов испуганных, опять ничего! И, уверяю вас, многие, очень многие хотя бы сначала жить честно, а потом махнут на себя рукой — и понеслось! Кстати, вон, видите, женщина стоит, так мы даже смеялись, она утверждает, что есть на свете хорошие люди...

— А почему же она здесь?

— Это вы лучше у нее спросите, а я пойду, а то на поезд еще опоздаю.

— Есть,— неожиданно низким голосом отвечает нам единственная здесь представительница прекрасного пола Раиса Фархнулина.— Я, правда, тоже уже не верила, что они есть. За полгода намыкалась. И вдруг повезло! Все у меня уже было: и жилье, и работа. Казалось, теперь у меня этого и нечистая сила не отнимет. Но поехала в райцентр прописываться, так, знаете, куда меня начальник РОВД послал?! Вот и сейчас туда же направление дали, как вы думаете, может быть, теперь на него подействует?!

Чтобы не мучить себя догадками, узнать, куда же послал начальник РОВД г. Чухломы Раису Фархнулину, а также, следуя совету старой мудрой пословицы «лучше один раз увидеть...», мы взяли командировки и на следующий день выехали следом за ней.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА И ТИПИЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Дорога от Москвы до Чухломы, а тем более до деревни Чертово, хотя и недолгая, но неудобная. Поезд останавливается в Галиче, а дальше добираться автобусами, которые ходят по расписанию и довольно редко. Когда мы приехали в Галич и узнали, что автобус только что отошел, то решили зайти в горнарсуд, поинтересоваться, нет ли там свободного транспорта.

— Председатель суда на процессе. Скоро освободится,— сообщила симпатичная секретарша и, заметив, что мы направляемся к залу судебного заседания, захлопотала:

— Товарищи корреспонденты, куда же вы? Пройдите, пожалуйста, в его кабинет. Процесс совершенно неинтересный, ничего заслуживающего внимания, «мелочевка», честное слово, а вы с дороги, отдохните немного, а он вот-вот подойдет...

Долго уговаривать нас не пришлось. Действительно, немного усталые с дороги, поблагодарив любезную сотрудницу, мы последовали ее совету, о чем, не прошло и часа, очень и очень пожалели.

«Мелочевой», или не заслуживающим внимания делом, оказалась судьба Аркадия Николаевича Белокрыльцева, решавшаяся в зале судебного заседания в то самое время, пока мы отдыхали в уютном кабинете председателя суда.

Всего четыре месяца назад имеющий шесть судимостей, особо опасный рецидивист Белокрыльцев был освобожден из ИТК строгого режима Кировской области, откуда незамедлительно отправился в г. Грязовец, следуя выданному ему направлению. Так как он находился под административным надзором, устанавливаемым за лицами, освобожденными из ИТУ, при высокой вероятности возникновения рецидива и состоящим в определенном контроле за ними со стороны органов внутренних дел, то сразу же по прибытии обратился в РОВД, где у него состоялась «содержательная» беседа с лейтенантом милиции Н. А. Волковым. Дабы воспроизвести ее как можно более достоверно и поближе познакомить читателя с одним из представителей местной власти, приведем показания самого Волкова, содержащиеся в материалах дела:

«...Я зарегистрировал Б. в книгу учета Грязовецкого РОВД. После чего я побеседовал с Б., постарался выяснить, куда он собирается ехать после освобождения (?). Я провел с Б. беседу, посоветовал ему не скитаться без работы по ж/д, а ехать к избранному месту жительства (?) и устраиваться на работу. Он спросил меня, как с ра-

ботой в Грязовецком районе, можно ли устроиться. Я объяснил, что в Грязовецком районе, как и везде в настоящее время (!!!), с работой очень трудно, тем более, что ему нужна не только работа, но и жилье...»

Получив столь исчерпывающую обнадеживающую информацию и добрые напутствия на дальнейшее, Белокрыльцев, едва успел добраться до Костромы, как был задержан на вокзале и отправлен в приемник-распределитель. Там, выяснив суть дела, ему выдали новое направление... в Грязовец! Трудно понять, чем именно руководствовались в Вологодском приемнике-распределителе, выдавая направление в город, где не далее как два дня назад официальное лицо в официальном документе поставило свою подпись под понятными вроде бы словами: «В Грязовецком районе трудоустроить и обеспечить жильем не представляется возможным». Но зато совершенно нетрудно понять Белокрыльцева, который на сей раз в знакомый уже город незамедлительно не направился, а поехал в незнакомый еще Галич. Правда, в Галиче он до РОВД не дошел. Приехав к вечеру и переночевав не первую уже ночь под открытым дождливым небом на неуютной лавочке, он оставил наутро в кафе последние деньги, заливая проклятую горемычную жизнь. После чего решил обеспечить свое неясное будущее, украв из магазина три мужские сорочки общей стоимостью 52 р. 50 к. Дальше события развивались стремительно: в тот же час он променял жесткую лавочку на не более мягкие нары в следственном изоляторе. А неясное будущее вскоре приобрело вполне определенные очертания — 6 лет лишения свободы в колонии строгого режима.

— Слава богу, удалось снять с него обвинение по статье 198² УК РСФСР — нарушение правил административного надзора, — говорит председательствовавший в суде по этому делу. — Органами следствия он обвинялся не только в краже, но и в том, что не прибыл в определенный срок согласно направлению, выданному в приемнике. Дебаты разгорелись по этому поводу! Понимаете, нарушение надзора — дело серьезное, ведь он устанавливается далеко не всегда, а лишь в тех случаях, когда нет уверенности, что освободившийся не сорвется, то есть когда он реально опасен! Поэтому поднадзорный непременно должен находиться под контролем милиции по месту жительства: периодически отмечаться, быть дома в определенное время. Но, с другой стороны, где дома? После освобождения то он прибыл, куда требовалось. И, конечно, глупо ехать второй раз туда, где только что отказали...

— А не много за три сорочки — шесть лет колонии, учитывая к тому же предшествующие этой краже обстоятельства?

— Много! И чисто по-человечески можно было вообще не лишать его свободы, тем более Белокрыльцев нетипичный особо опасный рецидивист. Но по закону мы могли применить к нему наказание, предусмотренное лишь частью 4 статьи 89 УК РСФСР — кража, совершенная особо опасным рецидивистом... Отсюда и срок!

За окном давно опустились сумерки, ушел на Чухлому не один, наверно, автобус... А мы все еще находимся в здании горнарсуда, изучаем пухлое дело Аркадия Николаевича Белокрыльцева и ждем разрешения на встречу с ним от высокого начальства из Костромы.

Нетипичным особо опасным рецидивистом назвал его председатель суда, потому что не значитесь за ним кровавых и опасных преступлений. Все шесть судимостей получил Белокрыльцев за преступления незначительные — от уличной драки до мелкой кражи

(причем в период неустроенности), тогда как рецидив, как говорят юристы, обычно «идет по нарастающей». Нетипичным в нашем представлении преступником оказался он и в жизни: небольшого роста, хрупкого сложения, в стареньком, но чистом костюме и очках, он явно диссонировал с рослыми фигурами вооруженных солдат.

— Не буду с вами разговаривать. И ни с кем больше говорить не буду,— отвечал он на все наши вопросы. И, только заложив руки за спину, перед тем как в окружении конвойных направиться к выходу, он неожиданно обернулся и сказал:

— Несправедливо этот мир устроен. Но если в нем что-то сейчас и изменится, то мне этого уже, наверное, не увидеть...

ОПЯТЬ ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА!

Но люди, как недавно довелось узнать Раисе Фархнулиной, бывают не только равнодушные и безответственные, но и радушные и отзывчивые, умеющие переживать чужое горе как свое собственное. Майор милиции Людмила Федоровна Максименко — начальник женского приемника-распределителя г. Москвы УВДТ — как раз такой человек. Она не только запрашивает места и, лишь получив положительный ответ, отправляет туда своих подопечных, и не только интересуется их дальнейшей судьбой, но и предварительно выясняет наклонности женщин, узнает, какая работа была бы им более по душе. Разумеется, положительные ответы не манна небесная и ни с того ни с сего на голову Максименко не валятся. Просто, забывая о выходных, ежедневно используя и нерабочее время, она вместе с другими сотрудницами-энтузиастками при помощи ведущих здесь сводок связывается с учреждениями и организациями, колхозами и совхозами, где особо требуются кадры. И даже, когда положительный ответ «в кармане», она по возможности не спешит с «отправкой», а старается приглашать заинтересовавшихся руководителей к себе для того, чтобы они могли заведомо познакомиться с набираемым контингентом и чтобы сам контингент заранее знал об условиях будущей жизни и работы.

Иса Полуевич Исаев — председатель колхоза им. Жданова, что в деревне Чертово, тоже человек неравнодушный. Правда, его больше тревожат мычание от голода и недооя коровы, которых в его хозяйстве целых 200, а доярок всего 6. Но на то он и председатель колхоза. А еще Исаева заботит демографическая ситуация в вымирающей с каждым годом деревне: если парни хоть как-то удерживаются, то с девочками совсем туго. Парни ходят неженатыми, а в чертовской школе обучается один ученик, из которого, как невесело шутят местные жители, обязательно вырастет Ломоносов.

Вот с этими-то людьми и свела судьба Раису Фархнулину. В приемник-распределитель попала, как и Белокрыльцев, с вокзала, ночевала там, вернувшись ни с чем из четвертого уже города. Но в отличие от Белокрыльцева ей тогда повезло.

— Что бы ни случилось в дальнейшем,— говорит она,— на всю жизнь запомню и Людмилу Федоровну и Исаева. Такую они уверенность в меня вселили, что подумалось: все у меня еще будет! Кстати, с Исаевым мы ведь еще в приемнике познакомились. Он как раз приехал в колхоз к себе приглашать. И знаете, что меня в нем сразу поразило? Не расписывал он, как у них там хорошо, и не пугал трудностями. А с болью какой-то говорил и о домах гнию-

щих, потому что поднимать их некому, и о дороге, даже до райцентра не проложенной, и о Ломоносове их будущем...

На любые условия была согласна Раиса, только бы поскорее начать новую, другую совсем жизнь. Приехала в Чертово. Сразу же втянулась в работу, получила комнату в добротной избе. И все как-то не получалось съездить в райцентр, прописаться: то работу заканчивала, когда автобусы уже не ходили, а то они и вовсе ходить перестали: начались дожди, а с ними и бездорожье. Только спустя две недели удалось выбраться.

Фархнулина передает нам свой недавний разговор с начальником РОВД:

— Прописать тебя? — возмутился тот, когда она, рассказав о себе, положила ему на стол паспорт. — Иди-ка ты... И лучше побыстрее. Не то помочь придется. У меня и так в районе оперативная обстановка сложная из-за таких вот субъектов. — И на глазах у изумленной женщины размашисто написал в справке об освобождении: «В Чухломском районе нет возможности для трудового и бытового устройства».

— Но как же нет, когда я уже две недели как работаю и комната у меня в избе есть...

— А вот так! — был ответ.

— Звонил я ему, — вспоминает Исаев, — просил. Объяснял, что и в моем, и в соседнем колхозах людей почти не осталось, что сам в Москву езжу, умоляю, чтобы прислали из приемника женщин, да если можно, чтоб помоложе — и работа у нас тяжелая, не для пенсионерок, и замуж выйдут. У них жизнь наладится. У нас колхоз пополнится, да то он сам не знает! Но ответ один: «У тебя, говорит, коровы, а у меня оперативная обстановка. Корова в худшем случае сдохнет, и ты все равно председателем останешься. А если она чего на моей территории совершит — у меня нет гарантий!» Я ему: «Ты же на преступление ее и других таких же толкаешь!» А он не слышит будто...

— Ничего подобного не было! — категорически отрицает начальник РОВД г. Чухломы Г. А. Викторов. — И ее я никуда не посылал, и ни о какой оперативной обстановке не говорил, и с Исаевым не разговаривал!

— Ну хорошо, — соглашаемся мы, — но как понимать ваш письменный отказ, когда Фархнулина уже две недели как работала?

— А почему я должен ей верить? С какой стати? — не смущается Викторов присутствия Раисы. — Мало ли кто что говорит. Я лично знаю, что у нас и с жильем, и с работой трудности.

Не только мы, но сама простейшая логика говорила о том, что не может быть подобных трудностей в полупустых, полузаброшенных деревнях, сосредоточенных вокруг райцентра Чухломы, но начальник РОВД считаться с ней не желал.

— А я вам говорю, что есть у нас такие трудности!

— Ладно, — уходим мы от бессмысленного этого диалога, — но почему, если вы утверждаете, что Исаев вам не звонил, не могли сами с ним связаться?

— Туда не прозвонишься, — не стесняется уже нашего присутствия Викторов, — ну к чему это сейчас выяснять? Вот теперь я знаю, что есть такая возможность. И пропишу!

И прописал! А через две недели прислал Максименко такую вот бумагу:

«Начальнику женского приемника-распределителя г. Москвы УВДТ майору милиции Максименко Л. Ф.

Из Вашего приемника систематически в наш район направляются лица для трудового и бытового устройства. Учитывая сложную оперативную обстановку, создаваемую данной категорией лиц, а также то, что на территории района находятся только объекты агропромышленного комплекса и входящие в него колхозы и совхозы, в которых нет возможности для ТБУ данных лиц, прошу Вас в дальнейшем указанных лиц в наш район не направлять.

Начальник Чухломского РОВД
майор милиции Виктор Г. А.»

Получив это письмо почти одновременно вместе с другим, тоже из Чухломского района от председателя РАПО, в котором сообщалось, что для работы в животноводстве в колхозы и совхозы требуются женщины в количестве 35 человек с предоставлением им жилья, возмущившаяся Максименко взяла оба эти письма и в тот же день пошла в Главное управление охраны общественного порядка г. Москвы. Быстро разобравшись в ситуации, ГУООП связался с УВД Костромского облисполкома, где вынесли решение: объявить Викторову строгий выговор.

Казалось, можно было бы поставить на этом точку. Но прошло совсем немного времени, как в ГУООП пришло уведомление о том, что Фархнулина Раиса из Чухломского района... пропала!

И никто не может обвинить в этой пропаже и наказать за нее начальника РОВД г. Чухломы. Убежать ведь можно и от тяжелых условий жизни и от других «условий», гораздо более невыносимых, которые при определенных возможностях совсем нетрудно создать любому нежелательному человеку, особенно в желании доказать свою правоту. Первых, мы знаем, не боялась Раиса. Вторые — всего лишь наша гипотеза. Для наступления же юридической ответственности нужны факты. Неопровержимые доказательства.

На сегодня у нас еще нет таких фактов, но уже есть другие.

Убежала от жизни, к которой так стремилась, Раиса Фархнулина, отбывает в седьмой раз наказание нетипичный особо опасный рецидивист Аркадий Белокрыльцев... А жизнь идет своим чередом! Начинают за три месяца до освобождения осужденных свою трудоемкую работу инспектора по трудовому и бытовому устройству в колониях: они посылают многочисленные запросы и получают на них не менее многочисленные ответы, похожие друг на друга, как близнецы-братья; продолжает вершить (может быть, в последний раз) судьбы своих необычных посетителей начальник Приемной ГУИД МВД СССР — последняя инстанция и последняя надежда — Николай Сергеевич Байдалинов; все еще имеют силу закона противоречащие ему нормативные акты, устанавливающие паспортные ограничения; никто пока не отменял пункта 8 статьи 60 ЖК РСФСР (и соответствующих статей кодексов других союзных республик), лишаящих освободившихся дома, который у них был; и мыкаются по городам и весям десятки и сотни тысяч наших соотечественников!..

И все это, с позволения сказать, варварство происходит в обществе, еще вчера считавшем себя самым гуманным в мире! Но ни гуманным, ни тем более правовым не может считать себя общество,

в коем происходит страшный в сущности своей круговорот: ловим, сажаем, перевоспитываем или просто пугаем, а потом толкаем... на ПРЕСТУПЛЕНИЕ! И не легонько, не чуть-чуть, а со всей могучей силой нашей бюрократической машины, железные колеса которой никак не хотят остановиться. Тук-тук-тук, стучат колеса, а мы, глядишь, опять ловим! Только ведь в воронку, образующуюся между этими однообразными действиями, с приличной скоростью летят чьи-то жизни, здоровье утраченное, кровью и потом заработанное. И если это варварство кому-то и выгодно, то, во всяком случае, не нам с вами, дорогие сограждане!

Необходимо срочно менять старые законы. Нужно очень быстро проводить в жизнь новые. Нужна неограниченная гласность, высвечивающая скрытую до недавнего времени целую множественность негативных процессов. Но и этого будет мало. В борьбе с преступностью, по словам Ленина, нельзя добиться успеха одним лишь изданием законов или пропагандой. А «только если сама народная масса помогает». Давайте же, наконец, зреть в корень, в причины, порождающие следствие! Во всем цивилизованном мире давно приняты законы о социальной адаптации лиц, отбывших наказание. Действуют центры социальной адаптации, в которых те, у кого нет дома, родных и близких, до решения вопроса трудового и бытового устройства могут найти временное пристанище. Пристанище, где до устройства на работу они всегда будут накормлены, где не падает на голову ни снег, ни дождь, где можно даже получить несложную профессию в случае ее отсутствия, откуда реально проступает новая жизнь. И действуют эти центры, между прочим, в немалой степени за счет общественных организаций, за счет добровольных пожертвований граждан, которым совсем не наплевать на своих оступившихся соотечественников и на самих себя.

ОТ РЕДАКЦИИ

Завершая публикацию статьи «Наказание и преступление», редакция не ставит на этом точку. Сегодня, когда процесс демократизации позволил нам узнать истинное состояние преступности вообще и рецидивной как особо опасной ее формы в частности, мы больше не можем не считаться ни с таким социальным явлением, как преступность, ни соответственно с причинами, его порождающими. Приглашаем юристов — теоретиков и практиков, министерства и ведомства, так или иначе связанные с разрешением этой проблемы, руководителей и работников предприятий, а также всех желающих к полемике на страницах нашего журнала.

О ЧЕМ ГОВОРIT СТАТИСТИКА

Засекречивание и рассекречивание уголовной статистики — акции политические. В 20-х годах эта статистика у нас публиковалась и обсуждалась в открытой печати. Но уже в начале 30-х с этим было покончено. Причины понятны. Преступность и законность поменялись местами. Тюрьмы, концентрационные лагеря заполнялись миллионами честных граждан, а облеченные властью преступники чинили расправу. Все это облекалось покровом тайны.

В последующие периоды секретность позволяла поддерживать ложную видимость благополучия в состоянии преступности.

Ныне извлечены из стальных сейфов и опубликованы в печати данные об уголовной статистике («Известия», № 40, 46, 1989 г.), недавно еще хранящиеся под грифом «совершенно секретно» наравне со сведениями о ядерном и ракетном оружии. Массовому читателю стало известно то, что было достоянием особо доверенных специалистов, составителей сводок для узкого круга, изобретателей утешительных формул, вроде: «в перспективе не исключено появление тенденции к снижению темпов роста отдельных видов преступности».

Нынешние публикации — значительный шаг в утверждении гласности. Но только шаг. Известно, чем больше получаешь, тем больше хочется. Теперь мы знаем правду, однако еще не всю правду. А хотелось бы всю. Не только по отдельным видам преступлений, но и по всем другим, отраженным в статистической отчетности. Не только по некоторым, а по всем республикам, краям, областям. И не за два года, а для начала хотя бы за десять последних лет. Наряду с данными о количестве совершенных преступлений не менее важно знать, сколько лиц привлечено к уголовной ответственности, сколько из них оправдано и сколько осуждено, к каким мерам наказания, каковы демографические характеристики осужденных и др. И дальше: для познания преступности и ее причин, для воздействия на эти причины нужна статистическая информация и о таких смежных явлениях, как пьянство, наркомания, проституция, детская безнадзорность, необеспеченность жильем, прожиточным минимумом и т. д.

Такая задача, разумеется, не может быть решена на газетных или журнальных страницах. Требуется специальное издание. Между прочим, начиная еще с прошлого века, в дореволюционной России ежегодно издавались «Сводь статистических сведений по делам уголовным». «Сводь» содержали богатейшую информацию о преступлениях и лицах, их совершивших. При современном развитии полиграфии и вычислительной техники подобные «сводь» можно было бы публиковать ежеквартально.

Следует, впрочем, заметить, что триумф «статистика знает все» содержит некоторое преувеличение. Около 98 процентов взяток, от 56 до 94 процентов (в зависимости от места совершения) хищений, как и весомая доля других преступлений, остаются вне учета, составляя так называемую латентную (невидимую) преступность. Но криминологи уже научились определять параметры латентной части некоторых видов преступлений. Развитие исследований в этом направлении способно обеспечить полные количественные характе-

ристики преступности. А пока это не достигнуто, сохраняются по меньшей мере два актуальных аспекта проблемы. Один из них — безнаказанность преступников, неэффективность уголовного права. Второй — недостаточность информации для правильной постановки работы милиции, прокуратуры, суда.

Преступления становятся латентными, потому что не все свидетели и потерпевшие сообщают об известных им преступлениях, а сотрудники милиции и прокуратуры не всегда прилагают должные усилия, чтобы самим обнаруживать преступления. Более того, часть поступивших сообщений о преступлениях скрывают. В 1988 году проверено и подтверждено около миллиона жалоб на сокрытие преступлений в системе МВД СССР. Это говорит о масштабах этих правонарушений, а также о решимости покончить с ними.

Заметим, однако, что одной решимости недостаточно, и мерами дисциплинарной или даже уголовной ответственности задачу не решить. Прежде всего надо устранить постоянный стимул, побуждающий работников милиции к фальсификации учетных данных, — оценку их работы по пресловутым критериям динамики преступности и раскрываемости преступлений. Сейчас уже каждый мало-мальски подготовленный юрист скажет, что реальное (а не бумажное) повышение или снижение уровня преступности зависит более от экономических, идеологических, социально-психологических причин, чем от правоохранительной деятельности, что раскрываемость обусловлена соотношением «пропускной» способности милиции, суда, прокуратуры и их нагрузки.

Тем не менее практически при очередном обсуждении в инстанциях работы милиции или прокуратуры по-прежнему слышится начальственный вопрос: «Почему допущен рост преступности?» Или то же, но как будто облагороженное: «Беспокоит нас состояние преступности в районе (области, республике)». Единственный же способ успокоить на этот счет инстанции, которым располагают милиция и прокуратура, состоит в фальсификации учета. Что, судя по миллиону подтвердившихся жалоб, происходит постоянно и повсеместно.

Негодные критерии должны быть заменены новыми, позволяющими оценивать работу милиции, прокуратуры, суда по их вкладу в укрепление законности и правопорядка. Такой подход, однако, нуждается в разработке способов измерения трудоемкости заданий и производительности труда на всех уровнях правоохранения — от оперативно-розыскной деятельности до социальной реадaptации освобожденных после отбытия наказания. Это само по себе требует значительного объема исследований. Но иного пути нет. Без этого навести порядок в правоохранительной деятельности невозможно.

Опубликованные показатели по отдельным видам преступлений побуждают к размышлениям. Правда, ограниченность информации вынуждает довольствоваться лишь гипотезами. Но и гипотеза — шаг по пути к истине. Прежде всего обратим внимание на скачкообразность роста показателей. Обычно крупномасштабным общественным процессам присуща инерционность, устойчивость. А здесь мы видим, как в течение одного года число убийств возросло на 14,1 процента, умышленных тяжких телесных повреждений — на 31,6 процента, разбоев и грабежей — более чем на 44,4 процента и т. д.

Может быть, эти цифры отражают не реальный рост, а более полный учет преступлений? Нет, пожалуй. Во всяком случае для некоторых изменений такое объяснение не подходит. Преступления,

повлекшие смерть или телесные повреждения, всегда учитываются более-менее полно. Видимо, действительно произошло резкое повышение уровня насильственной преступности, то есть нечто неординарное, не свойственное спокойному общественному развитию. Но вот вопрос: можно ли назвать спокойным переживаемый нами период?

Убийства, телесные повреждения, изнасилования, особенно совершаемые на улице, где зафиксирован опережающий рост, чаще всего происходят по пьянке. Пьяные или жаждущие спиртного совершают также большую часть разбоев, грабежей, краж.

Механическое сокращение производства и продажи алкоголя несколько лет назад резко сбило уровень насильственной преступности. Но коренные причины пьянства сохранились. И от них двинулись в рост самогонование, употребление технических и туалетных спиртосодержащих жидкостей, незаконная торговля алкогольными напитками. В результате маятник преступности, миновав нижнюю точку, пошел вверх.

Повод к вопросам дают и другие показатели. Например, если убийства на улицах возросли на 35,6, а тяжкие телесные повреждения — даже на 67 процентов, то как объяснить «отставание» хулиганства, которое прибавилось всего на 4,4 процента? Одной из причин может быть нечеткое описание хулиганства в законе: «Умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу.., отличающиеся... исключительным цинизмом или особой дерзостью». Но где грань между грубым и простым нарушением, между явным и подразумеваемым неуважением, между цинизмом исключительным и заурядным, между особой и обычной дерзостью? При проведении репрессивной уголовной политики такая неопределенность позволяла толковать хулиганство распространительно, и нередко безвредные озорные действия, семейные скандалы влекли суровые наказания. Ну, а затем, видимо, шарахнулись в другую крайность. Используя ту же неопределенность закона, стали отмахиваться от хулиганства как от мелочи. И уже не только в Казани, но и в других городах нет прохода от хулиганов. На этой почве и происходит рост убийств и других преступлений против личности.

Инфляция, дефицит многих товаров, увеличивающиеся контрасты в образе жизни граждан с низкими и высокими доходами неизбежно умножают корыстные преступления. Так что не случайно кражи государственного имущества увеличились на 25, а личного имущества на 36,6 процента. Но почему при этом показатели хищений государственного и общественного имущества, совершенных путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением, не поднялись, а, наоборот, сократились на 9,8 процента? Здесь, по моему, статистический показатель тоже не отражает действительного положения вещей. Речь идет о преступлениях, довольно сложных по способу совершения, законспирированных. Совершают их «белые воротнички» — должностные лица, и среди них нередко руководители предприятий, организаций. Поэтому такие дела сложные, трудоемки и часто вызывают противодействие коррумпированных представителей местных властей. К тому же суды в последнее время повышают требования к качеству следствия по этим делам, тогда как обусловленная тяжелыми условиями работы текучесть следственных кадров приводит к нехватке специалистов по расследованию таких преступлений. Так что практически «беловоротнич-

ковой» преступностью просто некому заняться. Снижение показателя этих преступлений в отчетности, на мой взгляд, предвещает значительную вспышку их в ближайшее время.

Характерен в данном отношении и показатель мошенничества, которое тоже якобы снизилось на 9,8 процента. Я бы связал это с некоторыми новыми проявлениями антиобщественной деятельности, например, с игрой «наперстки». Игроку с группой подручных это занятие приносит в день несколько тысяч рублей. По закону «наперстки» квалифицируются как азартная игра, которая влечет денежный штраф, ничтожный по сравнению с наживой. Между тем здесь нет главного атрибута азартной игры: обоюдного риска, равных шансов на проигрыш и выигрыш. Выигрывает у «наперсточника» только его соучастник — «подсадная утка». Простак же только проигрывает, и обычно довольно крупно. В основе «игры» злоупотребление доверием и обман — обозначенные в уголовных кодексах всех союзных республик признаки мошенничества. Но почему-то именно этот вид мошенничества изъят из-под действия уголовного закона. Можно предположить, что поэтому многие мошенники переквалифицировались в «наперсточники». А уголовной статистике нет до них дела.

Нечто подобное, мне кажется, происходит и со спекуляцией. Нехватка одежды, обуви, продовольствия в стране всегда ведет к бурному распространению этого преступления. А в отчетности показатель роста очень скромно — 4,3 процента! Одно из возможных объяснений состоит в том, что многие возникшие в последнее время кооперативы занимают тем, что скупают в магазинах товары и после нетрудоемких операций (вроде нанесения на майки или полиэтиленовые сумки печатного изображения) перепродают их втридорога. В эту сферу охотно вступают и те, кто до сих пор занимался спекуляцией в ее бесхитростных традиционных формах.

Нельзя, чтобы рост показателей преступности служил поводом для панических предложений ужесточить меры наказания, снизить требования к доказанности обвинения. Исторический опыт показывает, что жестокость наказаний не исправляет, а способствует рецидиву преступлений. Тюремь, колонии всегда были и до сих пор остаются школами обмена опытом, повышения квалификации преступников, сферой деградации личности. Снижение требований к доказанности приводит к осуждению невиновных, к судебным ошибкам, равным по своим последствиям тяжким преступлениям. С другой стороны, уменьшение статистических показателей преступности — не основание к ослаблению борьбы с нею. Ибо отступление от принципа неотвратимости ответственности в отношении к преступлениям, сегодня не очень распространенным или не представляющим большой общественной опасности, может способствовать развитию и умножению наиболее опасных форм преступности.

Открытая полная публикация уголовной статистики повысит эффективность научных исследований. Для социологов данные о преступности послужат индикаторами глубинных базовых общественных явлений и процессов. Для юристов уголовная статистика явится исходным материалом исследования причин преступности и разработки эффективных мер воздействия на эти причины, для рациональной организации работы милиции, прокуратуры, суда.

А. ЛАРИН,

**доктор юридических наук,
профессор**

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

Ведет рубрику полковник внутренней службы, кандидат юридических наук Б. П. МИХАЙЛОВ

Открыта статистика состояния уголовной преступности, и на головы людей буквально обрушился поток статистических сведений о количестве, динамике и структуре преступности, о конкретных данных по видам преступлений, криминологические характеристики личности преступников и многое другое, что ранее было «за семью печатями», а теперь стало достоянием гласности.

Надо ли было открывать статистику?

Разумеется, да! Потому что правда (а без нее невозможна гласность) о состоянии преступности нужна. Нужна всем! И рядовому милиционеру, и прокурору, и политическому деятелю, и простому труженику для того, чтобы знать все параметры этого социального зла, иметь четкое представление о причинах и условиях, способствующих совершению преступления, видеть корни и истоки преступности и осуществлять меры по борьбе с нею.

Без статистики невозможен криминологический анализ преступности, ее прогноз и выработка эффективных мер, прежде всего предупредительного характера. Вот поэтому начиная с этого номера мы будем регулярно публиковать материалы новой рубрики.

Передо мной данные за январь — февраль 1989 года. За этот период по сравнению с аналогичным периодом прошлого года органами внутренних дел и прокуратуры зарегистрировано 306 343 преступления, что на 74 812, или 32,3 процента, превышает прошлогодний уровень. Увеличение отмечается во всех союзных республиках и регионах Российской Федерации. Особенно значительный рост произошел в Эстонской, Армянской, Литовской, Киргизской и Молдавской союзных республиках.

Основной прирост дали кражи личного (+ 37 929), государственного и общественного имущества (+ 12 197), грабежи (+ 8 133), умышленные тяжкие телесные повреждения (+ 2 766), дорожно-транспортные преступления (+ 2 461), хулиганство (+ 2 392), спекуляция (+ 1 422), разбойные нападения (+ 1 008).

Рост преступности несовершеннолетних отмечается в 14 союз-

ных республиках и 50 регионах РСФСР. В течение двух месяцев подростками в возрасте 14—17 лет или при их соучастии совершено 23 894 (+ 23,1 процента) преступления. Это свидетельствует о низком уровне профилактической работы среди молодежи. Традиционные ее формы и методы не дают эффекта, а поиск новых идет крайне медленно. Значительная часть несовершеннолетних правонарушителей не обеспечена необходимым воспитательным воздействием, не имеет общественных воспитателей. Остается проблемой организация досуга молодежи.

Только содержательный анализ количественной информации может дать более или менее объективную картину. И здесь мы подходим к вопросу о культуре работы с уголовной статистикой: культуре предоставления, восприятия и опубликования статистических данных. Один пример. В прошлом году было совершено 16 710 убийств и 37 191 тяжкое телесное повреждение. Много это или мало? В сравнении, скажем, с США суммарно это меньше. В 1986 году там совершено более 20 тысяч убийств и около 837 тысяч тяжких телесных повреждений, причем свыше 80 процентов из них — на почве насильственно-корыстных устремлений. Впрочем, всякие сравнения, когда речь идет о жизни человека, звучат, по моему мнению, кощунственно. Даже если 100 или 10 человек погибли от рук преступников — это много.

Тем более что каждое такое преступление должно быть раскрыто и убийца обезврежен. Кстати, раскрываемость убийств у нас — 97 процентов (в США около 70 процентов), а тяжких телесных повреждений — около 60 процентов.

Когда мы говорим о 16 с лишним тысячах убийств, то может создаться впечатление, что убийцы безнаказанно разгуливают у нас по городам и требуют «кошелек за жизнь». А это не так.

Во-первых, в тысячах городов и поселков преступления против личности не являются доминирующими в структуре преступности, а во многих не совершается ни одного убийства.

Во-вторых, как показывают выборочные исследования, свыше 70 процентов убийств совершается в сфере бытовых отношений, в том числе 17—20 процентов из мести, 12—14 процентов из ревности и примерно столько же — на почве бытовых ссор. Убийства из корысти и при разбойных нападениях — примерно 8—9 процентов, убийства с целью изнасилования — 1,5—2 процента.

На дни отдыха и праздники приходится до 40—50 процентов убийств, что во многом связано с пьянством. Почти в каждом третьем случае преступники применяли «случайные» орудия убийства — кирпичи, камни, колья, бутылки. В более 40 процентах случаев использовались колюще-режущие орудия: кухонные ножи, стамески, отвертки и т. п., что красноречиво свидетельствует о ситуационно-бытовом характере этих преступлений.

На 78,3 процента увеличилось количество зарегистрированных преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках, скверах. Это характерно для всех союзных республик за исключением Грузинской ССР и 70 регионов Российской Федерации.

Осложнение оперативной обстановки в значительной мере связано с серьезными недостатками в профилактике пьянства. В состоянии опьянения совершено 49 721 (+ 22,1%) преступление. В числе лиц, совершивших убийства, в нетрезвом виде находились почти 70 процентов. Этими лицами совершено 72,5 процента тяжких телесных повреждений, 63,9 процента хулиганств, 62,6 процента изна-

силований. Пьянство остается главной причиной бытовой преступности.

Свыше 40 тысяч преступлений совершено ранее судимыми лицами (+ 23,4%). Резкий переход на гуманизацию правоприменительной практики, уголовно-правовой и исправительной политики вызвал значительное увеличение числа лиц, требующих профилактического воздействия. Однако общественные организации, трудовые коллективы, советские и правоохранительные органы не смогли должным образом организовать работу с ними.

Большое распространение получила спекуляция. Только уголовно наказуемой спекуляцией органами внутренних дел выявлено 10 308 фактов, что на 1 422 случая больше, чем за аналогичный период прошлого года. Причин, порождающих спекуляцию, много. Это прежде всего неудовлетворенный спрос населения на товары широкого потребления, дефицит, слабая работа милиции, несовершенство законодательства. Обращает на себя внимание «омоложение лиц», привлеченных за спекуляцию. Среди задержанных и уголовно наказанных за спекуляцию больше людей в возрасте до 30 лет (36 процентов). 45 процентов выявленных спекулянтов — женщины, 49 процентов — рабочие, 10 процентов — служащие. Комсомольцев — тоже 10 процентов. Всего в 1988 году вскрыто 45 тысяч фактов уголовно наказуемой спекуляции. Много это или мало? Для сравнения скажу — в 1983 году это число составляло 32 тысячи.

В одном из последующих комментариев мы постараемся более подробно осветить проблему борьбы со спекуляцией.

Отмечается значительный рост преступности осужденных. За 2 месяца с. г. осужденными совершено 624 преступления, или на 24,3 процента больше, чем за тот же период 1988 года. При этом число убийств возросло на 14 процентов, нанесенных тяжких телесных повреждений — на 9 процентов, сопротивлений представителям администрации — на 52 процента, побегов и покушений на них — на 41 процент. В этих условиях обостряется проблема правовой и технической защищенности сотрудников ИТУ.

Анализ ситуации в ИТУ показывает, что ряд осужденных воспринял процессы гуманизации в местах лишения свободы как улицу с односторонним движением, своего рода вседозволенность, право на нарушение дисциплины, требований режима. Такие настроения умело разжигают разного рода «теневые лидеры», пресловутые «паханы», пытающиеся возродить сегодня в ИТК воровские «традиции». Не случайно возросло число случаев нападения осужденных на представителей администрации ИТУ и захвата заложников из их числа. В текущем году ряд таких особо опасных преступлений закончился трагически.

7 марта с. г. в одной из колоний Латвийской ССР двое особо опасных рецидивистов с особой жестокостью совершили убийство лейтенанта внутренней службы В. С. Неменёнка и трех осужденных. В исправительно-трудовой колонии Иркутской области осужденный убил ножом дежурного помощника начальника колонии майора Гриднева и нанес тяжкие телесные повреждения двум контролерам.

Обострение оперативной обстановки, усложнение криминогенного состава осужденных требуют от администрации ИТУ адекватных мер оперативно-режимного и политико-воспитательного воздействия, серьезного повышения профессиональной бдительности.

О «дедовщине» в армии сейчас говорят много. Где истоки порочных традиций жестких нравов, в чем их причина, кто их насаждает и, главное, как преодолеть их — об этом вы сможете узнать, прочитав статью «Те самые неуставные».

ТЕ САМЫЕ НЕУСТАВНЫЕ

В

эскадрилье их было всего шестнадцать человек, призванных на «срочную». Одиннадцать солдат, три ефрейтора и два сержанта, живших в одном кубрике казармы. Шестнадцать молодых ребят, в чем-то схожих, но таких разных. Всех их, собравшихся из разных республик нашей страны, объединило общее дело защиты Родины, воинская служба. Была она нелегкой: строгий армейский быт, ранний подъем и поздний отбой, обеспечение полетов — дневных и ночных, предполетная подготовка самолетов, служба в карауле и суточном наряде. Словом, те же трудные солдатские будни, что и в любой другой части. Разве что своими серебристыми ястребками, что как молнии с грохотом взмывали со взлетной полосы и стремительно уходили в небо, они откровенно восхищались, да не без гордости носили голубые погоны.

А трудности — они, в общем-то, вполне преодолимы. Если бы только не усугублялись для «молодых» одним обстоятельством, делавшим их жизнь в казарме невыносимой. Об этом до поры до времени не было известно офицерам, которые главной своей задачей считали полеты. Не знал (или не хотел знать?) о нем тогдашний старшина эскадрильи прапорщик В. Барабанов. Между тем «молодые» — шестеро ребят осеннего призыва были строго отделены в этом небольшом коллективе невидимой, но вполне осязаемой чертой от остальных. Перейти эту черту никто из них безглаголанно не мог.

Молодые должны были оказывать «дедам» всяческое почтение: убирать вместо них казарму, по их требованию подшивать им подворотнички и чистить сапоги, последними брать пищу из общего бачка в столовой, убирать со стола грязную посуду и многое другое. А чуть что не так — сразу же следовал удар кулаком в грудь, иногда... несколько ударов. Не очень сильных, но чувствительных. Своеобразное предостережение: не вздумай, мол, нарушать «традицию» — хуже будет.

«Деды» учили молодых. Чему? Многим премудростям. Например, каждый должен был по первому требованию декламировать наизусть «деду» на потеху стихотворение нецензурного содержания. Или рас-

сказывать «солдатские сказки», петь частушки и песни того же пошиба. Но паче всего усвоить, сколько дней осталось каждому из «дедов» до приказа, так как малейшая неточность, не то что ошибка, каралась немедленно и строго. Конечно же, при помощи кулака — иных методов обращения «деды» не знали.

Вот так и жили молодые солдаты этой эскадрильи до тех пор, пока сразу пятеро (!) «дедов» не оказались на скамье подсудимых и не ответили по всей строгости закона. Только после этого наступило прозрение, и оставшиеся служить «деды» с тех пор так себя больше не называли. И новый старшина эскадрильи, и ее командир А. Протасов, другие офицеры-летчики при всей занятости стали регулярно заходить в казарму своих авиамехаников, стали к ним внимательнее, интересовались их бытом, психологической обстановкой, взаимоотношениями. Не остался в стороне и комсомол — вот только жаль, что раньше эти вопросы им были упущены. Сейчас там все в порядке, говорю это с уверенностью. Но не оставляет чувство досады из-за того, что навести порядок удалось столь дорогой ценой — можно сказать, потерей в мирное время третьей части солдат эскадрильи.

Приводя это уголовное дело, не стану называть фамилии ни осужденных, ни потерпевших — все они сегодня уже трудятся и живут дома и легко себя узнают, прочитав эти строки. Увы, для тех и других это будет воспоминание не из приятных. Само же дело весьма характерно, так как явление дедовщины отразилось в нем во многих своих аспектах. Именно так выглядит обличье дедовщины (на флоте ее называют годковщиной). Таковы ее традиции и тщательно выстроенная ею своеобразная иерархия теневых взаимоотношений казармы, как они видятся сквозь призму уголовных дел.

Было бы совершенно излишним доказывать, насколько вредна и опасна дедовщина, как уродливо деформирует она климат казармы, мешая нормально жить и служить, отравляя настроение, подавляя солдата морально, втапывая в грязь его человеческое достоинство. Равно как нет нужды говорить о том, что репутации Вооруженных Сил, их авторитету все это наносит весьма ощутимый урон.

О дедовщине сегодня пишут немало, и это, несомненно, одна из примет перестройки. Явление, которое существовало и раньше, но было как бы подспудным и усердно замалчивалось, сегодня привлекает к себе общественное внимание, широко обсуждается в печати, по радио, телевидению. Гласность открыла эту сторону жизни Вооруженных Сил — увы, негативную, и высветила нашу общую заинтересованность в скорейшем и безусловном искоренении дедовщины. В этом едины все — и люди военные, и те, кто уже сменил форму на гражданскую одежду, и солдатские матери, и будущие солдаты. Быть может, читателю будут небезынтересны и размышления военного юриста о правовой оценке неуставных взаимоотношений.

Прежде всего заметим, что определенные различия в уровне подготовки и служебном опыте между молодыми солдатами и бывальыми воинами никак не могут ни поколебать, ни ограничить конституционный принцип равенства прав и обязанностей советских граждан, всесторонне закрепленный нормами военного законодательства применительно к условиям прохождения службы в армии. Поэтому нет и никогда не было каких-либо правовых предпосылок для существования дедовщины, построенной на создании привилегий для одних категорий военнослужащих за счет ущемления прав и законных интересов других.

Тем не менее противоправный по самой сути своей феномен дедовщины возник давно и претерпел в своем развитии не только количественные, но и качественные изменения. Так, еще лет двадцать назад случаи нетоварищеского отношения к молодым воинам были сравнительно редки и во многом носили характер грубых, недопустимых шуток с оттенком пошлого юмора. Эти действия чаще всего укладывались в один-два эпизода и выражались в принятии от новичков так называемой «солдатской присяги» с нанесением ударов ложкой или рымнем по той части тела, которая обычно служит объектом экзекуций. Такая процедура серьезного ущерба здоровью потерпевших не причиняла и нередко воспринималась окружающими как шуточный ритуал «посвящения в солдаты». Заметим, однако, что уже тогда этот ритуал совершался как бы в противовес подлинным воинским ритуалам, закрепленным уставами, а значит, нес в себе зародыш антиуставных отношений.

В дальнейшем число подобных посягательств неуклонно возросло. Но что еще хуже — постепенно формы и направленность такого рода действий стали трансформироваться, приобретая качественно иное содержание. Они все чаще перерастали в избиение, другие виды изощренного издевательства над молодыми воинами с применением физического насилия и превратились в средство беспрекословного подчинения их наиболее недисциплинированным лицам более раннего призыва, стремившимся установить в казарме свой неограниченный произвол. Этим, в частности, и была обусловлена необходимость повышения эффективности борьбы с дедовщиной правовыми средствами, в том числе и путем совершенствования уголовного закона. С 1 января 1984 года в закон была введена новая, более строгая норма о нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Она точнее отразила как существо и направленность дедовщины, так и ее общественную опасность.

Тем не менее существует — и высказано в печати — мнение о том, что с помощью введения в закон нового понятия нарушения уставных правил взаимоотношений якобы предпринята попытка чуть ли не затушевать, завуалировать проблему, скрыть от общественности ее остроту. Такого рода суждения глубоко ошибочны. Напротив, в новой редакции закона вещи впервые названы своими именами, а в отношении злостных правонарушителей предусмотрено применение более жестких, чем прежде, мер наказания. Немаловажно и то, что разъяснительная и воспитательно-правовая работа по искоренению дедовщины ведется более целенаправленно, так как имеет теперь четкую законодательную основу и точный адрес.

Здесь критически настроенный читатель вправе спросить: «Уж не станет ли автор утверждать, что с дедовщиной в армии покончено?» К сожалению, для этого нет оснований. Упрощать, а тем более приукрашивать положение было бы в корне неправильно и вредно. Сегодня всем нам важно понять, что проблема борьбы с дедовщиной — из числа комплексных и многоплановых, и окончательно покончить с ней будет нелегко. Но она вполне решаемая, и заметные положительные сдвиги уже обозначились.

Немного статистики. С 1978 года число осужденных за неуставные отношения непрерывно росло и к 1985 году, достигнув своего пика, увеличилось в 3,2 раза. Перестройка, затронув все стороны жизни армии и флота, благоприятно сказалась и на динамике судимости за эти

преступления. Кривая судимости довольно круто пошла вниз, число осужденных за последние три года уменьшилось наполовину («Красная звезда», 18 ноября 1988 г.). Эта тенденция приобрела устойчивый характер, ее действие продолжается и в 1989 году.

И тем не менее острота вопроса о преодолении дедовщины не только не снята — скорее наоборот. Удельный вес осужденных за неуставные отношения сегодня является весомой составляющей в общей судимости военнослужащих.

Морально-этическая сторона дедовщины, думается, ясна, и отношение к ней почти единодушно отрицательное. Что же касается ее уголовно-правовой оценки, то, по-видимому, будет наиболее убедительным сказать об этом непосредственно языком закона.

Формула Уголовного кодекса РСФСР

Глава двенадцатая. Военские преступления.

Статья 244. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.

а) Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, выразившееся в нанесении побоев или ином насилии, — наказывается лишением свободы на срок до двух лет;

б) то же деяние, совершенное в отношении нескольких лиц либо повлекшее причинение потерпевшему менее тяжкого или легкого телесного повреждения, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет;

в) деяния, предусмотренные пунктами «а» и «б» настоящей статьи, совершенные группой лиц, или с применением оружия, а равно повлекшие тяжкие последствия, — наказываются лишением свободы на срок до двенадцати лет.

Итак, дедовщина, именуемая на языке закона нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, не подчиненными друг другу по службе, относится к числу военных преступлений. Хотя на первый взгляд может показаться, что в статье 244 УК речь идет только о посягательствах на личность военнослужащих, в действительности главным объектом правонарушения служит именно порядок взаимоотношений в воинском коллективе, четко регламентированный уставом. Тот самый воинский порядок, многократно выверенный всем опытом строительства наших Вооруженных Сил, который немыслим без строгой взыскательности во всем, что касается службы, без крепкой воинской дисциплины. Но который вместе с тем исходит из уважения к личности солдата, требует создания необходимых материально-бытовых и морально-психологических условий для выполнения им воинского долга и создает предпосылки формирования сплоченных воинских коллективов на основе полного равноправия людей, независимо от срока службы, национальности и т. п., укрепления войскового товарищества.

И это не лозунг и не фраза. Именно такой порядок взаимоотношений, определяющий лицо нашей армии, законодательно закреплена общевойсковыми уставами. Подмена его дедовщиной наихудшим образом отражается на боеспособности и боевой готовности подразделений и частей, и в этом главная опасность дедовщины. Что же

касается здоровья, чести и личного достоинства потерпевших, то эти блага также защищаются уголовным законом, но причиняемый им ущерб в данном случае выступает как дополнительный фактор опасности правонарушения.

Из общевоинских уставов (утверждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1975 года и имеют силу закона) — дословно:

Устав внутренней службы Вооруженных Сил СССР

Статья 2. Военнослужащий обязан... дорожить войсковым товариществом, помогать товарищам словом и делом, удерживать их от недостойных поступков и, не щадя своей жизни, выручать их из опасности...

Статья 39. Все военнослужащие в обращении между собой обязаны всегда соблюдать вежливость и проявлять выдержку.

Статья 223. ...Число очередных нарядов среди солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров должно быть по возможности уравнено.

Дисциплинарный устав Вооруженных Сил СССР

Статья 5. ...Особое внимание командиров (начальников) должно быть направлено на изучение индивидуальных качеств военнослужащих, поддержание уставных взаимоотношений между ними, сплочение воинского коллектива...

В тексте статьи 244 УК, по которой квалифицируются проявления дедовщины, упомянуты побои, иное насилие, телесные повреждения различной тяжести и иные тяжкие последствия. Понятия эти достаточно широко применяются и в других формулировках закона, а также в судебной практике, они хорошо знакомы юристам.

Под побоями понимаются множественные (количеством не менее двух) удары по различным частям тела, если они не причинили телесного повреждения. Иное насилие может быть как физическим, так и психическим и состоит в ограничении свободы передвижения, причинении боли, глумлении над человеком, принудительном изъятии личных вещей, денег, продуктов питания, принуждении посредством угроз и запугивания к выполнению различных работ, других обязанностей и т. п. Телесные повреждения представляют собой различные нарушения анатомической целостности или функций человеческого организма, которые в зависимости от их конкретных симптомов судебно-медицинскими экспертами могут быть отнесены к одной из трех категорий: тяжких, менее тяжких и легких.

В качестве же иных тяжких последствий судом могут быть признаны, например, случай доведения потерпевшего до покушения на самоубийство, срыв выполнения подразделением боевой задачи и т. п.

Некоторые из юридических признаков проявления дедовщины видны на примере, приведенном в самом начале разговора, другие читатель без больших затруднений домыслит, если вздумается в эти краткие пояснения. Но есть еще один признак, быть может, наиболее специфичный, который наглядно характеризует сущность дедовщины и помогает увидеть ее корни — мотив преступления.

Внешне проявления дедовщины чаще всего напоминают хулиганство или другие насильственные действия в отношении сослуживцев. Однако более пристальный анализ показывает, что действитель-

ный мотив и направленность умысла у них другие. Незаконные методы воздействия на потерпевших используются виновными в качестве средства самоутверждения, завоевания для себя привилегий путем беспрекословного подчинения товарищей своим прихотям. «Деды» стремятся подавить волю, растоптать человеческое достоинство молодых солдат и, сделав их послушной игрушкой в своих руках, получить возможность помыкать ими, перекаладывая на них собственные обязанности.

Но какие же стимулы движут этими людьми, что лежит в основе их отвратительных поступков? Здесь не все просто и однолинейно.

Было бы заблуждением считать, что каждый старослужащий по натуре своей непременно человек грубый, жестокий, бессердечный (самого ведь тоже били). Конечно, бывает и такое. Но чаще всего многие «деды» попросту самые обыкновенные середняки, так сказать, троечники по предметам науки жизни. Однако им, так же как и другим людям, присуще желание отличиться, утвердить свой статус среди окружающих. И вот, не обладая способностями или не имея желания отличиться на другом поприще, эти лица подчас становятся на путь дедовщины, который видится им как самый легкий и доступный. Конечно, не в последнюю очередь из-за наличия у них определенных нравственных перекосов, увы, не столь уж редких. А если к тому же в человеке сильны эгоистическое начало, потребительский настрой или склонность к иждивенчеству? Если не привит ему иммунитет к жестокости, хамству, цинизму? Или, наконец, не воспитана способность мыслить самостоятельно и отстаивать свою человеческую позицию, даже если для этого придется вступить в конфликт с другими солдатами своего призыва?

Да мало ли еще резких, в чем-то даже жестоких, но отнюдь не надуманных вопросов можно было бы задать всем нам, причастным к воспитанию детей, юношей, а затем воинов? Ответ же дает сама жизнь: такие люди в значительной мере внутренне подготовлены к восприятию морали и практики дедовщины и при определенных обстоятельствах становятся их носителями. А исповедуя «теневую устав», со временем оказываются на скамье подсудимых.

Из авторского досье. Выписка из протокола судебного заседания военного трибунала по делу П. (подлинный документ):

«На вопросы председательствующего подсудимый П. ответил:

— Хотя в уставах ничего подобного нет, у нас в части все солдаты делятся на категории, то есть до шести месяцев это «духи», до одного года — «шнурки», до полутора лет — «черпаки» и до двух лет — «деды». Все это ввели старослужащие, от них и идет. А мы пришли в уже сложившийся коллектив со своими законами и порядками.

— У «духов» никаких привилегий не было. Они во всем должны подчиняться старослужащим. Традиция была такова, что ни один молодой солдат, как бы с ним ни поступили, не мог оказать сопротивления старослужащему, в противном случае его избивали всем коллективом. Каждый молодой, даже если он не курит, обязан был носить при себе сигареты, чтобы в любой момент угостить старослужащего. Если же сигарет у него не

было, он должен был немедленно найти их и отдать старослужащему.

— «Шнурки» следили за «духами», как те наводят порядок, и учили их. «Черпаки» не зависят от старослужащих. В наряды они ходят, несут боевую службу, но уборкой уже не занимаются, за них это делают «духи». «Деды» же имеют право не выполнять те обязанности по службе, которые им не нравятся. Они не моют полы, не стирают, не гладят обмундирование, не подшивают воротнички, сами не чистят сапоги».

Из авторского досье.

Рядовой П. был осужден к 5 годам лишения свободы. Уже из ИТК он прислал письмо в военный трибунал. Вот фрагмент из него: «Меня осудили справедливо, и я тоже написал правду. Часто приходилось слышать о несправедливых судах. Честно говорю, я потерял всякую надежду. В то время я потерял веру в справедливость, но теперь снова верю, что она существует. Я очень благодарен следствию и военному трибуналу, который осудил меня, и буду благодарен им всю жизнь. Они правильно разобрались в ситуации, в которую я попал. Они поняли меня. Работники юстиции, которые причастны к моему делу, являются работниками справедливости, ведь юстиция в переводе означает справедливость».

Не стану кривить душой — такие письма осужденных военные юристы получают нечасто. Скажу больше — письмо это нетипично, так как понятие о справедливости, а значит, и отношение к вынесенному судом наказанию у людей не может быть одинаковым, да и не каждый решится написать о нем открыто. Но бесспорно то, что для подавляющего большинства привлечение к уголовной ответственности служит хотя и суровым, но отрезвляющим уроком. К сожалению, запоздалым.

Впрочем, одним лишь наказанием и судом, как все мы понимаем, дедовщину не выкорчевать. Без принуждения пока не обойтись, но отнюдь не оно должно служить главным средством решения социальных проблем. Успех в борьбе с дедовщиной может принести лишь хорошо продуманный комплекс широкомасштабных мер, направленных на устранение ее причин. Причины же эти сложны, многоплановы и уходят своими корнями в различные срезы социальной жизни как Вооруженных Сил, так и общества в целом.

Есть все основания считать дедовщину порождением периода застоя. Причем не столько потому, что ее плевелы обильно проросли в 70-х — начале 80-х годов, сколько по самой ее сути. Ведь именно в это безвременье в обществе развились многие негативные процессы в социальной и духовно-нравственной сфере, которые исказили, деформировали принципы социалистической справедливости, подрывали в народе веру в нее, порождали социальное отчуждение и аморальность в разных его формах. Это не могло не сказаться и на молодежи, чутко реагирующей на состояние социального здоровья общества.

Все мы — свидетели девальвации у части молодых людей таких моральных ценностей, как честность, справедливость, доброта, милосердие. Их все чаще замещали грубость, жестокость, цинизм, нравственная и духовная черствость, пренебрежение к окружающим. Одним из последствий этого явился рост молодежной преступности в стране за последние двадцать лет в полтора, а среди подростков — почти в два раза («Коммунист», 1988 г., № 5, с. 57).

Нездоровая обстановка и в наши дни бытует в ученических коллективах многих школ, профтехучилищ, техникумов. То здесь, то там возникают вспышки агрессивности подростков, во многих городах образуются молодежные группировки, между которыми происходят жестокие драки, нередко со смертельными исходами, тяжелыми увечьями, столкновениями с работниками милиции. Все эти явления, естественно, проникали и проникают в армейскую среду, переносятся в казарму и создают благоприятную почву для дедовщины.

Для иллюстрации — всего один факт. Казанские «фучаечники» стали массовым социальным явлением. Многочисленная сеть подростковых группировок оказывает огромное влияние на климат и обстановку в молодежной среде города. В 1985 году только в групповых преступлениях в Казани участвовало 624, а в 1987 — 522 подростка. За три года в городе произошло 60 массовых драк, из которых 15 — с убийствами. У группировок своя этика, мораль, четкая организация. Но примечательно то, что каждая из них строится здесь по одному и тому же принципу. Ребята 12—14 лет относятся к разряду «шелухи», в дальнейшем становятся «суперами», затем приобщаются к «молодежи» и, наконец, по исполнении 18 лет выходят в «старики». Положение каждого из этих разрядов внутри группировки определяется написанными законами групповой иерархии...

А теперь давайте вернемся к протоколу судебного заседания по делу П., приведенному выше. Не правда ли, все очень узнаваемо, несмотря на различие жаргона? Так может ли быть такое поразительное сходство случайным?

Однако приведенные факты и рассуждения относятся к истокам и механизму формирования предпосылок беды, создающих лишь вероятность события. Непосредственно же дедовщина возникает там, где эти предпосылки накладываются на специфические «армейские» негативы. Назовем лишь несколько таких причин, как они видятся военному юристу.

Для начала давайте попытаемся поставить себя на место молодого человека, только что призванного в армию. Характерным для него является то, что, надев форму, он сразу же получает статус военнослужащего, качества же настоящего воина обретает со временем, так как солдатами ведь и в самом деле не рождаются. И своеобразие положения состоит в том, что необходимые умения и навыки вырабатываются в процессе ратного труда, боевой службы и учебы, они прививаются всем укладом армейской и флотской жизни. Вот здесь-то как воздух необходимо не только обучение по расписанию занятий, но и поддержка и помощь более опытного товарища. Однако подчас бывает так, что в подразделении уставная организация всей жизни, быта, обучения и воспитания людей как раз сильно прихрамывает, допускаются различные отступления и послабления. В таких случаях устав довольно быстро подменяется его суррогатом, а вместо доброжелательного наставника, товарища по оружию рядом с молодым воином возникает фигура «деда».

Но для того, чтобы утвердить и надежно поддерживать уставной порядок в подразделении, есть только один способ. Это проводимая на основе хорошего знания обстановки организационная и воспитательная работа в сочетании с заботой о людях. И для успеха дела

нужно, чтобы командир знал подчиненных отнюдь не только по фамилиям. Он должен организовать службу, сплотив в единую семью вчерашних рабочего и школьника, студента и колхозника, участника молодежной группировки и общественного активиста, любителя книг и завсегдадая дискотеки, рокера и панка, ребя разных национальностей. Все это очень и очень непросто. И, увы, не у всех командиров хватает умения и терпения быть ближе к людям, вести с ними открытый и честный диалог по любым, в том числе и самым острым вопросам, найти убедительные аргументы против ложных суждений и чуждых настроений. Прислушиваясь к голосу общественности, считаясь с настроениями людей, в то же время без колебаний, твердо употреблять власть при малейших проявлениях дедовщины. Если же командир эти вопросы упускает, можно не сомневаться, что носители дедовщины воспользуются недочетами в его работе для насаждения своих порядков.

Значит, нужно постоянно искать новые подходы, работать с каждым из подчиненных индивидуально, сосредоточив усилия на предупреждении дедовщины в самой ранней, почти еще безобидной ее стадии.

Командирам, политработникам, всем офицерам и прапорщикам нужно быть ближе к людям, доступнее для солдат и сержантов, завоевать их полное доверие. А для этого авторитета должности и звания часто бывает недостаточно. Они должны сочетаться с неподдельной заинтересованностью в делах коллектива, вниманием и доброжелательностью к людям, справедливой и одинаковой ко всем командирской требовательностью, идущей рука об руку с заботой о подчиненных.

В настоящее время в Вооруженных Силах разработана и доведена до всех командиров методика поэтапной профилактики неуставных отношений. И надо сказать, что во многих местах она дает и уже дала неплохие результаты. Тому свидетельство — снижение судимости за дедовщину.

К примеру, мотострелки одной воинской части в свое время отнюдь не могли похвастаться тем, что не знакомы с дедовщиной. Испытали ее «прелести», что называется, на себе и твердо решили покончить с нею. Подошли к делу со всей серьезностью, начав с анализа положения в подразделениях, причин невысокой эффективности мер, принимаемых по партийной и комсомольской линии. Выявили конкретных носителей дедовщины и их потенциальных «жертв». Строго взвесили личный вклад в дело укрепления дисциплины каждого офицера, придав этому особое значение. Командир части, его заместитель по политчасти немало поработали с офицерами, в том числе и индивидуально, обучая их конкретным формам и методам воспитательной работы, убеждая личным примером постоянного общения с солдатами на занятиях, на полигоне.

Не остались в стороне и военные юристы. По их инициативе было проведено анкетирование военнослужащих, с помощью которого удалось выявить «группы риска», то есть потенциальных носителей дедовщины, определить эффективность мер борьбы с нею. Юристы неоднократно выступали в части на правовые темы, проводили индивидуальные беседы. Рядовым М. А. Аллахвердиеву и И. С. Гурбанову, допускаям грубость по отношению к товарищам, вынесены прокурорские предостережения. После индивидуальной профилактической работы рядовой А. А. Вачеев не только пересмотрел свое

отношение к сослуживцам, но стал активно бороться с любыми неуставными проявлениями.

Командир и замполит части до 70% служебного времени работают непосредственно в подразделениях, рядом с людьми. Стиль их общения с солдатами, пример высокой требовательности в сочетании с гласностью, демократизмом при постоянной опоре на активистов перенимают другие офицеры. Все это постепенно вошло в традицию и стало повседневной практикой.

Результат, конечно, пришел далеко не сразу, но удовлетворение от этого ничуть не меньше: за весь 1988 год в части не было ни единого случая проявления дедовщины, заметно укрепились порядок и организованность, настрой людей стал лучше. Воины на практике убедились, что с дедовщиной можно не только бороться — ее безусловно можно искоренить. Перестройка всего уклада отношений в воинских коллективах подразделений ширится, набирает силу.

Таких примеров можно было бы привести немало. Не станем, однако, скрывать: к сожалению, так дела идут пока не везде. Есть и такие части, где методика профилактики неуставных отношений прививается плохо и по-настоящему не работает. Тем самым создается еще одна брешь в общих усилиях по искоренению дедовщины.

Отрицательно сказывается на состоянии дел и то, казалось бы, парадоксальное обстоятельство, что сегодня не все командиры стремятся проявить твердость и, не отступая от своего долга, своевременно вскрывать и принципиально реагировать на любые проявления дедовщины. Кое-кто из них по-прежнему оглядывается на статистику, так как не везде еще отказались от явно негодной практики, когда о положении дел в подразделении или части и об их командире судят не по уровню выучки людей и боеготовности, а по количеству проступков. Поэтому нарушения дисциплины становятся выгоднее скрыть, чем искоренять, что чревато многими опасностями. Но здесь очень важно уточнить: высшее военное руководство в центре и на местах давно осудило такой подход и настойчиво проводит линию на решительное искоренение дедовщины. Однако перестройка в армии, как и в обществе, идет трудно и не так быстро, как хотелось бы. Тем не менее новое прокладывает себе дорогу. Поэтому среди командиров и политработников различных уровней все более утверждается ясное понимание того, что серьезная борьба с дедовщиной требует не заботы о благополучных цифрах, а постоянного наращивания усилий, невзирая на колебания статистики и ориентируясь лишь на конечную цель — безусловное искоренение этого позорного явления.

И все же, пожалуй, самое главное сегодня — добиться того, чтобы пониманием аморальности дедовщины, ее преступной сути прониклись самые широкие массы военнослужащих, чтобы по-настоящему всколыхнуть воинские коллективы, избавиться от равнодушия, инертности, круговой поруки. В этом — коренной вопрос борьбы с дедовщиной. Пока же горькая правда состоит в том, что глумления творятся, как правило, без утайки, в солдатской казарме или матросском кубрике, а присутствующие лишь пассивно наблюдают, как унижают их товарищей. Или равнодушно отворачиваются. В том числе и комсомольские активисты, многие сержанты. Да, это так, и это наша общая тревога и боль. Но сегодня, кажется, ясно уже всем — нельзя допустить, чтобы круговая порука оставалась и дальше подпоркой дедовщины. У нее не должно быть будущего.

Гласность и демократизация, которые все больше утверждаются в самых различных сферах армейской жизни, особенно необходимы в

борьбе с дедовщиной. Искоренить ее можно только при помощи публичных мер, осуществляемых последовательно и открыто. Потому что воинские коллективы в целом настроены против дедовщины, хотя пока еще не всегда готовы активно утверждать эту позицию.

Сошлюсь в подтверждение хотя бы на такие результаты анкетирования, проведенного недавно в одном из военных округов. Две трети опрошенных солдат не скрывали, что к фактам унижения молодых сослуживцев относятся безразлично, а каждый пятый добавил, что большой опасности в этом не видит. Но весьма показательно, что подавляющее большинство — три четверти тех же опрошенных заявили, что не боятся вступить за «молодого», если его бьют, и не испугаются открыто сказать правду о дедовщине на собрании. Очень важный симптом. Люди в большинстве своем не приемлют дедовщины и готовы с нею бороться. Но их нужно суметь поднять на борьбу, направить ее и поддержать.

Существуют и другие, не названные здесь «армейские» причины живучести дедовщины. Но есть у армии и свои большие возможности ее искоренения, которые могут и должны использоваться эффективно. Это относится и к нам, военным юристам, вклад которых в работу по повышению правовой культуры военнослужащих, развертывание в армии и на флоте правового всеобуча могли бы быть большими.

И тем не менее было бы наивным думать, что изжить дедовщину окончательно можно быстро и легко. Работа идет трудная и напряженная, да и в дальнейшем, видимо, легче не будет. Необходима четкая организация, постоянное и настойчивое проведение целого комплекса профилактических мер. Но мириться с дедовщиной невозможно, а отступать попросту некуда: в Вооруженных Силах социалистического правового государства ей не должно быть места.

**Полковник юстиции Г. КУЧЕР,
кандидат юридических наук**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ЕСЛИ ОТКРЫЛОСЬ НАСЛЕДСТВО...

Так называется вышедшая в издательстве «Юридическая литература» книга М. Ю. Барцевского.

Автор, опытный юрист, адвокат, в популярной форме освещает вопросы, связанные с наследственным правом. В отдельных разделах рассматриваются основания наследования, кто является наследником, охрана наследственного имущества, порядок рассмотрения споров о наследстве и т. д.

Книга основана на нормативном материале, содержит много примеров из практики, анализ зарубежного законодательства.

Достоинство книги — практикум по рассматриваемой теме, где в форме задач читатель получит дополнительную информацию. В виде приложения даны образцы заявлений о принятии наследства, об отказе от него.

Книга заинтересует не только специалистов, но и массового читателя.

ВОЗРОДИТЬ ПРИНЦИПЫ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(Начало на стр. 3—17).

трудоом, и о брачно-семейном, и о многих других отраслях законодательства. Ведь сейчас в некоторых регионах высказываются такие экстремистские суждения: запретить межнациональные браки. С позиции здравого смысла это абсурд. Но такие мысли высказываются, и, не дай бог, где-то они будут проводиться в жизнь открыто или чаще, может быть, скрыто.

Было бы целесообразно предусмотреть право граждан обращаться в суд за восстановлением их прав и законных интересов, нарушенных на национальной почве, за компенсацией морального и материального ущерба.

Необходимо внести дополнения в Основы земельного, жилищного, гражданского законодательства, четко закрепив в них принцип равенства прав и обязанностей граждан, независимо от расовой и национальной принадлежности. Например, нужно четко сказать, что в каждой союзной, автономной республике, так же как и в области, округе, землю в аренду могут получать граждане не только коренной, но и любой другой национальности. То же относится и к получению участков для индивидуального жилищного строительства, для садоводства, огородничества.

Особое значение в современных условиях приобретает строгое соблюдение равенства прав граждан всех национальностей при решении вопросов о постановке на учет для улучшения жилищных условий, соблюдении очередности и норм при распределении жилья, гарантиях против необоснованного выселения. К сожалению, такие проявления в отдельных местах уже есть, и нужно их в самом начале законодательно пресечь.

Необходимо установить и административную ответственность за действия, оскорбляющие национальные чувства граждан. Предусмотреть процессуальные гарантии равенства прав граждан независимо от их расовой, национальной принадлежности при производстве по делам об административных правонарушениях.

Наконец, еще один вопрос. Об уголовном законодательстве. В настоящее время только одной статьей кодекса предусмотрена уголовная ответственность за разжигание национальной розни, за нарушение национального равноправия граждан. Она не охватывает всех антиобщественных проявлений, с которыми нужно вести борьбу, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Представляется необходимым установить уголовную ответственность за создание преступных группировок с целью разжигания национальной вражды или розни.

Думается, что было бы правильным усилить ответственность за поджоги и погромы, вынужденное оставление места жительства

и работы, нарушение нормальной работы предприятий и учреждений, совершаемые на межнациональной основе.

Правильно было бы предусмотреть определенные дополнения и изменения в Основах судопроизводства, в частности о языке, о подсудности.

Е. ГОЛИКОВ, заведующий сектором идеологического отдела ЦК Компартии Эстонии.

Хотел бы начать с того, что я 32 года живу в Эстонии и последнее время в условиях достаточно горячего «климата» в нашей республике мне неоднократно приходилось перефразировать знаменитое высказывание Александра Ивановича Герцена, сказавшего: я люблю поляков, потому что я люблю Россию.

Так вот несколько раз, и в последний раз не далее как вчера, я заявлял о том, что я люблю эстонцев, потому что я люблю Россию. А послушав выступление Татьяны Георгиевны Ивановой, я хочу сказать, что я полюбил Россию еще больше.

Все мы должны прекрасно понимать, что нерешенность многих проблем, в том числе и в области национально-государственного строительства Российской Федерации, лежит тяжелым камнем на решении аналогичных проблем во всех союзных республиках.

Представляется, что один из кардинальных вопросов, сегодня активно обсуждавшихся — отношения центра и субъектов федерации республик, — во многом связан с тем обстоятельством, что именно Российская Федерация, несущая на себе наибольшую нагрузку и имеющая наибольший удельный вес по многим параметрам общей жизни Советского Союза, не является по целому ряду показателей в полной мере субъектом федерации.

Возникает своеобразная ситуация, когда Россия отождествляется с центром, Союзом Советских Социалистических Республик. Русские люди, а их немало в союзных республиках, наделяются качествами носителей консервативных признаков, которые мы в полной мере можем приписать определенному периоду развития нашего общества. На этой почве если уже не провоцируется, то стимулируется межнациональная напряженность, и об этом сегодня забывать нельзя.

От общих рассуждений и дискуссий мы должны постараться перейти к реальным подвижкам в этом вопросе. Я представляю себе дело таким образом: одновременно, только в процессе формирования полноценной республики Российской Федерации, может произойти и следующий очень важный момент, а именно демократизация центра.

Демократизация центра будет означать одновременно и укрепление Союза. Сильный центр — это демократизирующийся центр. Что значит демократизирующийся? Это центр, в котором повышается удельный вес каждого субъекта федерации. Для Эстонской ССР сегодня эта проблема стоит, по сути дела, в центре идеологических дискуссий.

Ни для кого не секрет, скажем так, заскоки, которые делаются в республике представителями движений, в том числе Народного фронта. Так вот, эти «выпрыгивания» в сторону от магистральной линии развития советской федерации в разных направлениях не связаны с тем, что эстонцы по своей природе, по своей генетической

структуре запрограммированы на национализм. Ясно, что нам приходится расплачиваться за грехи прежних времен.

Сегодня мы признаем, что правовое государство — пока еще цель, а не реальность. Но то же самое касается и демократической федерации, действительно нуждающейся в качественных революционных преобразованиях.

Один из путей этого — повышение участия союзных республик в общесоюзных делах. И вот с этой точки зрения Верховный Совет России вправе обладать двухпалатным парламентом, где представительство национальностей должно быть пропорциональным.

Я прошу прощения, наверное, я залезаю не в свой огород, но мне думается, что решенность этих проблем очень помогла бы нам. И вот почему.

Если позволите, два слова о той ситуации, которая сейчас складывается в Эстонской ССР. Все очень неоднозначно и очень не просто.

Я уже сказал, что моя личная любовь к России еще более усиливается благодаря той горячей обстановке, в которой мы сейчас находимся. Поверьте мне, она очень сложная. Вот выдвигается, на мой взгляд, не просто непродуманное, но саморазрушительное предложение конфедерации. Оно нашло поддержку среди довольно значительных слоев эстонского населения. Рождается очень болезненная реакция отчужденности, если хотите, апатии, потеря надежды.

Хотел бы сказать еще об одном обстоятельстве. Русскоязычное население, очень неоднородное по социальному составу, находится в сложных условиях. Это население в значительной своей степени связано с предприятиями союзного подчинения, созданными на территории республики, но не повернутыми в сторону ее интересов. И соответственно трудящиеся сюда были практически завезены. Люди работают в русских коллективах, живут в русских районах. Четвертая часть населения Эстонской ССР вообще не говорит по-эстонски.

Я упомянул о сложной национальной структуре Эстонской ССР. 60 процентов населения сейчас эстонского, 40 процентов — неэстонского. Быстрое увеличение численности одной этнической группы приводит, конечно, к тому, что меняется характер общения. В частности, остро стоит вопрос языка. Для культурных людей здесь не требуется закона и нет проблемы. Они говорят на том языке, который удобен для всех, который всем понятен. Но, вообще говоря, я, 32 года проживший в Эстонии, владею эстонским языком недостаточно и чувствую себя каждый раз неудобно. И в этом тоже есть нюансы, которые вырастают потом в сложные проблемы.

Мне думается, что, учитывая сложность и обостренность этих проблем, было бы очень актуально определить, что такое национальные права, национальные интересы и национальное достоинство. Как-то закрепить законодательно процедуры защиты того, другого и третьего.

В заключение я хотел бы сказать следующее. Несколько дней назад, в очень напряженный период, используя трибуну телевидения, я сделал предложение всем говорящим и пишущим в республике: воздерживаться от всяких высказываний, которые могут оскорбить представителей той или другой нации. Надо думать не только о том, что ты говоришь, но и о том, как нас понимают. Сегодня нам в республике иногда становится сложнее решать свои проблемы из-за

того, что далеко не все публикации, не вся информация, которая поступает к нам по каналам центральной печати, радио и телевидения, в полной мере учитывают своеобразие, ситуацию в республике. Я убедительно прошу учитывать и это обстоятельство. Ведь действительно, такт в вопросах межнациональных отношений — признак не только культуры, но и демократизма, к которому мы стремимся.

Л. АЛЕКСИДЗЕ, проректор Тбилисского государственного университета.

Сегодня мы говорим об излишней централизации, о том, что бюрократический аппарат свирепствовал. В союзных республиках инспектор любого союзного министерства мог поставить вопрос так, что, хотя он противоречил интересам республики, там вынуждены были соглашаться. Так стоит ли удивляться такому взрыву в национальных республиках? И мы должны не закрывать на это глаза, контролировать процессы в разумном общедемократическом направлении.

Поэтому когда мы говорим о нашей федерации, надо понимать, что это союз равноправных республик, передавших частицу своего суверенитета союзному органу, и они являются источником суверенитета Союза.

Сила ленинской идеи заключается в том, что был образован союз равноправных республик, равноправных народов, которые объединились, передали центру определенные права, чтобы быть сильнее. Но кто является источником суверенитета той же Грузии? Конечно, грузинский народ. А право выхода обеспечивает мне право выйти, если я увижу, что мой суверенитет незаслуженно ущемляется.

Здесь шла речь о союзном договоре. Я хочу сказать, что не правы товарищи из Прибалтики. Но я их понимаю. События 1939—1940 годов оставили им очень тяжелое наследие.

Можно становиться на разную точку зрения. Но разумной кажется такая. Если наши современные законы полностью учтут интересы всех союзных республик и центра, то тогда отпадет необходимость в создании нового союзного договора. Ибо тогда, я думаю, товарищи из Прибалтики убедятся, что то, что, по их мнению, ущемляло их как суверенную нацию, разрешено законодательным путем. Если этого сделано не будет, то тогда, видимо, будет продолжать ставиться вопрос о новом союзном договоре.

На мой взгляд, здесь кое-кто пытался противопоставить автономную республику и союзную республику, поставить их на один уровень. Если автономная республика, тем более сейчас, при гласности, и союзная республика не сойдутся во мнении, это может только вызвать национальные трения.

Когда ставится вопрос о том, чтобы всем национальным меньшинствам предоставить автономию, нужно говорить о национально-культурной автономии. Посмотрите, у нас есть национальные меньшинства, которые имеют свой театр, свои средние школы, свои газеты, свои поэты у них печатаются на курдском, азербайджанском, армянском языках. То есть практически в своей области они и так управляют сами.

Безусловно, автономной республике надо расширить права. Если мы, грузины, обижаемся, когда нам кажется, что нас из центра при-

тесняют, так абхазцы считают, что мы их притесняем. В. И. Ленин говорил о том, что не надо наступать маленькой нации на ногу. Поэтому мы должны быть осторожны в национальных отношениях. Но предоставлять автономной республике право самой решать, куда перейти,— значит ломать советскую федерацию. Надо дать ей максимум прав, а решение ее о переходе в другую республику не может быть принято без согласия Союза, как и записано в Конституции.

И один еще вопрос, над которым, считаю, надо серьезно подумать. Если Союз принял решение, которое противоречит жизненным интересам республики, как быть? Это очень сложный вопрос. Такое не исключено. Поэтому, я считаю, надо создать правовые гарантии того, что закон, который республика считает противоречащим ее интересам, может быть приостановлен и дополнительными процедурами уточнен.

* * *

В дискуссии также приняли участие Председатель Президиума Верховного Совета Татарской АССР Ш. МУСТАЕВ, заведующий сектором административного права ИГП АН СССР Б. ЛАЗАРЕВ, заместитель директора Института советского государственного строительства и законодательства при Верховном Совете СССР И. КУЗНЕЦОВ, председатель исполкома Совета народных депутатов Чукотского национального автономного округа Н. ОТКЕ, Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР А. ГОРБУНОВ и другие.

Итоги дискуссии подвел заведующий Государственно-правовым отделом ЦК КПСС А. ПАВЛОВ.

Публикацию подготовила М. ТРОИЦКАЯ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

Каждые 23 минуты из-за нарушений правил дорожного движения в прошлом году погибал человек. Как пешеходу избежать трагедии, вы узнаете в статье «Ходить надо уметь». А статья «Нарушил—отвечай!» расскажет вам о новом в законодательстве об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения.

Есть суд, о котором забыли даже многие юристы. А надо о нем вспомнить и широко внедрять. Об этом Николай Бывалый рассказывает в статье «Третейский суд».

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

НАРУШИЛ — ОТВЕЧАЙ!

Было обыкновенное утро — начало трудового дня. Люди спешили на работу. Но каждый, как бы он ни опаздывал, как бы ни был занят мыслями о заботах предстоящего дня, обязательно обращал внимание на искаженный «жигуленок». Это было грустное зрелище: выбитые стекла, изуродованный капот, разбитый радиатор... Рядом с этой машиной стоял молодецкий мичман.

— Понимаете, это мой сосед... Вчера вечером возвращался с женой из театра. Она погибла, он в тяжелом состоянии... в больнице.

Да, автотранспортное происшествие — событие печальное. И вызывает тревогу то, что аварий на наших дорогах не становится меньше, наоборот, их число год от года увеличивается. Вот данные статистики.

За последние пять лет в СССР зарегистрировано около 1,4 млн. дорожно-транспортных происшествий, в которых погибло более 200 тысяч и ранено свыше 1,2 млн. человек. Причем в 1988 году количество аварий возросло на 10,8 процента, а число погибших и раненых соответственно на 18,5 и 11,2 процента.

Причины этого явления различны. Однако во многом здесь виноваты мы сами — водители и пешеходы: значительная часть аварий происходит вследствие беспечности, а нередко и сознательного пренебрежения правилами дорожного движения. Вот почему один из способов улучшения положения на дорогах видится в совершенствовании административного законодательства. Ведь именно оно играет

важную роль в предупреждении нарушений правил дорожного движения, в воспитании участников движения в духе точного и неуклонного соблюдения требований безопасности.

6 февраля 1989 года принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты СССР об ответственности за нарушение правил дорожного движения». Чем же вызвано принятие этого нормативного акта?

Возможно, многие читатели помнят, что в марте 1983 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения». Его основная цель заключалась в усилении ответственности за совершение наиболее опасных нарушений этих правил. Несомненно, на каком-то этапе данный нормативный акт сыграл определенную положительную роль. Однако существенно изменить ситуацию на дорогах страны не смог.

Представляется, что наиболее серьезным недостатком этого Указа являлось то, что он устанавливал неоправданно широкий перечень нарушений правил, а также то, что в его правовых нормах не всегда четко соизмерялся характер совершенного проступка и взыскания.

Так, например, законодатель предусматривал административную ответственность за управление транспортными средствами с неисправностями, с которыми запрещена их эксплуатация. Конкретный перечень таких неисправностей приведен в правилах дорожного движения и содержит более сорока разновидностей. Наличие любой из них влекло штраф от трех до десяти рублей. Вместе с тем даже начинающий водитель скажет, что реальную угрозу безопасности движения могут создать поломки в рулевом управлении или тормозной системе, а не отсутствие брызговиков или плохой внешний вид автомобиля, которые даже косвенной причиной аварии не могут служить. Хотя попытка создать условия для того, чтобы при назначении административных взысканий различия в опасности совершенных проступков учитывались, предпринята все-таки была. Действовавшие правовые нормы устанавливали нижние и верхние пределы санкций.

Но квалификация проступков водителей по степени их опасности практически полностью зависела от субъективного усмотрения работника ГАИ. И это, к сожалению, довольно часто приводило к злоупотреблениям с их стороны.

Более того, общая формулировка нарушения, данная в правовой норме, позволяла выявлять прежде всего те проступки, которые, так сказать, лежат на поверхности и зафиксировать которые не представлялось труда.

Подобная имитация активности в пресечении нарушений правил дорожного движения приводила к тому, что около $\frac{2}{3}$ выявленных проступков приходилось на долю малозначительных, не влияющих на безопасность движения.

Чтобы устранить возникшие противоречия, повысить роль законодательства в борьбе с нарушениями правил дорожного движения и одновременно защитить участников дорожного движения от необоснованно широкого привлечения к административной ответственности, и был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты СССР об ответственности за нарушение правил дорожного движения».

Прежде всего следует отметить, что новый нормативный акт сократил и конкретизировал перечень нарушений правил, включив в

правовые нормы только наиболее опасные, непосредственно влияющие на безопасность движения. Так, статья 1 гласит:

«Водители за управление транспортными средствами, то есть всеми видами автомобилей, тракторами и иными самоходными машинами, трамваями и троллейбусами, а также мотоциклами и другими механическими транспортными средствами, имеющими неисправности тормозной системы или рулевого управления, или переоборудованными без соответствующего разрешения, или не зарегистрированными в установленном порядке, или не прошедшими государственного технического осмотра, подвергаются предупреждению или штрафу в размере пяти рублей.

Нарушение правил пользования ремнями безопасности или мотошлемами влечет предупреждение или штраф в размере пяти рублей».

В ранее действовавшем законодательстве слабо использовались такие меры, которые позволяли бы реально обеспечить исполнение нарушенных обязанностей. Так, наложение штрафа не может исправить автомобиль и не решит проблемы его правильной регистрации или технического осмотра. В связи с этим в новой редакции Указа предусмотрена возможность запрещения эксплуатации транспортных средств в случае неисправности тормозной системы или рулевого управления, а также переоборудованными без соответствующего разрешения.

Уточнению и конкретизации подвергся и перечень нарушений, содержащихся в статье 2. В соответствии с принятыми изменениями, водители могут быть подвергнуты предупреждению или штрафу в размере десяти рублей за превышение установленной скорости движения, за проезд на запрещающий сигнал светофора или жест регулировщика, за несоблюдение требований дорожных знаков приоритета, запрещающих и предписывающих дорожных знаков, разметки проезжей части дорог, о предоставлении преимущества в движении, за нарушение правил перевозки людей, обгона транспортных средств, проезда остановок общественного транспорта или пешеходных переходов, пользования осветительными приборами в темное время суток или в условиях недостаточной видимости.

В новой редакции четко просматривается тенденция применения жестких административных санкций к водителям, которые злобно игнорируют требования безопасности. Так, часть вторая статьи 2 предусматривает повышенную ответственность в виде штрафа от двадцати до пятидесяти рублей или лишения права управления транспортным средством на срок до трех месяцев в тех случаях, когда совершенное водителем нарушение привело к созданию аварийной обстановки.

В целях единообразной квалификации действий нарушителя законодатель дал конкретную формулировку этого понятия. Под созданием аварийной обстановки понимаются такие действия нарушителя, в результате которых другие участники движения вынуждены резко изменять скорость, направление движения или принимать иные меры к обеспечению собственной безопасности или безопасности других граждан.

Наказание в виде штрафа от двадцати до пятидесяти рублей или лишения права управления транспортным средством на срок до трех месяцев предусмотрено и за невыполнение водителем требований работника милиции об остановке транспортного средства.

Чтобы оградить участников движения от необоснованного при-

влечения к административной ответственности, законодатель возложил на работника милиции, останавливающего транспортное средство, обязанность подавать сигналы понятным водителю способом и своевременно, с тем чтобы не создавать на дороге аварийную обстановку. Сигналы об остановке должны подаваться жестом руки или жезлом с одновременным сигналом свистком, а также с помощью громкоговорящего устройства.

Важным средством в укреплении дисциплины и порядка на дорогах должна стать правовая норма, установившая административную ответственность водителей мотоциклов и иных транспортных средств за участие в групповом передвижении в городах и других населенных пунктах, создающем помехи дорожному движению или угрозу его безопасности. Штраф в размере пятидесяти рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок до трех месяцев, предусмотренные за такой проступок, возможно, заставят значительную часть рокеров осознать необходимость строгого соблюдения требований правил дорожного движения.

Существенно усилена ответственность и за управление транспортными средствами в состоянии опьянения. В соответствии со статьей 5 с 1 июня 1989 года управление транспортными средствами в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, уклонение от прохождения в соответствии с установленным порядком освидетельствования на состояние опьянения будут наказываться штрафом в размере двухсот рублей или лишением права управления всеми видами транспортных средств на срок от одного года до трех лет.

Учитывая распространенность и опасность участия в дорожном движении лиц, не имеющих достаточных навыков управления транспортными средствами, законодатель установил за данное нарушение административную ответственность в виде штрафа в размере тридцати рублей. Такое же взыскание предусмотрено и за передачу управления транспортным средством лицу, не имеющему на это право.

В том случае, если указанное нарушение повлекло повреждение транспортных средств, грузов, дорог, дорожных и других сооружений или иного имущества, размеры налагаемого штрафа колеблются от тридцати до пятидесяти рублей.

Особую тревогу вызывает распространенность нарушений правил дорожного движения среди пешеходов. Практически каждое четвертое происшествие на дорогах совершается по их вине. Исходя из этого, изменена редакция статьи 10, которая гласит:

«Пешеходы за неподчинение сигналам регулирования дорожного движения, за переход проезжей части в неустановленных местах, а также лица, управляющие мопедами и велосипедами, возчики и другие лица, пользующиеся дорогами, за неподчинение сигналам регулирования дорожного движения, за несоблюдение требований дорожных знаков приоритета, запрещающих или предписывающих дорожных знаков подвергаются предупреждению или штрафу в размере пяти рублей.

Лица, указанные в части первой настоящей статьи, за нарушения правил дорожного движения, повлекшие создание аварийной обстановки, подвергаются штрафу в размере от десяти до тридцати рублей».

Некоторые изменения внесены в порядок наложения и исполнения административных взысканий. Много претензий высказывалось ранее к процедуре взимания штрафов, которая была довольно длительной и хлопотливой. Теперь в соответствии с новой редакцией ча-

сти 2 статьи 16 в случаях, если лицо не оспаривает допущенное нарушение и на него налагается административное взыскание в виде предупреждения или штрафа в размере не более десяти рублей, то протокол не составляется. Налагаемый в этих случаях штраф взимается работником милиции на месте совершения нарушения. О взимании штрафа нарушителю должна быть выдана соответствующая квитанция.

При совершении водителем нарушения, за которое предусмотрен штраф более десяти рублей, работник милиции обязан составить протокол. Водительское удостоверение может быть изъято только в случаях, когда за совершенное нарушение предусмотрена возможность лишения права управления. В случае изъятия водительского удостоверения об этом делается соответствующая запись в протоколе, а водителю выдается временное разрешение на право управления транспортным средством.

В целях более последовательной защиты интересов участников движения, укрепления законности при наложении взысканий Указ предусмотрел порядок, согласно которому инспектор ГАИ может самостоятельно решать вопрос о применении предупреждения или штрафа в размере до десяти рублей.

Во всех остальных случаях административные нарушения участников дорожного движения подлежат рассмотрению начальниками или их заместителями управлений (отделов, отделений) ГАИ по месту совершения проступка или по месту постоянного (временного) учета транспортного средства нарушителя. При отсутствии в отделе внутренних дел отделения (отдела) ГАИ право рассматривать дела об административных нарушениях правил дорожного движения предоставлено начальнику отдела внутренних дел и его заместителям.

Хочется надеяться, что усиление борьбы с грубыми нарушениями Правил будет способствовать стабилизации аварийности на автомобильном транспорте. Несомненно, что и отмена административных мер воздействия в виде штрафа за малозначительные проступки окажет положительное влияние на взаимоотношения работников ГАИ и участников движения.

И последнее. Напомним, что Указ вступает в силу с 1 июня 1989 года.

С. БЕРТУШ,
кандидат юридических наук

А. ДЮЖАЕВ,
кандидат юридических наук

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА

Есть у нашего завода свои жилые дома, так называемые ведомственные. Поэтому порой ставит директор передо мной вопросы, связанные с жилищным законодательством.

— В двухкомнатной квартире освободилась комната, — начал Василий Иванович. — В соседней комнате размером 15 кв. метров живут мать с сыном, и они самовольно заняли освободившуюся жилплощадь. Но у нас на заводе есть и более нуждающиеся люди, а эта семья даже на очереди не стоит. Жилищно-коммунальный отдел предлагает обратиться к прокурору за санкцией на выселение. По-моему, правильно.

— Тут все не так просто, Василий Иванович, — говорю я. — Действительно, статья 36 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик (статья 90 Жилищного кодекса РСФСР) предусматривает выселение в административном порядке с санкции прокурора лиц, самоуправно занявших жилое помещение. При существующих сложностях с жильем своевольничать в этих вопросах недопустимо. Но в данном случае выселение матери с сыном из второй комнаты не решит проблемы.

— Как так? — удивился Демократов. — Комната будет свободна, и мы предоставим ее очередникам. Сколько у нас молодых семей в общежитии маются!

— Не сможем мы ее другой семье дать, Василий Иванович, не имеем права.

— Это почему же?

— Статья 46 Жилищного кодекса РСФСР устанавливает, что если в квартире, где проживает несколько нанимателей, освобождено изолированное жилое помещение, то оно должно предоставляться проживающим в квартире лицам, нуждающимся в улучшении жилищных условий.

— Ну вот и я говорю об этом же, Степан Степанович. Мать с сыном не считаются нуждающимися в улучшении жилищных условий и на очереди не стоят, — перебил меня Демократов.

— Подождите, Василий Иванович, я еще не всю статью процитировал. Если лица, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, в квартире не проживают, то освободившаяся комната предоставляется гражданам, обеспеченным жилой площадью менее установленной нормы на одного человека (при этом учитывается и право на дополнительную жилую площадь). Это как раз и касается нашей семьи: 15 кв. метров на двоих — меньше установленной в РСФСР нормы. И лишь при отсутствии в квартире и этой категории нанимателей комната может быть заселена в общем порядке, то есть посторонними лицами.

Так что выселить-то мы их выселим, а потом все равно комнату придется этой семье давать. Только лишняя волокита. Хотя, конечно, на недопустимость самоуправства им указать надо.

— Ну что ж, закон есть закон. А у меня к вам, Степан Степанович, еще вопрос. Мы не дали разрешения на обмен квартиры одному работнику, а он обратился в суд. Дело в том, что дом этот непригоден для проживания, там сильная вибрация, так как под домом проходит линия метрополитена. Есть заключение санэпидстанции,

решение исполкома о переводе его под нежилые помещения. Со временем жильцы будут выселены. Но работник утверждает, что все это не имеет значения, раз семья, с которой они меняются, согласна вселиться и на таких условиях. Прав ли он?

— Нет, не прав. В соответствии с пунктом 7 статьи 73 ЖК РСФСР обмен жилого помещения не допускается, если в связи с ним жилищные условия одной из обменивающихся сторон существенно ухудшаются, в результате чего граждане становятся нуждающимися в улучшении жилищных условий. Здесь это как раз и произойдет, так как, согласно пункту 2 статьи 29 ЖК РСФСР, лица, проживающие в доме, не отвечающем установленным санитарным и техническим требованиям, признаются нуждающимися в улучшении жилищных условий. Так что отказ в разрешении на обмен обоснован.

С. ИСТИНОВ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Определите, какой орган должен рассматривать следующие дела:

1. Спор Антоновой и Селиванова, совладельцев жилого дома, расположенного в Ермаковском районе Красноярского края, о порядке пользования земельным участком.

2. Иск завода «Ростсельмаш» к Четвернину о выселении из общежития завода.

3. Требование Федотова о возмещении заводом «Смена» ущерба, причиненного его здоровью в результате несчастного случая на производстве.

4. Жалобу Щербакова на решение административной комиссии при Химкинском горисполкоме о наложении на него штрафа за самовольное возведение навеса на открытой автостоянке.

5. Требование Агеева, проживающего в Туле, к Петрову, проживающему в Абакане, о возмещении имущественного ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, имевшего место в г. Калининграде Московской области.

6. Жалобу Карленковой на решение комиссии по назначению пенсий при исполкоме Горностаевского райисполкома. Херсонской области об отказе ей в назначении пенсии.

7. Требование начальника цеха завода «Призыв» Жирова о восстановлении на работе.

ХОДИТЬ НАДО УМЕТЬ

Один из героев пьесы Мольера однажды с изумлением обнаружил, что всю жизнь говорит прозой. Смешно, не правда ли? Невежество всегда вызывало улыбку. Но что бы сказали многие из вас, если бы им сообщили, что они не умеют ходить?

Нет, разговор идет не о том, чтобы передвигаться «на своих двоих». Это большинство из нас делают весьма успешно, в любом направлении и даже на весьма высоких скоростях. Речь о другом. Об умении быть пешеходом, культурным пешеходом. Потому что поведение человека на улице, знание и соблюдение им основных требований Правил дорожного движения говорят и о его культуре. А разве можно назвать культурным того, кто шагает по левой стороне тротуара и толкает встречных, переходит улицу где попало, мешает движению транспорта?

А многие ли ребята могут похвастаться, что умеют правильно ходить по дороге? К сожалению, далеко не все, так же как далеко не все знают, что существуют специальные правила для пешеходов. О них и пойдет рассказ.

Итак, пешеходами считаются все, кто находится на дороге, но не в транспортном средстве и не выполняет на ней работу. Здесь я напомню, что **дорогой** называется любая используемая для движения улица, проспект, переулок и т. п. по всей ширине (включая тротуары, обочины и разделительные полосы). Пешеходами считаются и те, кто передвигается в инвалидной коляске без двигателя, ведет по дороге руками велосипед, везет санки, тележку или детскую коляску.

Действительно, если человек находится внутри транспортного средства, то он может быть водителем, пассажиром, сопровождающим груз экспедитором, контролером, инструктором, но в данных случаях это уже не пешеход. Не относятся к пешеходам и те, кто ремонтирует дорогу, наносит на нее разметку, убирает ее.

Первое и основное правило для пешеходов: ходить следует не по проезжей части дороги, а по тротуарам или пешеходным дорожкам. Там же, где их нет, надо идти по обочине или велосипедной дорожке, если это, конечно, не мешает велосипедистам.

Тротуар и пешеходная дорожка — это специально отведенные пути для ходьбы. Они отделены от проезжей части для того, чтобы обезопасить пешеходов, оградить их от транспорта. Тротуар возвышается над проезжей частью и имеет усовершенствованное покрытие, а пешеходная дорожка может быть похожа на велосипедную или просто очень узкую дорогу — вот почему обозначается она особым знаком: в середине синего круга изображен силуэт шагающего человека, и называется знак «Пешеходная дорожка». Идти надо, придерживаясь правой стороны, потому что в нашей стране установлено правостороннее движение. Говорят, что правило это пришло из глубокой древности: так в старину расходились встречные вооруженные воины, держа в левой руке щит, которым прикрывались в всякий случай. Сейчас такие встречи не грозят, но правило осталось.

Но вот вы попали на загородное шоссе, где нет никаких специальных путей для ходьбы. В таком случае, если на шоссе нет обочины, можно идти по проезжей части, но только по самому краю и в один ряд, то есть «гуськом». И самым безопасным будет двигаться... по левой стороне! Именно по левой. И это, оказывается, несколько не

противоречит правостороннему движению. Ведь когда ты идешь по шоссе навстречу движущемуся транспорту, то видишь приближающиеся автомобили, тракторы, мотоциклы. И можешь вовремя сойти с проезжей части, чтобы уступить им дорогу.

В сумерки и ночью идти по загородному шоссе лучше всего с так называемыми световозвращающими элементами, которые надо прикрепить к своей одежде. К сожалению, в магазинах невозможно купить ничего другого, кроме элементов, выпускаемых для велосипедов и мопедов — «катафотов», как их иногда называют. Но и они позволяют водителям своевременно заметить вас и принять меры предосторожности. Можно воспользоваться карманным зеркальцем, которое надо держать перед собой, чтобы встречный водитель увидел в нем отражение фар своего автомобиля. Годится и включенный карманный фонарик.

Правда, здесь надо сделать оговорку: пешеходам, ведущим руками велосипед, мопед, мотоцикл или едущим в инвалидной коляске, двигаться по левой стороне дороги нельзя: Они должны следовать по ходу транспортных средств.

Группы детей могут ходить только по тротуарам или пешеходным дорожкам, и водить такие группы должны взрослые. Если нет ни тротуара, ни пешеходной дорожки, то водить их разрешено по обочине дороги лишь в светлое время суток.

Но вот потребовалось перейти на другую сторону дороги или улицы, а для этого надо пересечь проезжую часть. Это можно делать только в строго определенных местах: по подземным переходам, пешеходным мостикам, в местах, где разметкой типа «зебра» обозначен пешеходный переход или где находится знак «**Пешеходный переход**» — синий квадрат, внутри которого в белом треугольнике нарисован черный силуэт человека, идущего по «зебре». Если же ни переходов, ни мостиков, ни обозначенных для перехода мест нет, тогда улицу надо переходить на перекрестках по линии тротуаров или обочин. По дороге же вне населенного пункта, если на ней нет обозначенных пешеходных переходов, или в местах, где в зоне видимости нет перехода или перекрестка, переходить дорогу можно только под прямым углом и в таких местах, где она хорошо просматривается в обе стороны.

К сожалению, до сих пор встречаются люди, которые с этими правилами не считаются. Сокращая себе путь, они переходят улицу, где хотят, не обращая внимания на транспорт. И как часто бывает, из-за двух-трех «сэкономленных» минут на дороге происходит **дорожно-транспортное происшествие**.

Вот что произошло в Киеве. Шестиклассник Сергей П. опаздывал в школу. Решив сократить путь, он стал перебегать улицу перед движущимся транспортом. Водитель грузовика, перед которым неожиданно появился Сергей, чтобы не сбить мальчика, резко свернул в сторону и столкнулся с «Жигулями». Водителя легковой машины и его пассажира в тяжелом состоянии увезли в больницу. Подобных случаев можно привести немало. А сколько ребят на всю жизнь остаются инвалидами из-за того, что нарушили правила для пешеходов! В микрорайоне, где я живу, часто вижу парнишку на костылях. Это старшекласник Витя К. Он с завистью смотрит, как его сверстники играют в футбол, хоккей, ходят на лыжах. Он никогда уже не сможет заниматься тем же. Несколько лет назад Витя попал под машину и получил серьезное повреждение позвоночника, из-за чего теперь всю жизнь вынужден ходить в корсете и на костылях.

Бывают и более трагичные исходы. Ежегодно в нашей стране под колесами транспортных средств погибают несколько тысяч детей и подростков...

Если вы убедились, что проезжую часть переходить безопасно, переходите, не задерживайтесь и не останавливайтесь без надобности на проезжей части. Не успели закончить переход из-за того, что появился запрещающий сигнал регулировщика, светофора или пошел поток автомашин, остановитесь на островке безопасности или на середине проезжей части и ждите, когда можно будет идти дальше.

Не забудьте: **перед тем, как начать переходить улицу, посмотрите налево, а дойдя до середины проезжей части, — направо.** Эта мера безопасности также связана с правосторонним движением: вначале убеждаешься, что безопасна ближайшая к тебе, правая, сторона дороги, затем — противоположная, левая. Правда, может быть исключение: при переходе улиц с односторонним движением. На таких улицах транспорт едет только в одном направлении. Вот почему и смотреть во время всего перехода улицы приходится только в одну сторону: направо или налево.

Конечно же, в тех местах, где движение регулируется, там пешеходы обязаны подчиняться сигналам светофора или регулировщика. Но главное — **надо быть всегда предельно бдительным, внимательным, осторожным при переходе улицы, даже если дан разрешающий для перехода сигнал.**

Запомните еще несколько запретов для пешеходов. Нельзя переходить проезжую часть вне пешеходного перехода, если на ней имеется разделительная полоса, а также в местах, где установлены пешеходные или дорожные ограждения. Запрещено ходить по дороге, которая обозначена знаком «Автомагистраль» — зеленым прямоугольником с белым мостиком над ним. В районе автомагистралей пешеходам можно находиться лишь на пешеходных дорожках, в местах стоянки и отдыха. Нельзя выходить из-за стоящего транспортного средства или иного препятствия, которое ограничивает обзорность, не убедившись в том, что нет приближающихся автомобилей, автобусов, троллейбусов или иных транспортных средств.

Ну и, наконец, нельзя переходить проезжую часть, если вы видите, что приближается транспортное средство с включенным проблесковым маячком («мигалкой») или со специальным звуковым сигналом («сиреной»). Такими средствами оповещения снабжены автомашины, мотоциклы и другой транспорт, который выполняет неотложное оперативное задание и может отступать от Правил дорожного движения (милиция, «скорая помощь», пожарные автомобили и т. д.). Все участники дорожного движения должны им уступать дорогу.

Основные правила для пешеходов несложны, и выполнять их трудно. А знать — обязательно. Вместе с тем, хотя это и не входит в правила движения, следует помогать перейти улицу маленьким детям, инвалидам, пожилым людям, слепым, которым сложно ориентироваться в дорожной обстановке. Ведь необходимо быть не только внимательным, но и предупредительным.

С. ВЛАДИМИРОВ

НЕЛИШНИЙ ДОХОД

Когда Семен вернулся вечером после работы, он увидел, что Вита сидит за столом на кухне и что-то подсчитывает на бумажке. — Ты что нахмурилась? — спросил он.

Вита вздохнула:

— Вот пытаюсь концы с концами свести...— грустно ответила она.— Домашней бухгалтерией занялась и расстроилась. Что-то все не в нашу пользу получается. Взгляни...

Семен посмотрел на сделанные женой расчеты. Действительно, было над чем задуматься. Как вы помните, молодые специалисты Гражданкины лишь недавно начали семейную жизнь. Конечно, им хотелось то одно приобрести, то другое. Взяли они в кредит цветной телевизор, получили ссуду на приобретение мебели, застраховали дочурку Леночку — за все это надо деньги возвращать. К тому же на всякие мелочи у знакомых денег назанимали. А чем расплачиваться? Зарплата Семена как молодого инженера невеста какая. Вита хоть и работает на заводе, но получает раза в три меньше, — ведь она работает неполный рабочий день. Вот и остается после всех погашений, кредитов и ссуд, выплат по страхованию только на еду. Как же жить дальше? Хочется и платье новое купить, и сапожки, и многое другое. И отдохнуть летом куда-нибудь уехать всей семьей. Хотя родители Виты Анна Сергеевна и Константин Петрович и оказывают молодым посильную помощь, но этого мало.

И вдруг пришла неожиданная идея.

— Послушай-ка, — сказал Семен, — да ведь ты, пока была в отпуске по уходу за Леночкой, ходила на курсы вязания и научилась неплохо вязать. Вон какие прекрасные костюмчики, варежки и носочки сделала своими руками для Леночки! А платье, которое ты связала для себя, а кофточки и пальто! Так почему же тебе не заняться индивидуальной трудовой деятельностью?

Что ж, интересная мысль. Действительно, индивидуальной трудовой деятельностью разрешается заниматься совершеннолетним гражданам, участвующим в общественном производстве, в свободное от основной работы время, домашним хозяйкам, инвалидам, пенсионерам, студентам и учащимся. С учетом общественных потребностей в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик, такой деятельностью могут заниматься и другие граждане, не занятые в общественном производстве.

— И я вот что подумал, — продолжал Семен, — одна ты вязать не будешь. Естественно, стану помогать и я. Это разрешено.

В Законе об индивидуальной трудовой деятельности установлено, что она может осуществляться гражданами с участием проживающих вместе с ними членов семьи — супруга, родителей и других достигших 16-летнего возраста родственников и иждивенцев. А вот если бы Гражданкиным вздумали помогать Анна Сергеевна и Константин Петрович, живущие отдельно от них, это было бы нарушением закона. Семен же имел на это право.

Вита нахмурилась и строго поджала губы.

— Что ж это будет такое? — с сарказмом сказала она.— Значит, навяжем мы кофточек, платьев, носочков, а потом оба, два инженера, будем стоять на рынке и торговать ими?

— Ну зачем же так! — улыбнулся Семен. — Ведь можно заключить договор с государственной, кооперативной или другой общественной организацией, предприятием или учреждением. Можно наконец вступить в кооператив, который занимается обслуживанием населения, в том числе и вязанием. Кстати, там, наверно, создадут условия для более производительного труда, обеспечения необходимыми инструментами и сырьем. А я так думаю, что, поскольку мы с тобой вручную много не навяжем, то сможем получить вязальную машину.

Да, закон разрешает использовать имущество, получаемое по договору найма с предприятиями, учреждениями, организациями и даже гражданами. Но это не обязательно. Занимающийся индивидуальной трудовой деятельностью может использовать сырье, материалы, инструменты или иное имущество, которое принадлежит лично ему или заказчику. Причем сырье, материалы, инструменты и другое имущество может быть приобретено в государственной, кооперативной, розничной сети либо на рынке. А в ряде случаев, предусмотренных законом, у предприятий, учреждений и организаций. Более того: Закон предписывает исполкомам местных Советов народных депутатов, предприятиям, учреждениям и организациям оказывать помощь «индивидуалам» в приобретении сырья, материалов, инструментов и иного имущества, необходимого для их деятельности, а также в сбыте произведенной ими продукции и, кроме того, в необходимых случаях предоставлять им в аренду нежилые помещения и другое имущество. Надо сказать, что определенные льготы на все это могут быть законодательством предоставлены, например, для ветеранов войны и труда, инвалидов, лиц, страдающих хроническими заболеваниями. Понятно, что Гражданкины, молодые и здоровые люди, права на такие льготы не имеют.

Чтобы заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, надо прежде всего получить разрешение. Для этого подается заявление в исполнительный комитет районного, городского, районного в городе, поселкового, сельского Совета народных депутатов — по месту жительства. В заявлении указываются период, в течение которого гражданин намерен осуществлять эту деятельность, виды производимых товаров или услуг, место осуществления деятельности, предполагаемые источники приобретения сырья, материалов, оборудования и некоторые другие сведения.

Решение исполкома местного Совета о разрешении на занятие индивидуальной трудовой деятельностью дает право получить в финансовом отделе или управлении регистрационное удостоверение или патент. Для этого надо предъявить финансовому органу свой паспорт, представить фотографию размером 3 × 4 см, а тот, кто выбрал себе патент, должен еще внести за него плату. Кроме того, уплачивается государственная пошлина. И еще: если в занятии индивидуальной трудовой деятельностью принимают участие совместно проживающие супруги, родители и другие, достигшие 16-летнего возраста родственники и иждивенцы, все они должны быть указаны в регистрационном удостоверении или патенте.

Надо сказать, что Семен очень уклончиво ответил на вопрос своей жены, каким же образом реализовать изготовленные вещи. Да, конечно, это разрешено делать на рынках и в других местах по решению исполкомов местных Советов народных депутатов. Но ведь далеко не всех «индивидуалов» это может устроить. Многие люди считают неудобным для себя стоять на рынке, предлагая

свой товар (хотя что же тут неудобного, ведь человек своим трудом изготовил эти вещи!), да и времени для этого надо немало. Вот почему можно продавать свою продукцию непосредственно заказчикам, сдавать в магазины по комиссионной торговле либо реализовать по договорам с предприятиями, учреждениями, организациями. Причем продавать изделия кустарно-ремесленных промыслов можно не только на территории того населенного пункта, где проживает «индивидуал», но и в других городах и районах. А вот продавать можно лишь те изделия, которые указаны в регистрационном удостоверении или патенте.

Да, но по какой стоимости? Порой мы видим, как на рынках по баснословным ценам продаются «варенки», сапожки... Это разрешено. Потому что продажа изделий кустарно-ремесленных и народных художественных промыслов заказчикам и на рынках производится по ценам согласно договоренности. Так что, если продавец «заламывает» цену, совсем не обязательно с ним соглашаться. Можно (и даже нужно!) с ним поторгаться, назначая свою цену. А ведь многие из нас просто забыли это традиционное правило рынка и привыкли покупать, как и в государственном магазине, по твердым ценам, не торгуясь.

А вот продажа изделий по договорам с предприятиями, учреждениями, организациями хотя и производится по ценам согласно договоренности, однако они не должны быть выше действующих государственных расценок на подобные товары и изделия производства государственных и кооперативных предприятий и организаций. В комиссионные же магазины изделия принимаются исходя из действующих государственных розничных цен, при этом учитываются качество изделий и покупательский спрос на них. За услуги комиссионные магазины удерживают в свою пользу семь процентов от стоимости изделий.

Если гражданин занимается индивидуальной трудовой деятельностью, доходы от которой подлежат налогообложению, он обязан учитывать все доходы и расходы от этой деятельности и представлять в финансовый отдел исполкома местного Совета по месту своего постоянного жительства декларацию. В зависимости от получаемых доходов и с учетом общественных интересов устанавливается размер налога. Плата же за патент определяется из среднегодового дохода лиц, занимающихся подобной деятельностью, и соответствующих ставок подоходного налога с населения, причем в данном случае подоходный налог не взывается.

Конечно, Вита и Семен выбрали себе индивидуальную трудовую деятельность — вязание, исходя из своих возможностей. Вязание относится к сфере кустарно-ремесленных промыслов. В этой сфере разрешено изготовлять очень широкий круг товаров, кроме тех, изготовление которых запрещено законодательством СССР и союзных республик. Допускается изготовление одежды, обуви, головных уборов, пряжи, ковров, гончарных и керамических изделий, игрушек и сувениров, предметов хозяйственной утвари, изделий из дерева, бумаги, кости, лозы, соломы и т. д., изготовление многих других вещей.

Можно найти применение своих сил в сфере бытового обслуживания населения: например, в строительстве, ремонте или оборудовании жилищ, садовых домиков, гаражей и других построек, в техническом обслуживании личных автомобилей, ремонте бытовых машин и приборов, одежды, фотографировании и т. д. В социально-

культурной сфере можно обучать кройке, шитью, вязанию, игре на музыкальных инструментах, машинописи и так далее, заниматься медицинской практикой. Понятно, что во многих случаях для занятия такой индивидуальной трудовой деятельностью требуются специальные знания и необходимая подготовка. Более того, в ряде случаев существуют определенные ограничения, например, в области медицинской деятельности. Скажем, при практике на дому врачам всех специальностей запрещено проводить инвазивные диагностические методы исследований, производить хирургические операции, наблюдать и лечить беременных, больных наркоманией. Врачи-«индивидуалы» не вправе выдавать больничные листки и справки пациентам об их заболеваниях.

Таким образом, индивидуальная трудовая деятельность предоставляет возможность каждому широко применять силы и возможности на пользу общества, увеличивая количество товаров для населения и самых различных услуг. Вместе с тем это и хорошее дополнение к семейному бюджету.

...Вита одолжила вязальную машину у своей подруги и, оформив как положено все документы, получила патент на право заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Вместе с Семеном в свободное от основной работы время она вязала кофточки и детские костюмчики, которые затем сдавала в комиссионный магазин. Ее красивые, нарядные, с большим вкусом изготовленные изделия не залеживались на прилавке. И уже вскоре материальное положение семьи Гражданкиных стало значительно лучше.

А почему бы и вам, дорогой читатель, не подумать, куда можно приложить свои силы и умение в этой общественной деятельности? И всего-то, что требуется,— это желание. Ведь, как говорится, «не боги горшки обжигают». И лишние деньги никогда не лишние.

Л. БОРОДИН

От А до Я

РАСПОРЯДИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СУДА

Геннадий Владимирович со злостью захлопнул входную дверь. Это очень удивило Аллу Николаевну: буквально пять минут назад ее супруг, собираясь спуститься к почтовому ящику за утренними газетами, был в прекрасном расположении духа. Что случилось? Почему у него испортилось настроение? А Геннадий Владимирович тем временем уже стоял на пороге кухни и, как говорится, «метал громы и молнии»:

— Алла, ты только посмотри, что делается. Из суда, в который было направлено уголовное дело того самого хулигана, пришло извещение. В нем написано: «Рассмотрев дело в распорядительном

заседании, суд прекратил его производством!» Ты представляешь, этот самый Самохвалов меня избил, я пролежал полмесяца в больнице, а они, даже не вызвав меня, в каком-то там распорядительном заседании прекращают дело! Ну что же это такое!

— Успокойся, не нервничай. Нужно сходить к адвокату.

Так супруги Николаевы и поступили. И вот что они узнали.

В принципе все, что произошло, вполне допустимо и соответствует конституционному праву гражданина на судебную защиту. Советский уголовный процесс построен следующим образом: в случае обнаружения признаков преступления органы предварительного расследования (например, милиция, прокуратура) возбуждают уголовное дело, производят предварительное расследование преступления и затем по завершении следствия дело с обвинительным заключением направляют через прокурора в суд. В суде дело изучается председателем суда или по его поручению одним из судей. При наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании, не предвешая вопроса о виновности, судья единолично выносит постановление о предании обвиняемого суду.

По делам о преступлениях несовершеннолетних и о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь, а также в случаях, если судья не согласен с выводами обвинительного заключения или считает, что необходимо изменить меру пресечения, избранную в отношении обвиняемого, вопрос о предании суду должен быть вынесен на рассмотрение **распорядительного заседания**. Следовательно, **распорядительное заседание суда** — это одна из форм предания обвиняемого суду, стадия уголовного процесса, в которой решается вопрос о возможности рассмотрения дела в судебном заседании.

В распорядительном заседании участвуют судья, два народных заседателя, секретарь и прокурор. На это заседание могут быть вызваны лица, заявившие ходатайства, в том числе потерпевший. Вызов свидетелей и экспертов не допускается.

Распорядительное заседание является по общему правилу открытым. Начинается оно докладом судьи. Затем заслушивается мнение прокурора. Заслушиваются также вызванные в суд лица, заявившие ходатайства. По заявленным ходатайствам суд заслушивает мнение прокурора. Наконец для вынесения определения суд удаляется в совещательную комнату.

В распорядительном заседании разрешается ряд вопросов. Их можно условно разбить на три группы.

В первую входят вопросы, связанные с проверкой выводов органов дознания или предварительного следствия, например, подсудно ли дело данному суду; содержит ли деяние, вменяемое в вину обвиняемому, состав преступления; соблюдены ли при возбуждении уголовного дела, производстве дознания или предварительного следствия требования закона.

Вторую группу составляют вопросы об имеющихся ходатайствах и заявлениях лиц и организаций о допуске к участию в деле, об истребовании дополнительных доказательств и другие.

Вопросы третьей группы связаны с подготовкой к рассмотрению дела в судебном заседании: об участии в судебном разбирательстве государственного обвинителя; о лицах, подлежащих вызову в судебное заседание в качестве потерпевшего, гражданского

истца, гражданского ответчика, их представителей, свидетелей, экспертов и специалистов; о месте и времени судебного разбирательства и др.

В распорядительном заседании суд выносит одно из следующих определений: о предании обвиняемого суду; о возвращении дела на дополнительное расследование; о приостановлении дела производством; о направлении дела по подсудности, о прекращении дела.

Так, определение о возвращении дела на дополнительное расследование суд выносит, например, в случае неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена при судебном разбирательстве, либо в случае существенного нарушения уголовного-процессуального закона органами дознания или предварительного следствия.

Приостановить производство по делу суд может, если обвиняемый скрылся и его место нахождения неизвестно, либо в случае удостоверенного врачом, работающим в лечебном учреждении, тяжкого заболевания обвиняемого, исключающего возможность его участия в судебном разбирательстве.

Если суд установит, что дело неподсудно данному суду, то есть он не вправе, неуполномочен его рассматривать по существу, он выносит определение о направлении дела по подсудности.

Определение о прекращении производства по делу суд выносит при наличии обстоятельств, указанных в законе. Например, если будет признано, что ко времени рассмотрения дела в суде вследствие изменения обстановки совершенное лицом деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным. Суд прекращает производство по делу в связи с применением мер административного взыскания, передачей его в товарищеский суд, а также во всех других случаях, предусмотренных статьями 5—9 и пунктом 2 статьи 208 УПК РСФСР (соответствующими статьями УПК других союзных республик).

Суд может прекратить дело полностью или частично либо в отношении некоторых обвиняемых. Он также вправе исключить отдельные эпизоды обвинения. Копия определения о прекращении дела вручается лицу, привлекавшемуся к уголовной ответственности, и потерпевшему.

Установив, что дело подсудно данному суду и отсутствуют обстоятельства, влекущие его прекращение, приостановление или направление на дополнительное расследование, суд выносит определение о предании обвиняемого суду.

После этого обвинителю, подсудимому, защитнику, потерпевшему и его представителю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям обеспечивается возможность ознакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения. Подсудимому вручается копия обвинительного заключения, причем не позднее чем за трое суток до начала судебного разбирательства.

И последнее замечание. В соответствии с законом предание обвиняемого суду должно состояться в течение 14 суток с момента поступления дела в суд.

Н. ПАВЛОВ,
кандидат юридических наук

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

У каждого свое увлечение есть, как говорят, «хобби». Для меня, к примеру, изучать законы — одно удовольствие. Все время нахожу там то одно, то другое важное для меня и для людей. Порой встречаются такие нормативные акты, которые, казалось бы, давным-давно забыты и на деле не применяются. Хотя польза от них была бы громадная и для людей, и для государства.

Возьмем хотя бы Гражданский кодекс РСФСР. Записано там, что защита гражданских прав осуществляется в установленном порядке судом, арбитражем или третейским судом. Ну, что такое суд и арбитраж — это понятно. А спроси, что такое третейский суд — многие лишь руками в ответ разведут. Не знают. И плохо, что не знают! Ведь, с моей точки зрения, например, это самый что ни на есть демократический суд. Да, да! Потому что все мы можем его создать в любом месте, в любой момент и почти по любому спору. Не надо платить судебных расходов — государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела. Решение же третейского суда имеет силу решения народного суда. Спросите меня: почему же такое хорошее дело забыто и никогда не применяется, хотя Положение о третейском суде никем не отменено и действует? Я лично думаю, что причина кроется в административно-командных методах, которые десятилетиями насаждались у нас в стране, в том числе и в судебной системе. Вот и не афишировали никогда этот истинно демократический суд, на который ни местные власти, ни пресловутое «телефонное право» не действуют.

Почему я вспомнил о нем? Да потому, что недавно вот что произошло.

Приезжаю я в родное село Ильинское. На праздники. А ко мне тут же приходит знакомый Григорий Тимохин. То да се — и рассказывает, что поссорился с соседом. Жили дружно много лет, сообща сарай на два двора построили, баньку, погреб вырыли. А потом их жены разругались и мужья вслед за ними. Теперь никак не поделят все, что вместе сделали. Так целыми днями и ругаются. В районный суд ехать — далеко: километров пятьдесят, да и свидетелей надо везти, время тратить.

— Да вы, — говорю Григорию, — организуйте свой суд, третейский, прямо тут, на месте.

— Как это? — удивляется он. — И что это за суд такой?

Ну, позвал я его соседа, усадил их обоих перед собой и рассказываю, что по закону граждане могут передать любой спор между ними на рассмотрение третейского суда. Любой, кроме такого, который возникает из трудовых или семейных отношений. Например, не может третейский суд рассматривать законность увольнения с работы или устанавливать алименты. А другие споры можно. Скажем, о возмещении ущерба или о возврате денег.

— А где ж его найти, этот третейский суд? — спрашивает Григорий.

— Да хоть здесь же, в селе, — отвечаю, — где удобно. Вот как возник какой спор, тут же можно и собирать такой суд, каждый раз и по каждому делу особо, по соглашению всех участников спора. Захотят они вместе — выберут одного судью. Не захотят —

выберут с каждой стороны, то есть от истца и ответчика по одному, а то и по два судьи — сколько решат сами стороны. Закон не ограничивает, сколько судей назначать. Только с каждой стороны должно быть равное число. А уже между собой судьи договариваются и избирают сообща еще одного — председателя следующего.

— И что, кого хочешь, можно избирать в судьи? — спрашивает сосед Григория. — Даже своих родственников?

— Можно даже родственников, — говорю я. — Членами третейского суда не могут быть только те, кто не достиг совершеннолетия, либо состоит под опекой или попечительством, либо привлечен к уголовной ответственности. А еще нельзя быть третейскими судьями тем, кто по приговору суда лишен права занимать должности в органах суда и прокуратуры или заниматься адвокатской деятельностью — в течение срока, указанного в приговоре. Так что, к примеру, если родственник ограничен в дееспособности за пьянство и над ним установлено судом попечительство, судить в третейском суде он не имеет права.

— Таких у нас нет, — нахмурился сосед Григория. — Ну, и что дальше? Как судить-то будет этот суд?

— А вот так. Вначале составляется договор в письменной форме — третейская запись. Там должно быть пять пунктов. В первом записывается наименование сторон — фамилии, имена, отчества, место жительства. Во втором пункте — о чем идет спор, предмет спора. В третьем — избранные судьи. В четвертом — указывается срок, за который должен быть разрешен спор, например, один день. Ну и, наконец, в пятом — место и время составления договора.

— Но ведь надо знать этот самый... процесс! — удивился Григорий. — Когда и кому говорить, когда доказательства там всякие исследовать... А это только юристы знают. Где же их взять у нас в селе?

— В том-то и особенность, что третейский суд не связан правилами гражданского судопроизводства, — успокоил его я. — Но объяснения сторон он выслушать должен, кроме тех случаев, когда сторона уклоняется от явки в суд для дачи объяснений.

Я рассказал еще несколько важных правил третейского суда. Так, до окончания рассмотрения дела перемена судей не допускается. Однако любая сторона вправе отказаться от соглашения, если докажет, что кто-либо из судей заинтересован в исходе дела и об этом обстоятельстве ей не было известно при заключении договора. Хотя закон и не указывает, о каком судье идет речь, но я лично понимаю, что либо о том, которого избрала отказывающаяся сторона, либо которого избрали между собой судьи. Если же судья был всего один, то тут и без объяснения все ясно.

Но может случиться, что один из судей тяжело заболел или уедет, а то и того хуже — умрет. В таком случае по соглашению сторон можно предоставить разрешение спора оставшемуся составу судей или же избрать нового судью по назначению той стороны, которая избрала выбывшего судью. Но об этом обязательно надо сделать надпись на самом договоре, которую должны подписать остальные судьи и стороны.

И еще одно существенное правило: если уж граждане заключили договор о передаче спора на рассмотрение третейского суда, то

они не вправе отказаться от него до истечения срока, предусмотренного третейской записью. Кроме, конечно, случаев отказа от соглашения, когда обнаруживается заинтересованность судьи в споре, о чем я только что рассказал.

Законом предусмотрено, когда третейский суд признается несостоявшимся: 1) вследствие истечения предусмотренного третейской записью срока; 2) вследствие отказа кого-либо из судей или устранения такового; 3) если при производстве дела откроется обстоятельство, дающее основание к возбуждению уголовного преследования в отношении какой-либо стороны, которое может оказать влияние на исход дела; 4) в случае смерти одной из сторон.

Решение суда выносится по большинству голосов. Оно излагается в письменном виде. В нем должны быть обязательно указаны: 1) время и место постановления решения и состав третейского суда; 2) третейская запись, на основании которой суд действовал; 3) наименование всех участников спора; 4) предмет спора; 5) мотивы, по которым третейский суд пришел к своим выводам; 6) постановление третейского суда. Подписывается это решение всеми судьями. Если кто-либо из судей отказался подписывать или выразил свое особое мнение, это отмечается в решении. А уже после этого решение объявляется сторонам в заседании суда и стороны расписываются на самом решении. Отказалась сторона от подписи или же не явилась без уважительных причин на заседание суда, все равно решение считается ей объявленным, и об этом на решении делается отметка председателя. Ну и, наконец, все производство третейского суда после окончания рассмотрения дела передается для хранения в районный (городской) народный суд того района, где происходил третейский суд.

— А если я не захочу выполнять это решение? — спросил Григорий.

— Не захочешь исполнять добровольно — тогда решение будет приведено в исполнение принудительно на основании исполнительного листа, который выдаст народный суд. Правда, при выдаче исполнительного листа судья должен проверить, не противоречит ли решение третейского суда закону и не было ли при его вынесении допущено нарушение правил, предусмотренных Положением о третейском суде. Если судья откажет в выдаче исполнительного листа, на этот отказ может быть подана частная жалоба или же протест в десятидневный срок со дня отказа. После вступления в законную силу определения народного судьи об отказе в выдаче исполнительного листа спор может быть разрешен в суде по заявлению заинтересованной в том стороны.

— Да... — задумчиво сказал сосед Григория. — Никогда об этом суде не слыхал. Но ведь это же здорово! Сами, оказывается можем здесь и своими силами разрешить наш спор. Вот и сделаем так, если Григорий согласится. Только вот где можно познакомиться с Положением о третейском суде?

— Напечатано оно в приложении № 3 к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР.

Николай БЫВАЛЫЙ

Есть проблемы, которые волнуют всех. К ним, безусловно, относится и тревожная экологическая обстановка. О роли прокуратуры в деле охраны окружающей среды нашему корреспонденту рассказывает прокурор Октябрьского района Ростовской области И. П. Самойленко.

Трагедия талантов, лишенных возможности творить, на сильно разлученных с Родиной в период застоя... Одним из них был Александр Галич, реабилитированный посмертно.

Наша почта.

ПРИЗНАНИЯ ПРОКУРОРА РАЙОНА НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ

За глаза его называют «экологическим прокурором». Одни — с уважением и благодарностью, другие — с плохо скрываемым чувством раздражения и злости. Действительно, прокурор Октябрьского района Ростовской области советник юстиции И. П. Самойленко не признает компромиссов, когда дело касается охраны окружающей среды. «Да он просто помешался на своей природе,— сказал мне в доверительной беседе один местный хозяйственник.— Чуть что — предписания, акты, штрафы. Словом, никому не дает нормально работать. Помяните мое слово: когда-нибудь это ему боком выйдет».

Встретившись с И. П. Самойленко, я рассказал ему об этом мнении.

— Знакомые слова,— усмехнулся Иван Павлович.— Мне их не раз и в глаза говорили. Только ведь я как раз за нормальную работу. Нормальную! И требую этого же от хозяйственников, ведь того же требуют законодательные акты по охране природы и окружающей среды. Нет, вы только подумайте, до чего далеко зашла болезнь, как сместились у людей понятия!

Калечить землю, родную природу — и все это прикрывать заботой о плане, о государственном благе. Ну не кощунство ли это?

— К встрече с вами, Иван Павлович, я, естественно, готовился, изучил немало документов, и, признаюсь, меня тоже удивила ваша, я бы сказал, яростная целенаправленность в деле защиты природы. Другие работники прокуратуры также уделяют внимание этим вопросам, но вы это делаете с особым рвением. Хотелось бы знать: что лежит в истоке такого отношения к природе?

— Давайте говорить откровенно, называть вещи своими именами, как и пристало в эпоху гласности. Никакого особого отношения к этому вопросу у меня нет. Просто-напросто я выполняю свой долг гражданина и работника прокуратуры. Я не любитель высокого стиля, но по-иному сказать не могу. Я вообще считаю наше отношение к природе преступным. Оно порождено административно-командной системой, я в этом убежден. Да хоть возьмите эти строки из песни сталинских времен: «Течет вода Кубань-реки куда велят большевики». Как порешим — так и будет. Главное — план, план, план, а природа — она все стерпит. Не стерпела. Иногда хочется кричать: люди, опомнитесь, остановитесь, посмотрите, что мы творим! На нашей совести Аральское море, Байкал, сотни, а может быть, тысячи рек и озер, из которых ушла жизнь. Мы начисто сводим леса, губим землю, отравляем дымом и газом людей в промышленных центрах. Я внимательно слежу за публикациями о зарубежном опыте охраны природы. Там фирма, позволившая себе такое отношение к природе, мгновенно вылетела бы в трубу, на одних штрафах бы разорилась. Так «у них», на Западе, охраняет природу закон. А у нас? Законов и постановлений — масса. Один лучше другого. Но кто их соблюдает? Да практически никто. Скажите, вы лично много читали о том, как выполняются постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» от 7 января 1988 г. № 32, «О первоочередных мерах по улучшению использования водных ресурсов в стране» от 19 января 1988 г. № 64? Я, например, встречал такие публикации нечасто. Да и то некоторые из них ничего, кроме чувства раздражения, не вызывают. Например, читаю один из отчетов об очередном заседании Комиссии Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. «Комиссия рассмотрела вопрос о ходе реализации...», «комиссия отметила, что решения партии и правительства в части радикального улучшения ресурсопользования в стране еще не нашли надлежащего отражения...», «потери минерального сырья, вызванные его нерациональным, некомплексным использованием в процессе добычи и переработки, по-прежнему остаются недопустимо высокими...», «комиссия отметила, что, несмотря на отдельные положительные достижения...» И так далее, и тому подобное. Ни одной конкретной фамилии, ни одного живого слова. Да разве так можно писать, когда речь идет о природе. Куда злее, острее ставят эти вопросы общественность, писательская братия, ваши коллеги-журналисты. Вот поворот сибирских рек — вредоносную глупость! — сумели предотвратить. Молодцы! Но Залыгина с его сторонниками не приведешь в каждый район, не заставишь их бить тревогу по поводу каждой речушки, каждого родника. На местах закон, и только он, — должен оберегать природу. У Пришвина есть такая мысль, за точность не ругаюсь, но звучит примерно так: защищающий природу — защищает Родину. А я Родину люблю и хочу, чтобы моим потомкам кое-что осталось от родной природы. Вот вам и истоки,

как вы изволили выразиться, моего «неистового отношения» к защите природы.

— Скажите, Иван Павлович, а кто ваш союзник в этой борьбе? Вот, например, есть общество охраны природы.

— Скажу, к сожалению, нелицеприятно, но как есть: на местах это, как правило, пустая, формальная организация. Она в основном занимается распространением марок и сбором членских взносов. Во всяком случае, у нас. Власть у нее никакой, а в этом вопросе нужны власть и сила. А если говорить о союзниках, то это люди, обыкновенные, простые люди, живущие на земле, кормящиеся от нее, любящие ее. Но беда в том, что в силу известных причин люди у нас инертны, не привыкли бороться за свои права. Вот когда они скажут решительное «нет» губителям природы, когда в своей борьбе за сохранение окружающей среды мы будем умело пользоваться соответствующими нормами закона, тогда дело пойдет на лад. Кстати, такая картина уже наблюдается во многих регионах страны, но у нас, к сожалению, пока положение иное.

— А что вы делаете, чтобы его изменить?

— Все, что в моих силах: встречаюсь с людьми, разъясняю им суть природоохранительного законодательства, их права и возможности. Вот даже фильм выпустили.

— Фильм? Это интересно. Расскажите, пожалуйста, о нем подробнее. Что послужило отправной точкой для его создания?

— Фильм называется «Закон — акты и факты». Он создан по заказу нашей прокуратуры студентами г. Шахты. Я хотел средствами кино, как говорил поэт, «весомо, грубо, зримо» показать возможно большему числу людей, к чему приводит издевательство над природой. Ведь деловая, сухая переписка, разные бумаги, постановления, акты — все это неведомо людям, а будь и ведомо — не каждого заинтересует. Фильм — другое дело. А история его создания такова.

Есть у нас два, можно сказать, известных на всю страну предприятия: шахта «Майская» и колхоз «Россия». Оба назывались лучшими по стране в своих отраслях. Шахта «Майская» арендует у колхоза землю и обращается с этой землей по-варварски. Чего здесь только не увидишь! Кучи пород на рекультивированных участках земли, вываленная и отработанная крепь на полях, наезженные дороги на посевах многолетних трав, трехметровой высоты породные отвалы... Словом, целый букет. В прошлом году я направил генеральному директору производственного объединения «Ростовуголь» А. Д. Милькову предписание с требованием прекратить отсыпку породы на землях колхоза «Россия» и в счет частичного возмещения материального ущерба на основании пункта 2 статьи 120 КЗоТ РСФСР предложил добровольно возместить ущерб в размере среднемесячного заработка.

— Мне рассказывали об этом предписании. Оно наделало много шума. «Ростовуголь» — гигант, его директор — заметная личность в области. И вдруг... Такого раньше не было. Кто-то удивлялся вашей смелости, а кое-кто посчитал, что таким способом вы создаете себе имя, ищете популярность.

— Я искал справедливого решения вопроса и ничего более, уверяю вас. Что касается смелости, то для стража закона она такое же необходимое профессиональное качество, как умение плавать для спасателя. Еще пример? Пожалуйтесь. Стремясь объективно разобраться в причинах бесхозяйственного, я бы сказал,

варварского, отношения к земле со стороны должностных лиц объединения «Ростовуголь», мы неоднократно приглашали его руководство в прокуратуру. Безрезультатно. Тогда я решился на крайний шаг. Написал постановление, и милиция доставила к нам одного из руководителей, отвечающего за сохранение окружающей среды, что называется, приводом, то есть принудительно.

До этих приглашений я сам неоднократно бывал в объединении. Но под разными предложениями его руководители уходили от серьезного разговора: у нас план государственный на уголь, а вы с какими-то клочками земли время отнимаете. Примерно такими словами заканчивались «мирные попытки переговоров».

Но вернемся к делу, о котором вы спрашиваете. Предписание я адресовал генеральному директору потому, что хотя земля и отдана шахте, но юридическую ответственность за ее использование несет не шахта, а объединение. Так что все было сделано правильно, но этот акт, впрочем, как и другие предпринятые мною шаги, принес мало пользы. И тогда пришла мысль о фильме. Спасибо студентам, они сработали быстро. Фильм мы показали на собрании партийно-хозяйственного актива г. Шахты, на сессии районного Совета народных депутатов, на совещании-семинаре работников в прокуратуре области, руководителям производственного объединения «Ростовуголь», слушателям Университета правовых знаний района, демонстрировали в Октябрьском районном Дворце культуры, где его посмотрело много людей. А в прошлом году фильм срочно затребовали в Москву, говорят, показывали в Прокуратуре СССР. Недавно колхозу «Россия» вернули около десяти гектаров рекультивированных земель, и надеюсь, что это только начало процесса лечения земли. Фильм прежде всего ценен тем, что он наглядно убедил людей, какая реальная сила — гласность.

— Фильм, это вы, конечно, здорово придумали. Но по каждому конкретному случаю его не снимешь — пленки, наверное, не хватит. Как вы считаете, что надо делать для того, чтобы заставить хозяйственных руководителей с уважением относиться к природе?

— Совершенно убежден: для этого надо решительно отказаться от порочной практики перекладывания государственных денег из одного государственного кармана в другой. За нарушения мы штрафом предприятия, а надо бить рублем конкретных виновников. Причем система штрафов должна действовать четко и по возрастающей шкале. Примерно так, как это делают американские полицейские с нарушителями правил уличного движения. У них как? Нарушил правило, скажем, парковки автомобиля — тут же к ветровому стеклу прикрепляется штрафная квитанция. Не оплатил ее в срок — нарушителя вызывают в суд, и сумма штрафа увеличивается. Стал оспаривать решение полицейского — судья снова увеличил сумму штрафа... Поэтому нарушители предпочитают не спорить с законом. Вот бы и нам завести такой порядок для губителей природы. А то что получается: вред наносит природе, то есть государству, а расплачивается за это, по сути дела, то же государство. Абсурд! За каждым нарушением стоит конкретное лицо или группа лиц, именно они и должны платить из своего кармана. И еще обязательно руководитель, первое лицо. Он в любом случае ответствен за проступки своих подчиненных: значит, не досмотрел, не воспитал у них должного уважения к родной природе, не так расставил людей.

Я всегда в своей работе придерживаюсь принципа конкретности. В минувшем году за допущенные нарушения законодательства об охране природы мною были вынесены предостережения директору Новочеркасского завода стройматериалов А. В. Бобикову, старшему инженеру совхоза «Кадамовский» С. А. Крюкову, директору совхоза «Горняк» С. А. Сулименко, заведующему фермой Бессергеновского рыбхоза Н. Н. Чеботареву и другим руководителям. Причем предостережения, как правило, вручаем на сессиях сельских Советов или районного Совета народных депутатов. Вы знаете, действует.

Вообще считаю, что работники прокуратуры должны шире пользоваться такой формой работы, как предостережение о недопустимости нарушения закона. Наш опыт убеждает, что это дает хорошие результаты.

— Ну, а если предостережения не действуют! Ведь отмахивалось от них объединение «Ростовуголь».

— Да, как я уже говорил, «Ростовуголь», мягко говоря, не должным образом реагировал на них. Мы пошли дальше. Начали предъявлять иски в суд.

Недавно прошло все надзорные инстанции решение народного суда нашего района о взыскании с объединения в пользу упомянутого ранее колхоза «Россия» более 200 (1) тысяч рублей. Решение признано законным. Иск предъявляла прокуратура...

Справедливости ради нужно сказать, что и сельскохозяйственные предприятия, и колхозы сами не так уж редко варварски относятся к своей земле, к окружающей среде. Например, госплемзавод «Горняк» никак не наладит должным образом очистку сточных вод и нечистот со своей фермы. Нечистоты сбрасываются в примитивный накопитель, откуда через поселок текут в балку. В итоге загрязняется речка Грушевка. А из нее воду пьют (не по своей, конечно, воле).

Об одном факте хочу сказать особо. На сельхозгодья района наступают три ведомственных карьера. Регулярно сотрясая всю округу мощными взрывами, они неотвратимо подбираются к жилью, засоряют пахотные земли, проложили свои дороги местами через пашню.

Люди жалуются. В домах стекла вылетают от взрывов. Стены вываливаются, клуб пришлось в поселке закрыть, из-за загрязнения реки взрывами были отравлены коровы. Комиссии приезжают — взрывы тише. Комиссии за ворота — стекла из окон. Жителям советуют переселиться. Но ведь здесь их предки жили...

Мы проводим проверки по этим фактам. Но здесь специалисты-эксперты нужны. А они ехать не спешат. 30 июня прошлого года на наш запрос «Союзвзрывпром» обещал в августе — сентябре прислать специалистов. Но обещание не было выполнено. Правда, недавно пришла отписка из треста, что хутор Веселый разрушается в результате выработки горных пород, а не ежедневных взрывов. Остается удивляться, как могли заочно прийти к такому заключению.

Если специалисты и приезжали, то ни с жителями хутора, ни с руководством колхоза и депутатами сельского Совета, ни со мной они не встречались. Никто в районе не знал, что «Союзвзрывпром» проводилась какая-либо проверка.

Поэтому я считаю, что такое заключение не соответствует действительности.

— Иван Павлович, мне рассказывали, что в области неблагоприятно обстоят дела с применением химических веществ в сельском хозяйстве.

— Обстановка действительно неблагоприятная. Мы в прокуратуре уделяем самое серьезное внимание вопросам химизации сельского хозяйства. В июне прошлого года совместно с СЭС провели комплексную проверку соблюдения хозяйствами района и гражданами установленных правил по применению химических веществ и регламентов по применению пестицидов. В ряде хозяйств установлены превышения предельно допустимой концентрации нитратов в овощах. Такие же нарушения выявлены у граждан станции Кривянской, выращивающих овощи для продажи на рынках. И удивляться тут нечему. В районе нет лаборатории по определению остаточного количества химикатов в сельскохозяйственной продукции. В результате она реализуется без контрольного обследования, что совершенно недопустимо. Прокуратура обязала РАПО и РайПО создать такую лабораторию, поставила вопрос о привлечении к ответственности руководителей хозяйств, допускающих нарушения законов об охране природы в районе. Принято решение о реализации сельхозпродукции только при наличии сертификатов, выданных станцией защиты растений.

Надеюсь, что с этим вопросом у нас все будет в порядке. Но хочется взглянуть на проблему шире. До каких пор мы будем так преступно беспечно к собственному здоровью, к здоровью своих детей? У нас же сейчас гласность, демократия. Вот я до боли душевной хотел бы знать: кто тот человек, в чьей воле запретить это безобразие с пестицидами и нитратами? Хотелось бы посмотреть на него, хотя бы по телевизору, и пусть диктор у него спросит, почему он этого не делает. И питается ли он сам и его дети зараженными овощами? Почему закон в этом случае молчит? Ведь речь идет о глобальном вопросе — здоровье народа.

— Иван Павлович, вы по всем проблемам склонны так остро ставить вопрос?

— Да, я считаю, что пришло время острой и принципиальной постановки вопросов. Так ставит вопросы партия, так они звучали на XIX партконференции. Время застенчивости и единодушного одобрения уходит. К сожалению, не так быстро, как того хотелось бы. Старое все еще очень живуче, мешает идти вперед.

— Судя по последним словам, у вас существуют определенные проблемы во взаимоотношениях с властью и имущими руководителями.

— Проблемы всегда существуют, но я не люблю о них распространяться. Их надо решать. Решать честно и принципиально.

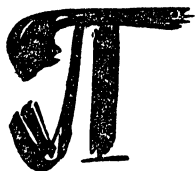
И еще, хочу предостеречь вас от неверного представления, что прокуратура района превратилась в «природоохранную», а прокурор — в «экологического». Нет. Это лишь составная и далеко не основная часть деятельности нашего маленького коллектива.

— И последний вопрос: что вам дала перестройка?

— Уверенность в своих силах, чувство собственного достоинства, веру в завтрашний день.

ЗАКОН СУДЬБЫ

О ТРАГЕДИИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА ¹

Проблема выезда из СССР... О ней много говорят и пишут, ссылаются на «Положения» 1925, 1959 и 1970 годов ², на дополнения к последнему. Но основной сыр-бор вокруг Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного Советским Союзом в 1973 году, статья 12 которого гласит: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную...» Что ж, многие наши граждане уехали или собираются уезжать из Союза по самым разным причинам, и есть надежда, что в скором времени решение вопросов выезда продвинется намного вперед. Однако есть в этой проблеме камень преткновения с очень привычным названием — Родина, ибо одно дело «любая страна» или «своя собственная», а другое... Словом, вещи это чрезвычайно разные и отождествлять их весьма рискованно, если не опасно. Существует печальный опыт и в ряду его примеров — судьба поэта Александра Галича, о которой и пойдет речь.

«Блаженни изгнанны правды ради»

Такая надпись выгравирована золотыми буквами на черной мраморной плите, установленной на могиле Галича на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

Так уж повелось, что о мертвых говорят либо хорошо, либо ничего. Но есть у нас и другая «традиция»: тех, кого одни раньше мазали лишь одной черной краской, другие потом начинают перекрашивать в исключительно белый цвет, и наоборот. А тем временем сама жизнь каждодневно заставляет нас убеждаться в несправильности, даже пагубности деления мира людей с его многообразием цветов и оттенков только на белое и черное.

После посмертной реабилитации Галича в прессе запестрили материалы о нем.

«А ведь действительно, — писал в статье «Великодушие», опубликованной 19 июня прошлого года в «Московских новостях» Э. Рязанов, — Александр Галич в своих песнях, которые в шестидесятых годах знала вся страна, которые кочевали с магнитофона на магнитофон, пел правду — трудную, жесткую, нежеланную, обидную.

¹ В статье использованы материалы, опубликованные в советской и зарубежной печати.

² Имеется в виду Положение о въезде в СССР и выезде из СССР.

...Галич одним из первых почувствовал дыхание застоя и предупредил об этом:

«И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не против, конечно, а — ЗА!
Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду.
А молчалники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото».

Позже, 17 сентября 1988 года на страницах газеты «Вечерняя Москва» выступил А. Шаталов: «Возвращение Галича началось совсем недавно. До этого имя его вымарывалось из статей, из титров созданных им кинофильмов... Еще в прошлом году один из руководителей Союза писателей СССР заявил его дочери, что Галича будут печатать лишь после двухтысячного года».

Так кто же такой Галич? Святой? А может, и грешник тоже? Где истина?

Видно, ее можно установить, сказав о поэте всю правду, ибо замалчивание многих фактов его биографии было бы поступком бесчестным по отношению к самому Галичу, так за правду радевавшему!

Александр Аркадьевич Галич родился 19 октября 1918 года в семье интеллигентов. Творческие наклонности у Галича обнаружились очень рано: в юношеском возрасте он уже неплохо сочинял стихи, пел и танцевал.

В 19 лет Галич окончил театральную студию Станиславского, затем была работа в молодежной труппе арбузовской студии, новые роли. В годы Великой Отечественной войны Галич, будучи актером фронтового театра при Управлении Северного морского флота, объездил весь Север страны.

В 40-е годы стали раскрываться способности Галича как драматурга и режиссера. Ему сопутствовала удача. «Город на заре», «Зимняя сказка», «Будни и праздники», «На семи ветрах», «Вас вызывает Таймыр», «Положение обязывает» — было поставлено 10 пьес, написанных Галичем самостоятельно и в соавторстве с другими. Многие из них имели поистине колоссальный успех и официальное признание. Так, написанная Галичем в соавторстве с К. Исаевым пьеса «Вас вызывает Таймыр» (1948 г.) выдержала более 1000 спектаклей. Не менее успешной была и деятельность Галича-кинатографа. Кинофильм «Верные друзья», сценарий которого был написан Галичем также в соавторстве с К. Исаевым, демонстрировался на экранах советских кинотеатров вплоть до 1976 года. За сценарий фильма «Государственный преступник» (сценарий был опубликован в журнале «Смена» №№ 135—138 за 1964 год) Галич был награжден Грамотой КГБ при Совете Министров СССР. Все это было — и большие гонорары, и поощрения, и творческие командировки по стране и за рубеж, и прием в два творческих союза сразу — в Союз писателей и Союз кинатографистов СССР — случай сам по себе чрезвычайно редкий.

В начале 60-х годов Галич приобретает широкую известность как поэт-песенник, или, как теперь принято говорить, бард. Справедливыми ради отмечу, что немногим бардам удавалось добиться такого успеха у слушателей, какой выпал на долю Галича. В чем секрет популярности Галича-барда? В том, что он пел о народе и для на-

рода. Пел о жизни простых людей; пел о вернувшихся из сталинских лагерей, хотя сам ни разу не сидел ни в лагерях, ни в тюрьме. И главное — пел искренне.

Но после 1964 года ситуация резко изменилась — началось свертывание демократических процессов, вызванных к жизни XX съездом КПСС. И тогда заговорили — и начали действовать — те, кому пришлось не по нутру критическое содержание песен Галича. Им стали подпевать те, для кого нормой жизни давно уже стала двойная мораль: тайком слушая песни Галича, они в то же время всячески пытались помешать ему эти песни исполнять.

По мере ухудшения ситуации содержание его песен становилось все более острым, резким и даже злым. В результате возник и стал как снежный ком нарастать конфликт Галича с руководством творческих союзов, завершившийся 29 декабря 1971 года, когда Галича исключили из Союза писателей, Союза кинематографистов и Литфонда СССР. «У меня отняли мои литературные права, — писал Галич в Открытом письме московским писателям-кинематографистам, — но оставили обязанности — сочинять свои песни».

А песни Галича жили самостоятельной жизнью, перед которой любой запрет был бессилён. Не признанные официально, они остались на магнитофонных катушках и кассетах, на отпечатанных под копирку копиях текстов. Галич не мог этого не понимать. Он ведь и сам писал в «Мы не хуже Горация»:

«Их имен с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный,
«Эрика» берет четыре копии,
Вот и все, а этого достаточно.

.....
Ни партнера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно,
Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и все, и этого достаточно!»

Достаточно, чтобы песни Галича остались с людьми. Песни остались. А Галич... уехал.

Уехал, хотя и писал ранее в «Песне исхода» (1971 г.), посвященной отъезжавшим за рубеж друзьям:

«Я стою... Велика ли странность?!
Я привычно машу рукой!
Уезжайте! А я останусь.
Я на этой земле останусь.
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой!»

Или в «Я выбираю Свободу»:

«Брест и Унгены заперты,
Дозоры и там, и тут,
И все меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут».

«Галича просто-напросто выжили за границу», — утверждает Э. Рязанов. Однако в датированном 3 февраля 1974 года письме, опубликованном в НТСовском журнале «Посев» (№ 3 за 1974 год), Галич писал, что в праве выезда из СССР ему «отказано уже дважды. Как наказание за то, что я пытался по ряду вопросов высказывать свою точку зрения, отличную от официальной». С Галичем поступи-

ли несправедливо — это правда. Но и за границу его никто не гнал. Совсем наоборот — сначала даже не пускали.

Отсюда, видимо, и кризис доверия к своему государству.

Но понимал ли Галич то, что за рубежом как поэт, как певец он будет обречен на долю еще более горькую? Уезжая из СССР, он лишился источника, питавшего его творчество, он лишился аудитории, для которой он пел и которая отвечала ему пониманием. Уезжая из СССР, Галич, образно говоря, «наступал на горло собственной песне».

Не секрет, что в творчестве бардов главное — стихи, их содержание, их направленность. Песни Александра Галича были адресованы советским людям, в них пелось о жизни советских людей, о проблемах, близких и понятных советским людям. В конце концов, они были на русском языке. У зарубежных слушателей песни Галича поэтому заведомо не могли пользоваться такой же популярностью, как на Родине. Большинство их просто не поняло бы, кроме того, за границей и своих проблем хватает. Таким образом, чтобы продолжать заниматься творческой деятельностью, Галичу надо было либо переориентироваться на зарубежную аудиторию, чего он не мог сделать по вполне объективным причинам, либо довольствоваться весьма немногочисленной аудиторией эмигрантов и других выходцев из СССР. Писать для слушателей, оставшихся на далекой Родине, он не смог бы, так как лишился самой основы для своего творчества, а понаслышке ничего хорошего не напишешь. Неудивительно поэтому, что за рубежом Галич не нашел себя ни как поэт, ни как драматург, ни как кинематографист.

Понимал ли все это Галич, принимая роковое решение об отъезде? Как бы там ни было, но в тот момент его жизни эмоции явно взяли верх над разумом. В июне 1974 года Галич выехал за рубеж для воссоединения с родственниками, проживающими в Израиле. (Еще надо бы разобраться, кто спровоцировал этот выезд, прислав вызов под видом родственников, явно подталкивая поэта на конфликт с государством и абсолютно не интересуясь последствиями для него самого.) «Уезжаете?! Воля ваша! Значит — так поспеи и бьт!»

Впрочем, в Израиль Галич не поехал (хотя и бывал там впоследствии). Некоторое время он жил в Норвегии, затем перебрался в ФРГ. Нет, Галич не строил радужных иллюзий в отношении жизни на Западе. Но действительность — для него, Галича — оказалась еще более жестокой. Творческий кризис (выходившие на Западе книги Галича были в основном перепечаткой его старых произведений) и как закономерный результат тяжелое материальное положение обрушились на Галича со всей беспощадностью.

Используя это, враждебные СССР силы, что называется, прибрали Галича к рукам. Возможно, на первых порах сыграла свою роль и обида, может быть, даже озлобленность — не знаю, не хочу утверждать. Так или иначе, Галич вступил в печально известную антисоветскую организацию «Народно-трудовой союз» (НТС); принял предложение директора действующей под непосредственным руководством и на средства ЦРУ США радиостанции «Свобода» занять место советника по культурным вопросам. И это — горькая правда, которую необходимо знать.

Реальности жизни на Западе, духовная импотенция и особенно тяжелая, гнетущая моральная обстановка в НТС, на радиостанции «Свобода» и в эмигрантских кругах произвели на Галича крайне удручающее впечатление. Очень скоро он начал понимать весь ужас

совершенного им поступка, весь ужас своего положения. Выступая на XVI конференции журнала НТС «Посев», Галич с разочарованием признавался: «В последнее время некоторые мои друзья и я начинаем ощущать здесь совершенно иную несвободу. Здешняя несвобода нам непривычна, она нас ошеломила. Несколько дней назад по телевидению показывали, как осквернили церковь в городе Фульда: ворвались в нее, загадили, сожгли орган, набросали листовок. В Евангелии сказано: имеющий уши да слышит. Но ведь нужно еще и хотеть слышать! Нам говорят, что Западу необходима информация. Но какая же информация нужна еще господам типа Гюнтера Грасса и другим?.. Наш второй фронт — прежде всего люди, не желающие слушать, готовые во имя грязной политической игры пожертвовать свободой своих стран». Последовала сильнейшая депрессия, Галич запил. Его стало раздражать общение с «бывшими», он все чаще и настойчивее высказывал желание «все бросить и хоть пешком идти на Родину».

Тоска по Родине, воспоминания о ней, все крепнущая жажда возвращения вызвали новый импульс к творчеству, и Галич начал работать над книгой с красноречивым названием «Когда я вернусь». В одном из включенных в эту книгу произведений, «Упражнения для правой и левой руки», Галич с горечью восклицает:

«В этом мире Великого Множества
Рождество зажигает звезду.
Только мне почему-то неможется,
Все мне колетя что-то и ежится,
И никак я себя не найду.

И немея от вздорного бешенства,
Я гляжу на чужое житье,
И полосками паспорта беженца
Переkreщено сердце мое!..»

Но, пожалуй, лучше всего переживания Галича, сумятица, царившая в его душе, происходившая в ней борьба чувств отражены в его произведении, названном «Опыт ностальгии»:

«Не жалею ничуть, ни о чем, ни о чем не жалею,
Ни границы над сердцем моим не вольны, ни года!
Так зачем же я вдруг при одной только мысли шалею,
Что уже никогда, никогда, Боже мой, никогда...»

В этих строках — понимание поэтом ужаса, безысходности, возможно, даже предчувствие трагической развязки... И тут же попытка успокоить самого себя, заглушить боль в сердце:

«Я в грусть по березкам не верю,
Разлуку слезами не мерь,
И надо ли эту потерю
Приписывать к счету потерь?»

Галич хорошо осознает всю тяжесть своего положения как поэта, лишенного корней, источника, питавшего его творчество:

«Как каменный лес, онемело
Стоим мы на том рубеже,
Где тело — как будто не тело,
Где слово — не только не дело,
Но даже не слово уже!»

Он стыдится (помните: «Кто-то ж должен, презрев усталость...»), понимает, какое к себе отношение этим заслужил:

«Идут мимо нас поколенья,
Проходят и машут рукой,
Презренье, презренье, презренье,
Дано нам, как новое зренье
И пропуск в грядущий покой!»

И вновь звучит тоска по покинутой Родине:

«Но тает февральская свечка,
Но спят на подушках сычи,
Но есть еще Черная речка,
Но есть еще Черная речка,
Но есть еще Черная речка...

Не надо об этом, молчи!» — умоляет свою истекающую кровью совесть Галич. Но он не в силах заглушить ее отчаянный крик...

К тоске Галича по Родине примешалось горькое чувство разочарования, а позднее, может быть, даже и ненависти к лощеной западной действительности. Так родилось одно из последних произведений Галича — «Песня о Диком Западе, или письмоцо в Москву, переправленное с оказией»:

«Вы на письма слез не капайте,
И без них — душа враздрызг!
Мы живем на Диком Западе,
Что, и впрямь, изрядно дик!

Но не дикостью ковбойскою.
Здесь иную ткут игру:
Пьют, со смыслом, водку польскую
Под московскую икру.

Здесь, на Западе
Распроданном
И распятом на пари,
По Парижам и по Лондонам,
Словно бесы,—
Дикари!

Околдованные стартами
Небывалых скоростей,
Оболваненные Сартрами
Всех размеров и мастей!

От безделья, от бессилия
Им всего любезней — шум!
И чтоб вновь была Бастилия,
И чтоб им идти на штурм!

Убеждать их глупо —
Тени же!
Разве что спросить тайком:
— А не били ль вас, почтеннейший,
По причинным — каблуком?!

Так что вы уж слез не капайте,
И без них —
Душа враздрызг!
Мы живем на Диком Западе,
Что — и впрямь — изрядно дик!

Эти строки Галич писал уже в Париже. Хозяева радиостанции «Свобода», недовольные его поведением, приняли решение о понижении Галича в должности. Так Галич стал рядовым сотрудником парижской секции «Свободы», и, что было еще хуже, его поместили под «опеку» сотрудников ЦРУ В. Ризера и М. Ралиса. Галич пытался протестовать, но тщетно... Тем временем пробудившаяся совесть поэта все явственнее подавала свой голос.

Тени прошлых обид и страхов, мучительный стыд за совершенные ошибки, отвращение к вконец разочаровавшему его Западу, к унижительному положению эмигранта, жестоко, беспощадно убивавшему в нем поэта, жажда возвращения и боязнь возвращения — эти противоречивые чувства смешались, спутались в его сознании в чудовищный гордиев узел. Галич запутался. Так и не хватило ему мужества до конца разобраться в своей судьбе. И это, пожалуй, самая горькая правда о нем...

19 декабря 1977 года жизнь Галича оборвалась. «Радноголоса» сообщили, что смерть наступила в результате удара электрическим током при настройке радиоаппаратуры. Случайная смерть — таково официальное заключение медиков.

Несмотря на это, на Западе высказывались различные версии смерти Галича. Согласно одной из них, с Галичем за его намерение вернуться в СССР «посчиталось» ЦРУ. Если это так, то можно было бы сказать: смерть, которой так безосновательно опасался Галич на Родине, нанесла ему удар совсем с другой стороны. Правда о смерти Галича, быть может, никогда не станет известной.

«Боже мой, никогда...» Никогда. Он сам ответил на свой вопрос: «А когда я вернусь?» — Никогда. Никогда не вернется Александр Галич на Родину. Он сделал выбор — нет, даже не тогда, когда уехал, и даже не тогда, когда поступил в услужение, а тогда, когда все-таки так и не сумел победить самого себя.

Сегодня произведения Галича публикуются в газетах и журналах, в издательстве «Книга» готовится к выпуску сборник его стихотворений, в театре «Эрмитаж» поставлена пьеса «Галич, 18 историй для друзей» по мотивам его песен. Фирма «Мелодия» выпустила диск с песнями А. Галича «Когда я вернусь» и двойной альбом «Александр Галич».

12 мая 1988 года Союз кинематографистов, а 11 июня 1988 года Союз писателей СССР отменили свои прежние решения об исключении Галича из своих рядов. Создана комиссия СП СССР по литературному наследию А. Галича, которая собирает единый архив писателя и которая, кстати, выявила его ранее не публиковавшиеся пьесы, стихотворения и киносценарии, в том числе и сценарий двухсерийного фильма «Федор Шаляпин».

В связи с тем, что Галича отпевали в русской церкви на рю Дарю, напрашивается последний вопрос: хорошо ли помнил он заповеди Соломоновых? Ведь среди них есть и наимудрейшая: «Не соревнуй человеку, поступающему насильственно, и не избирай ни одного из путей его...» Иначе сработает закон судьбы.

РЯДОМ НИКОГО НЕТ...

Я люблю своего ребенка, музыку, веселую компанию, праздники... Но я не хочу жить: не всегда и не во всех ситуациях понимаю людей, а они меня не понимают вообще. Когда была наркоманкой, жилось легче. Жила от «дозы» до «дозы». Не нужно было думать о том, что будет завтра и чем буду кормить своего ребенка. Все шло своим чередом — завтра будет «доза кайфа» или же поиски... А о ребенке позаботится мама. Вся жизнь — в розовом цвете наркотического дурмана, дни пролетали незаметно. Сейчас они тянутся вечно.

Кто я сейчас? К кому себя причислить? К бывшей наркоманке или к теперешней токсикоманке? Мне почти все равно, что происходит вокруг, мало что и кто интересует. Исключая, естественно, ребенка.

Все начиналось обычно. Сигарета. Потом алкоголь. Чуть позже алкоголь с таблетками — непривычное, но приятное ощущение. Еще позже — одни таблетки, добрые друзья, снабжающие ими при первой же просьбе, быстрое привыкание, а затем... Опять появляется «добрый» друг, его услужливая рука... С «машиной». Едва ощутимая боль от укола, необычная легкость во всем теле, темнота и резкие всполохи во тьме... Я есть и одновременно меня нет. Но это лишь первое знакомство. Дальше — больше. Как катится шарик по наклонной плоскости? Чем ниже, тем быстрее. А что в итоге?

Покатилась. Родители долгое время, лет шесть, ни о чем не догадывались. Шли годы, я стала матерью, ребенок, по счастью, родился здоровым. А меня вскоре «пропали». И как глупо...

Обычная «доза» для встряски. Прогулка, случайное знакомство (по натуре я очень общительна), шампанское за знакомство, а в итоге больница, реанимация. Больница за больницей, визиты участкового, милиция, мольба матери: «Что с тобой будет дальше? Подумай о ребенке»... И презрительное молчание отца.

Я никого не слушала и никого не жалела. Мне было наплевать на косые взгляды знакомых и бывших друзей. Лишь взглянув на малыша, начинала о чем-то задумываться. Но ненадолго. Его плач раздражал, готова была броситься на него в бешенстве. А вечером меня ждали, я уходила в предвкушении скорого «кайфа», возвращалась утром, а то и через два-три дня. Так три года... Потом задержание в состоянии наркотического опьянения и с наркотиками при себе. Экспертиза все подтвердила, понятые в протоколе расписались, и дело мое ушло на рассмотрение.

Штраф, спецнадзор, последнее предупреждение и беседа о том, что жалеют лишь моего ребенка и мать и если еще раз... Слезы и уговоры матери. Отец меня не замечал. Остановилась на какое-то время, попытавшись прежде покончить с собой. И... «ломка». На третий день не выдержала...

Мне сообщили, что есть решение направить меня в «спецнаркозону». Не отправили — положили в больницу как злостную наркоманку. Слезы матери спасли.

Отлежала долго, четыре месяца, но это не четыре года, которые еще недавно меня ожидали. Выписка и то ли испуг перед тем, чего избежала, то ли грустные, но все равно верящие в меня глаза матери, а может, уже подросткий, топающий и лепечущий «мама», тянущий ко мне ручонки сын... Что из всего этого остановило меня? Но с тех пор я сломалась. И жизнь стала безразлична. Чувствую себя

роботом — занимаюсь делами, гуляю, спрашиваю, отвечаю, улыбаюсь, но все, все механически. Человеком я становлюсь лишь при общении с ребенком. Но даже после того, как «завязала», не раз пыталась покончить с собой. Все вижу во сне навязчивую картину: взмахом лезвия перерезаю себе вены. Но по утрам на меня доверчивыми глазами смотрит сын...

Живу с ребенком. Скоро вернется из заключения его отец, мы не расписаны. Я боюсь его возвращения и ненавижу это подобие человека.

Мой отец нашел другую семью, предоставив маме колупаться со мной и внуком. Мама вытащила из ямы меня и даже спасла от лишения родительских прав, поставила на ноги внука. Он говорил мне: «Мамочка, я по тебе скучал»... А я со злобой отталкивала его от себя и уходила. Он, испуганный таким обращением, плакал, как все дети, навзрыд, мать — молча. Теперь матери нет, сердце не выдержало, а я... Время от времени принимаю таблетки, однако не терплю соображения, ведь у моего сына больше никого нет.

Итак, я одна. Никому не верю. Милицию ненавижу. Рядом никого нет и поддержать некому. Мне 23 года, но я не хочу жить. Не хочу жить, но оставить ребенка одного... Боюсь. Он в меня верит, как я могу его предать? Что мне делать?

Ира К.

МОСКВА

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

В редакцию поступило письмо Г. Кузнецовой о хищении продукции на Новониколаевском маслосыркомбинате и непринятии мер к пресечению этих действий работниками Новониколаевского РОВД. П. Варанов, и. о. начальника УБХСС УВД исполкома Волгоградского Совета народных депутатов, сообщает: при попытке вывезти с территории комбината не учтенного в накладных груза был задержан водитель Рекунов. На требование контролера Г. Кузнецовой предъявить груз для досмотра ответил отказом. Однако машина с упомянутым грузом была все же выпущена с территории комбината. Как такое могло случиться?

Ворота отворились по распоряжению начальника отдела внутренней охраны при Новониколаевском РОВД Ванюкова, который выполнил просьбу директора предприятия Бисингалиева.

Позже работниками РОВД было установлено — водитель Рекунов совершил хищение, за что понес наказание. Директор комбината пытался оправдать свои действия служебной необходимостью, но в результате проверки выявлены нарушения в ведении бухгалтерской и технологической документации, регистрации документов строгой отчетности.

Управлением внутренних дел внесено представление в РАПО Новониколаевского района для устранения недостатков, а также приняты меры к директору комбината Бисингалиеву. Работники РОВД Протопоров и Ванюков привлечены к дисциплинарной ответственности.

БРОСИТЬ КАМЕНЬ...

УГЛИЦКИЕ ХРОНИКИ

**В бесплодное дерево никто камней
не бросает.**

(Армянская пословица)

Ш

кольному учителю из Чесмы, которого в глаза не видел и даже фамилии его, к стыду своему, не запомнил, обязан этой работой. Рассказал о нем Владимир Дмитриевич Лаптев, второй секретарь Чесменского райкома партии, когда морозной ночью тряслись мы с ним в газике, пробираясь осторожно сквозь метель к райцентру, домой. Говорил он о чесменском учителе, о подвижничестве его труде, о встречах с археологами, о раскопках, находках, древних курганах... А я не то, чтобы слушал вполуха, но хоть что-то и говорил, однако, признаюсь, заикнулся на своем и ворчал про себя: «Мне только курганов здесь не хватало. Тут вон какие курганы — с 92-й УК! В ОБХСС, извините, не археологи, у них, знаете, свои раскопки-находки...»

Короче, времени для учителя не нашлось, работа закрутила, а позже, когда стал листать углицкие записи, досада взяла — сколько же осталось недоговоренного... И слишком часто, чаще чем того хотелось, сдерживался. Надо ли было? Неужто, памятуя о законе, так и общался с людьми — не отринув редактора в себе?

Пытался восполнить недосказанное: никаких сенсаций. Хрестоматийные истины. И вспомнился тот дорожный разговор. Об учителе районной школы. Открытий не делает, но к чему приводит забвение хрестоматий, знает профессионально. Может, потому и занимается с детьми краеведением, а еще разными ребячьими делами, коих в школьной программе нет. Во внеурочное время. Безвозмездно. Так что если здесь, помимо разговора о законности и демократии, речь пойдет о вещах, кажущихся сторонними, то это не случайно, не просто так. Чувство вины перед чесменским учителем породило «сторонние» строки.

Я, БРУЕВ В. М. ...

Из Углицкого в Чесму взялся отвезти меня сам Бруев. Отдаю должное (да не осудят угличане) деликатности их председателя — о деле, которое привело меня в эти края, не упомянул ни разу. И чтоб не молчать дорогой, мы, как водится меж людей благовоспитанных, предупреждая отчужденность, беседовали на темы, далекие от углицких. О Камчатке, например. (Куда уж дальше-то?) Бруев, будучи лейтенантом, в армии там служил, мне тоже бывать доводилось. Так что у нас вроде бы легко все пошло, непринужденно: и разговоры о сопках, Авачинской бухте, о траулерах, бородатых «мариманах», и то, как он вел свою «Ниву» — словно по Олимпийскому проспекту катил, не по проселочной дороге. Однажды только, мне показалось, едва не сбился с такой вот заданной маринистской пасторали. Когда об армии речь зашла. Об армейской дисциплине, о солдатской исполнительности. Вот сейчас, загадал я, вот за этим поворотом Бруев скажет что-то вроде: «А у нас тут»... Досада, хоть и приглушенная, прорывалась уже в интонации и в том, как он круто, порывисто переключил скорость.

Сдержался все же. Не нарушил нашего молчаливого уговора. Аккуратно притормозил у подъезда и, облокотясь о баранку: «Ну, обо мне как напишете, пришлите журнал с автографом на память». И рассмеялся, заглядывая в глаза, — вот он, мол, я, Бруев В. М., председатель колхоза «Красный боец», на которого жалобы пишут.

Что-то покорило меня в ту минуту. Вызов усмотрел? Ерничество? Рисовку? Скорее камуфляж. К тому же не очень искусный — моральная усталость просвечивала.

Он попросался: «Приезжайте к нам еще». И я поверил, что слова его не дежурная любезность должностного лица. Мне захотелось сказать, что, может, мне еще повезет, я снова побываю в здешних местах, увижу южноуральскую степь не заснеженной, как нынче, а в самую цветущую, сенокосную пору. И мы, собравшись с рассветом обехать все на той же «Ниве» угодья колхоза «Красный боец», наверное, промчим мимо новых колхозных домов, которые ничуть не хуже председательского дома, а может, чем и лучше. Увидим тянущиеся к горизонту скирды сена и, кто знает, может, у одной из них остановимся поговорить. Не о дальневосточной экзотике, разумеется, и не о жалобах на председателя колхоза. Бруев отключит в автомобиле председательскую рацию, отвлечется ненадолго от командной связи, и мы от души потолкуем о колхозной демократии, о том, как она набирает силу... Однако же ничего этого на прощание не сказал.

Скирда всему причиной. Признаться, она и сейчас не дает мне покоя. Любые попытки представить ее, волшебной пахнущую густым, терпким степным разнотравьем, в знойный полдень или, там, под лунным светом успеха не имеют. Скоросшиватели все больше видятся, казенные бланки, машинописные строки отнюдь не поэтического

свойства: скирде сена многолетних трав суждено было сыграть роковую роль в судьбе Виктора Митрофановича Бруева. В 1983 году. Весной.

Летом Бруев председателем уж не был. В Углицком, как обычно, выходили с рассветом на сенокос, такие же скирды вырастали на лугу, все так же пахла трава. Я пытаюсь себе представить такой же рассвет сейчас, когда председателем опять Бруев. Но вижу другой — зимний.

СХОД

Белые деревья проступали из тумана в белой степи. И от мороза, от снега, от инея искрились они так, что невольно думалось — нет, не туманом предрассветным размыло их кроны, на дым больше похоже. Казалось, дымятся они от такой белизны — искристой и жгучей, вот-вот пламя выстрелит. Все это, как уяснил для себя, от чувства тревоги, что схватило на углицкой дороге и держало крепко — ехал на сельский сход. На сходе том предстояло мне выступить.

В Чесме напутствовали: «Это у вас в столицах все по часам-минутам, а в станции... Пока соберутся, пока угомонятся, разговорятся... Потом, правда, не остановишь — казачий круг!»

В клубе, помню, мест не хватило. Стояли. Толпились в дверях. «Раньше, — объяснили мне, — актив по дворам бегал, уговаривал... Считай, силком вытаскивали на сход».

...Закончили поздно — под утро повалил из клуба народ, стал расходиться по домам. Торопливо и молча. Устали сильно, да и морозно было, ветрено. Наговорились... На сходе начали, на собрании продолжили. И хоть прерывались всего ничего — минут на десять, не больше — перекурить, докричать свое, доспорить, а получилось вон как: в восемь вечера собрались и восемь с гаком часов прошумели. Кто часы эти заметил?

Возвращаясь обратно из Углицкого в райцентр, в Чесму, знал уже, что обкатывать этот маршрут еще предстоит, не день и не два в окно райкомовского газика глядеть. А сегодня я уже знаю, что животноводы, например, все за председателя, а механизаторы не все: «Бруеву закон не писан?» Колхоз не самый последний в области, но «в нижней части таблицы», а ведь было время... «Были мы когда-то и с хлебом, и со всем»... А теперь? В долгах как в шелках — «все в государство лезем и лезем»... Совесть-то где?

Так примерно расходились страсти (казачий круг?), а председательствующий по графину с водой не стучал, но все водил по рядам строгим оком — действовало. И, считай, не присел ни разу. Словом, разбирались. Бруева упоминали часто.

Что же с Бруевым В. М.? Передохну только и в РОВД, в прокуратуру, в суд... Завтра с утра. Верней, уже сегодня — над деревьями рассеиваются понемногу дымы, теперь окно нашего газика, как рама для станковой графики. За окном изысканная, золотоустовской работы, гравюра. Мы едем — гравюры меняются. Хорошо, не быстро едем...

Людам, что волновались на сходе, все это принадлежит. И Бруеву,

стало быть, тоже принадлежит. И тому, кто на него жалобу написал. И тем, кому по роду службы жалобу эту проверять предстоит. Петру Евменовичу, например. Что-то он мне скажет майор милиции Савенко, начальник Чесменского РОВД...

А за окном белая степь и белые деревья навстречу. И до того все белое на белом — Сезанн вспоминается, Остроумова-Лебедева, их кисти достойно — успокаивает, умиротворяет душу, очищает, делает добрее... Стоп! Загорелось на белом.

Где-то далеко впереди проступает сквозь морозную пелену огненное пятно, и умиротворенность всяческую выжигает во мне напроць. Автомобиль. Габаритные огни. Всего-то?.. Прокурорский автомобиль. В прозу, к будням, к действующему законодательству возвращает меня, ничуть о том не подозревая, Леонид Федорович Скрипник. Чесменский районный прокурор. В Углицкий вместе ездили...

В протоколе схода жителей поселка Углицкий записано: «Слово предоставляется товарищу из журнала «Человек и закон» (имярек). Спасибо Григорию Ивановичу Петухову, секретарю обкома партии, — выручил. А то ходить мне с жалобой на Бруева по разного уровня кабинетам... Угрюмое, скажу вам, занятие.

«Правоохранительные органы пусть проверят, — сказал секретарь обкома. — Пусть выполняют, как по закону положено, свою работу. А вы зачитайте людям письмо — какие могут быть секреты? Да, прямо на сходе! Автор просит не называть фамилию? А вы без фамилии... И пусть свое слово скажут колхозники».

Привожу здесь зачитанное мною на сходе письмо с незначительными сокращениями: это авторская подпись, откровенные повторы и откровенная нецензурщина.

«Дорогая редакция! Просто дайте ответ на вопрос, волнующий не только меня, но и большую часть наших жителей. Этот вопрос надо решить, т. к. одни говорят так, другие эдак. Суть: т. Бруев Виктор Митрофанович стал председателем колхоза «Красный боец». Вторично! В первый раз было так: он приехал к нам главным инженером, а в это время погиб председатель. И его выбрали председателем. Но крупно проворовался, судили, условно дали три года, из партии выгнали. Он стал ездить в Чесму работать. Ездил на «Ниве», в неслужебных целях использовал машину. А потом уволился и снова к нам, т. к. семья не уезжала, говорил, что очень хорошая квартира.

Стал он вести работу против председателя колхоза Панина И. Ф. Недовольные Паниным люди ходили из дома в дом, собирали подписи, будто бы Бруев лучше, а Панин хуже. Панин уехал в отпуск, приехал, а Бруев уже заведующий кормоцехом (зам. председателя колхоза по кормопроизводству.—К. А.). Вскоре начались выборы, приехали из райкома, предложили три кандидатуры. Только делегаты (уполномоченные колхоза.—К. А.) выбирали: набрав большинство голосов, прошел Бруев. Клялся, что все понял, исправится, пусть только поверят и дадут должность председателя.

Он кандидат в члены партии, но партком уже собрал на него заявления с просьбой оградить от его издевательств и грубостей. Разбирают его, но он задался целью построить себе хоромы. А раньше говорил — не уезжаю, потому что квартира хорошая.

Законно ли все это? Работает недавно, а хоромы строит, а тогда, в прошлый раз, полтора года не проработав председателем, купил «Жигули». Это ж, извините, какой-то нечистоплотный человек!

Гнать его надо, пока он кандидат в члены КПСС! Великую ошибку совершат, приняв его в партию. Можно ли так? Нельзя ли поставить его на место? Председатели меняются через каждые два-три года, а хоромы как грибы растут. Потрачены народные деньги, нет решения колхозного собрания, а он по своему усмотрению строится.

Не секрет, что, узнав о том, что я написала, начнут мстить, поэтому, пожалуйста, не называйте фамилию. Он злопамятен и мстителен. Остановите его, проверьте жилплощадь его, нет никакой необходимости, чтобы оставить ему квартиру. Бруев злоупотребляет служебным положением, богатеет нетрудовым доходом, вот что ясно.

...Я обернулся, поселок все виднелся еще. В Углицком спать никому не пришлось — собирались на работу. И доярка Евченко Нина Петровна, и строитель Лавриков Сергей Борисович, и скотник Скиднов Александр Иванович, и учитель Чумаков Владимир Иванович... И все те, чьи выступления — нервные, скомканные — были в чем-то схожи. Скорей выплеснуть все, скорей добраться до главного... Главное — это успеть сказать: «Председатель на своем месте».

Кто-то первый обронил эту фразу там, в глубине зала, очень негромко, я б сказал, даже робко, но прозвучала она совершенно отчетливо в тишине, объявшей колхозный клуб. Потом повторялась все увереннее и стала звучать призывно: «Председатель на своем месте!»

Углицкий все отдалялся, дома его мигали огнями еще долго, отвлекая от дороги, напоминая о тепле и уюте. Один из домов, свежесрубленный, заселенный недавно, был председательским.

СКИРДА

Морозное, изощренно тонкое плетение покрывало стекла, приглушая зимний свет. И потому могло показаться: задернуты окна белыми нарядными занавесями, открахмаленными туго Надеждой Ивановой, хозяйкой дома. Так что если б не три высоких кресла под рельефом герба РСФСР, не печально известная скамья за барьером... Короче, не сразу воспринял зал судебных заседаний. Впечатление такое усиливалось из-за Котельниковой, из-за Надежды Ивановны, которая расхожему образу судьи никак не отвечала, а больше и в самом деле походила на очаровательную хозяйку.

Я пришел в Чесменский районный народный суд, к его председателю в день и час, отведенные для приема граждан. Граждане шепнули доверительно: «Котельникова человек правильный, разберется с тобой, как надо».

Надежда Ивановна разобралась. Отперла зал судебных заседаний: «Другого рабочего места предложить не могу, в тесноте живем. Располагайтесь... А я пойду, сегодня прием. Буду колхозникам колхозный устав разъяснять. Элементарный вопрос не в состоянии решить — бросают дела и в райцентр, к судье: «Как быть, чтоб закон не нарушить?» Если б только рядовые колхозники, а то бригадиры, главные специалисты, с высшим образованием люди. А что судья? Есть у меня,

конечно, Примерный устав колхоза. Но, извините, у каждого хозяйства устав свой. На основе Примерного со своими изменениями, дополнениями. Сами же принимали! Казалось, чего проще — открыл и прочитал. Правда, доступ к этому документу... Колхознику он доступен не всегда. В том же «Красном бойце», где хранится устав? В председательском сейфе, конечно же. Я не права? К тому же в единственном экземпляре, наверное. Так почти в каждом хозяйстве. А сколько у нас хозяйств в районе?»

Я кинулся в рассуждения о демократических принципах управления, о правах колхозников... Как же можно! Под замок! Надежда Ивановна сказала: «Вы бруевское дело просили — пожалуйста. Сегодня процесса нет, работайте спокойно». Ушла. Оставила архивную папку — «Уголовное дело по обвинению гр. Бруева В. М., Белозаровича С. Н., Лисогора И. П. по статье 92, ч. 2, УК РСФСР».

«Постановление о возбуждении уголовного дела.

21 марта 1983 года старший следователь Чесменского РОВД майор милиции Зиновьев, рассмотрев поступившие в Чесменский РОВД материалы о краже сена в колхозе «Красный боец», установил: 12 марта 1983 года председатель колхоза «Красный боец» и другие присвоили сено в количестве 6 тонн. Усматривая в факте признаки преступления, предусмотренные ст. 92, ч. 2, УК РСФСР, руководствуясь ст. ст. 108, 109, 112 УПК РСФСР, постановил — возбудить по данному факту уголовное дело и приступить к производству предварительного следствия».

Смотрю на кресла судей. Слушаю тишину. Такая тишина бывает в зале, когда кошунственным кажется даже шорох. Хоть и доводилось не раз бывать в судах по работе, все равно вздрогнешь, когда прозвучит: «Прошу встать»...

Не может быть в зале судебных заседаний людей олимпийски спокойных! Уточню — не должно быть... Но пусть лучше упрекут меня, однако будем все же считать — не было таких людей в день, когда заняли судебские кресла председательствующая М. Рахматулина, народные заседатели Д. Умарова и Л. Сергеева. А стол, за которым так удобно я расположился... Прокурор А. Шустиков отсюда выступал? Адвокат А. Кавардин? Адвокат Г. Смоленев? И где-то совсем рядом был он — председатель Бруев. Подсудимый Бруев...

Юристам в том процессе профессионализмом высоким блистать не пришлось — «не тот материал». Тем большее уважение вызывает сделанная ими скрупулезная работа. Отдав ей должное, опустим подробности.

...Осенью 1982 года «осенила» Бруева эта идея. Посоветовался с бригадиром Белозаровичем, тот с учетчиком Лисогором потолковал. На том и порешили: оставили в поле скирду сена. Неучтенную и неоприходованную.

Позже он объяснит следователю — приберег на всякий случай, мало ли что? Специалистам своим помочь, например, или, скажем, подкинуть «нужным» людям. Мало ли в какие организации случается обращаться. «Пробивать» что-то для колхоза на стороне. Закон-то закон, но кто тебе что даст просто так, за здорово живешь? Получалось — на закон надейся, а сам не плошай: ты им — сено, они тебе — что хозяйству надо. Весной удобнее всего. Весной с кормами у всех туго — сено в острейшем дефиците. Все очень просто: ты — мне, я — тебе.

...Весной 1983 года Белозарович пожаловался Бруеву — плохи до-

ма дела, кончилось сено. Надо помочь бригадиру, надо... «Возьми». Белозарович отправился в поле. К неучтенной скирде. Взял.

В ту весну с кормами как только не выкручивались. В правлении только и разговору — положение на фермах тяжелое. Запись в протоколе: «В настоящее время выдавать сено колхозникам нет возможности. Выдавать солому и силос».

...Лисогору вскорости тоже понадобилось сено, а председатель в Челябинске, в командировке. Пошел к бригадиру — «Возьми...» Отправился колхозный учетчик к той самой неучтенной, к колхозной скирде. Взял.

...О Бруеве позаботился Белозарович. У председателя, как у всех, дом, хозяйство, ему тоже надо... Бригадир отправился за сеном для председателя. Взял. Сам привез на тракторе. Отгрузил. Вернется начальник из командировки, а на подворье у него полный порядок. Уважил председателя: ты — мне, я — тебе.

Позже председатель скажет: «Да не будь я в командировке!..» До сих пор повторяет.

Суд установил: действия подсудимых правильно квалифицированы по статье 92 УК РСФСР как хищение общественного имущества путем злоупотребления служебным положением с корыстными целями по предварительному сговору группой лиц. При определении меры наказания суд учитывает: подсудимые ранее не судимы, характеризуются положительно, ущерб возмещен, у Бруева двое несовершеннолетних детей.

Приговор: ...«Бруева Виктора Митрофановича признать виновным по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР, подвергнуть наказанию в виде трех лет лишения свободы, но в соответствии со ст. 44 УК РСФСР наказание считать условным с испытательным сроком два года с лишением права занимать руководящие должности сроком на три года»...

Белозарович и Лисогор тоже получили сполна, что «заработали». Всех троих сочли возможным оставить на свободе: «изолировать от общества нет необходимости» — записано в приговоре. И еще: «передать коллективу колхоза «Красный боец» для перевоспитания и исправления».

Все. Последняя страница в уголовном деле. «Персональное дело коммуниста Бруева» впереди. И перемежающиеся хаотически дни, и тянущиеся мучительно ночи без сна. И ожидание. Чего? Областной суд оставит приговор в силе. Придет день, и случится то, чего не воспримет, что отторгнет разум, ибо это ему, коммунисту Бруеву В. М., скажут: «Сдайте партбилет». И те же люди, которые в суде вздохнули облегченно: «Не посадят, слава богу»... — выдадут ему что положено по-своему, по-углицки. Не жалея. Да еще приправят словами, за которые, будь это в суде, из зала бы выгнали, а то и штрафанули крепко. И все сводилось к одному: «Поделом». А чуть погодя опять станут его жалеть. Эти же люди... Станут вспоминать его добрые дела. И говорить другие слова — добрые.

А Бруева предстояло снимать с работы. Прилюдно, на общем собрании. Как выбирали: обсудить, ну там... выступить: «Мы осуждаем»... Как положено. А что обсуждать? В суде и обсудили, и осудили. Проголосовать разве? Вот тут оно при голосовании и случилось: большинство, оказывается, против снятия Бруева. Напомнили: «Председателя народный суд осудил». А из зала: «Мы и есть народ! Оставить в председателях!» — «Осужденного?» — «Да!» — «Из партии исключить?» — «Да! Ну снимем его — что хорошего? Кому работать?»

Об этом мне расскажут не в суде, не в прокуратуре, не в мили-

ции. В Углицком. И еще узнаю: подробно, дотошно, терпеливо разъясняли людям закон: не положено Виктору Митрофановичу по приговору суда занимать руководящие должности три года. Приговор вступил в силу.

Сдаю бруевское дело в архив — пусть себе пылится дальше. Само дело небольшое, тощая папка, а просидел до сумерек — белое плетение на окнах, лишаясь света, тускло уже понемногу. Блекло. Его нарядность, яркая, чуть не праздничная, переходила незаметно в обыденность. В заурядную изморозь. А может, пригасили все бруевские слова? Он сказал: «Жена у меня за это время поседела».

...На женскую седину похож потускневший морозный рисунок на стекле.

«БЕС ПОПУТАЛ»?

— Было бы из-за чего шум поднимать! Разговоров-то, разговоров... 153 рубля на троих, да и то не поровну. У Бруева 540 килограммов нашли того сена: сколько получится, если перевести в рубли-копейки? Тоже мне деньги! Едва не посадили человека. Хотя с другой стороны... Не станешь скотине вместо сена рубли выкладывать. Нет, председатель виноват, чего там, виноват...

...Собеседник мой называться не пожелал: «Вот вы фамилию, кто написал, не стали говорить, верно? Автор, мол, не желает. А я, может, тоже не желаю. Мы, слава богу, не в милиции, и не протокол же вы пишете в книжечке? Какая разница — кто? Рядовой колхозник!» Я записал. Так мы, необычно несколько, познакомились.

— Жалобу на председателя сочинил тот, кому он поперек горла... Бруев работу спрашивает строго, не забалуешь. И не больно поспоришь — крут председатель. А жалобщик своего часа ждал и дождался — подзалетел Виктор Митрофаньч с домом. А до этого, сами знаете, история эта с сеном, суд и все остальное. Значит, председатель человек проштрафившийся, веры ему нет и не будет. Значит, еле держится Бруев. А подтолкнуть если? Покатится обязательно. Отчего ж не написать? Приедет начальство из района, собрание соберем, а уж проголосовать... Голосовать мы умеем. Что-нибудь одно подтвердится? Хватит... Все, я думаю, они прикинули, подсчитали, теперь ждут. Вы вот уже приехали. И начальство с вами из Чесмы. И даже из области!

...Разговаривал он со мной, но случалось, сомнение брало — вроде и не видит меня — только с собой говорит, себя же слушает и, добываясь истины, спорит опять же с собой. Я б спорить с ним не решился. Не я — он трудится здесь, в крае, обозначенном как зона критического земледелия. Он, несущий все тяготы своей земли, уральский крестьянин, с мягкой, чуть приметной модуляцией речи, с частой сменой ее тональностей, столь чутких, как я воспринял, к малейшей фальши, к неправде.

— Вот вы жалобу на Бруева читали, а ведь правды, чтоб полностью, в ней нет. Не говоря уж о чистом вранье. А коль прямоты и честности нет — нам-то лучше знать! — чего такое сочинение стоит? И не хочу я с таким человеком в одном колхозе работать, хоть и не бывал он, наверное, никогда под судом. А с Бруевым, какой он ни есть, я, может, не меньше других ругаюсь, но работать буду. Вот о чем бы сказать на сходе! Так бы и крикнул: «Да выкиньте вы бумажку эту! И отстаньте от него все! Ну, случился с человеком грех, ну, бес попутал, что ж его теперь, всю жизнь мордовать?!»

Однако речи говорить я не приученный, чего, думаю, встретить?

Без тебя, что ли, не разберутся? Так, похоже, себя и уговорил. И вот с той ночи эту свою несказанную речь вспоминаю. Вот, представляю, встал бы я и пошел! Меж рядов, на глазах у всех, через весь клуб! И вверх по ступенькам, где президиум, где трибуна! И прямо с трибуны: «Полуправду говорить — последнее дело! Вон сколько о Бруеве написали всего и крыть ему вроде нечем, а о том, каков председатель в деле, почему ни слова? Если по справедливости, то все надо говорить. Как он работал до суда? А потом, когда из председателей вышибли, что он мало для хозяйства сделал? Скажете, размахался я кулаками после драки? Правильно. Оробел тогда? Может, и так... А может, привычки еще нет к гласности к этой. Привычка есть другая — живи тихо, не высывайся. А Бруев... Он знает какой? Он не может тихо. Нагрешит или добро делает — все на виду. Мы избирали его в первый раз, а потом, признаться, ждали, когда он, что по суду положено, отбудет. Ждали, хоть и другой уже был председатель — Панин. Хороший человек, ничего не скажешь, уважаемый, заслуженный... Орден у него есть... А думали все ж таки о непутевом Бруеве».

...Иван Филиппович Панин — местный, из углицких. Он всегда был уважаемым в поселке человеком. И в юности, когда крутил в клубе кино. И во время учебы в техникуме. И когда, отучившись, вернулся агрономом и крепко взялся за дело.

Выбрали его вскоре в соседнем колхозе председателем. Там вернулся, показал себя. Хозяйство было крепким — Ивана Филипповича награждали. Разве мог кто подумать, что спустя годы, у прославленного Панина, председателя знаменитого колхоза имени Шевченко, когда вернется председателем в «Красный боец», дабы навести там порядок твердой рукой и вообще поправить дела, именно здесь, в родных местах, найдет коса на камень? Более того — работу его признают неудовлетворительной. Единодушно. Скажут, живет накопленным, безнадежно устаревшим багажом. И что сам он, поразмыслив, напишет заявление с просьбой «освободить от обязанностей».

А люди говорили о Бруеве. Сравнивали. Панин с людьми общался по необходимости. Бруев всегда был на людях, Панин — в кабинете, Бруев — в движении. Панин: «Жилье строить ни к чему, какой с жилья доход? Обойдемся». Бруев: «Доход от людей зависит. Не будем строить жилье — разбегутся. Так колхоз развалить недолго». Панин — руководитель традиционный, привычный, солидный. Вся колхозная жизнь по бумагам расписана, каждая бумага к своему месту подшита. Бруев — властолюбец, зазнайка, грубиян. От прорабской его словесности у знатоков уши вянут. Но если в работе что не так, инструкцию искать не станет, бумагой не прикроется. Техника из строя вышла, и специалиста рядом нет? Председатель — не белоручка, председатель — инженер, каких поискать: рукава закатал — и в мотор... Появится специалист, и Бруев — руки по локоть в масле, мотор уже работает, — выскажется, конечно. Тот обидеться не успел, Бруев на другой участок укатил.

Так вспоминали. И все — Бруев, Бруев, Бруев...

СТРАСТИ ПО БРУЕВУ

«...Ветер яростно рвал расклеенные в колхозе плакаты, зовущие уполномоченных на выборное собрание, — рассказывал в репортаже «За интенсификацию» корреспондент чесменской газеты «Стелные

зори». — Задолго до этого товарищи из районного комитета партии выезжали в «Красный боец», беседовали с людьми, стремились выяснить — кто бы мог, по мнению колхозников, повести хозяйство дальше? Кандидатур было не так уж много...»

Репортаж написан обстоятельно, с большим чувством: предвыборная кампания не затягивалась, все в том же, знакомом мне клубе прошли выборы. Три кандидатуры — три урны для бюллетеней. Норма представительства по уставу колхоза: от 3 колхозников 1 уполномоченный. Доверены бюллетени людям самым надежным.

Из протокола собрания уполномоченных колхоза «Красный боец».

«Слушали: о факте неудовлетворительной оценки работы правления колхоза «Красный боец» и о выборе председателя правления колхоза... Для тайного голосования было предложено три кандидатуры: Панин И. Ф., Бруев В. М. — зам. председателя колхоза по кормопроизводству, Седин С. В. — секретарь партбюро колхоза «Красный партизан».

Большинством голосов председателем правления колхоза «Красный боец» избран товарищ Бруев Виктор Митрофанович.

Протокол цитирую скрепя сердце — репортаж чесменского коллеги здесь куда уместнее. Но был еще комментарий моего знакомого («рядовой колхозник») — он который раз втолковывал, добиваясь, как понял, максимальной доходчивости:

— Бруев — председатель наш, углицкий! Понимаете, не привезенный! На председателей со стороны насмотрелись, не надо больше. Привезут на собрание неведомо кого, неведомо откуда, бумаги прочитают, а потом говорят: «Рекомендуем». Вот и тянешь руку... Сколько их здесь перебивало? Малютин — привезенный, Горожанин — привезенный, Ручкин — привезенный, Панин из местных, но опять же получается — привезенный. И что ни новый председатель, то новый дом. Люди стали говорить: «Мы что, на каждого попа по церкви будем строить? Да где мы на каждого попа наработаемся? Хватит уж...». А тут Бруев со своим домом: как же, все председатели строились, а он что? Он, как все... Бруев-то пока до председателей дорос, вы ж понимаете, на каких хочешь начальников насмотреться успел, не только хорошее на ус мотал. И все же, если до конца справедливым быть... Помните, Иванов Василий Григорьевич, скотник наш, что на сходе говорил: «Очень плохо, что с домом председателя так вышло, но он ведь не только себе строил. Он и людям строил».

Как не помнить? Не только слова Иванова. Помню, самые разные люди говорили: обратись к ним Бруев, «да кто б ему отказал, попроси он как человек?! Народ-то у нас только на язык злой... Сказал бы — вода в погребе, сыро в доме, что там еще? Обязательно разрешило бы ему собрание построить дом вне очереди — дает нам закон такое право. Ну, скажем... в порядке исключения — не временный же он здесь человек! И потом... Мы что, не знаем, какой он воз тянет?»

Не снизошел Виктор Митрофанович. Зазорно? Не принято. Правление в курсе, сельсовет, партком, профком... Чего ж еще? Решил — хватит. Решил — обойдется. Не обошлось.

Из представления, внесенного прокуратурой Чесменского района правлению колхоза «Красный боец».

«...Установлено: в колхозе нарушаются правила постановки и снятия граждан с учета. Решением правления была представлена квартира председателю в новом доме... Бруев В. М. оснований для улучшения жилищных условий не имел, в списках очередников не состоял...»

На основании изложенного, руководствуясь статьей 25 Закона о прокуратуре СССР, прошу: рассмотреть настоящее представление на общеколхозном собрании или собрании уполномоченных колхоза «Красный боец»; рассмотреть вопрос об отмене решения правления о предоставлении квартиры Бруеву В. М.».

Л. Ф. Скрипник, прокурор Чесменского района, юрист второго класса, прочитал этот документ лично. Ждал: что решат? Выселить из дома председателя колхоза с семьей? Оставить им дом?

Александр Иванович Скиднов, колхозный скотник, всех рассудил: «И правление, и партком, и профком — наши организации, они нами выбраны. Это мы доверили им колхоз и свои руки. Знали мы, что через эти организации вопрос прошел? Знали. А потом шептаться стали по углам: «Председатель строит»... Нет, не он строил, а мы строили! Кто ему цемент возил? Мы. Кто кирпич возил? Мы. Доски кто строгал? Мы. А почему никто не сказал: «Наживешь ты себе, Митрофаныч, греха с этим домом»? Помалкивали... А теперь хотите на одного все свалить? Неправильно! Всем надо отвечать. Человек только начал работать. По-настоящему! А тут кто-то уже крылышки хочет ему подрезать. Хорошо это?»

Из решения общего собрания членов колхоза «Красный боец».

«...Утвердить решение правления колхоза и профкома о предоставлении квартиры в новом доме председателю колхоза Бруеву В. М.»

— Я считаю, дом этот дурность его была...

Пятанин так сказал, Николай Семенович. Тракторист. И вздохнул тяжело. Словно не о начальстве своем вел речь. Так о собственном ребенке говорят, когда наломает он в школе дров, а тебе краснеть. Прощения у всех просить.

К СЛОВУ ПРИШЛОСЬ

Снег под ногами отзывался на каждое движение — звукоряд получался хаотический, что по ритму, что по высоте скрипуче-ворчливых тонов: все они уходили в пустоту станичных улочек и дальше, в степь, вещая, как услышалось мне, о глухой тоске, об одиночестве, о бесприютности человеческой. Нет, вовсе не потому, что углицкие дома окрест светились теплом, а до моего дома еще добираться. И не мороз, крепчавший, казалось, с каждой минутой, был тому причиной. И даже не ветер, обжигавший лицо все чаще, ибо разговор шел на перекрестке, что называется, на семи ветрах. И не чувство досады — в последний, мол, день, считай, перед отъездом... Что-нибудь новое? По вновь открывшимся обстоятельствам? А обстоятельства, надо понимать, в этом конверте, который мне протягивают, — в новом письме, исполненном все тем же автором, который здесь уже представлен.

Помню, как озирался опасливо человек на своей же улице. Почему так одиноко было ему? Ведь дома же! Почему не говорил, а все больше шептал?

Сход, считает, неправильно все решил. Собрание тоже... Неправильное собрание. Я напомнил: решения уже приняты. Ну и что? Снова напомнил: решения, за редким исключением (несколько воздержавшихся), приняты единогласно. Закон соблюден, нарушений нет. Ну и что? Есть же начальство, ему и решать. Вот пусть оно, какое повыше, отменит все. А проголосовать недолго... Как это не имеет права? А редакция на что? Пусть нажмет. Что значит проти-

возаконно? Все сделаем по закону, по уставу... Надо только собрать людей и... как это? Порекомендовать. Только как следует! Делов-то... Перестройка? Кто ж против?

Не получился разговор. Волнение тому причиной, спешка ли, мороз ли — чего теперь гадать — попробую еще.

«Уважаемый(мая) имярек! Редакция не вправе отменять решение колхозного собрания — таков закон. Решение это можно обжаловать или снова обратившись к тому же собранию, или же в народном суде. Это, безусловно, ваше право. Прокуратуру района (тут вы, надеюсь, со мной согласны) беспокоить не стоит. Все решения принимались под контролем прокурора района. Более того, в его присутствии.

Однако, если вопреки всему вы считаете необходимым жаловаться снова, посоветуйтесь вначале с юристами. Не исключаю, что пересмотрите свое решение и, возможно, все, что ему предшествовало. Поймите правильно — очень хотелось бы предостеречь вас от новых ошибок.

Помня о том, что председатель райисполкома А. В. Рокицкий еще недавно работал председателем колхоза, редакция просит Александра Владиславовича помочь вам разобраться в основных принципах колхозной демократии, чтобы вы поняли главное: нельзя толковать закон вольно, как заблагорассудится. Проверка, проведенная по первому вашему письму, доводы, продублированные во втором письме, подтверждают: необходимость в правовой помощи — разъясенные законов, по которым живет колхоз, очевидна.

Результаты проверки вам известны, и потому не будем останавливаться на вопросах, о которых уже шла речь (осуждение Бруева, выборы Бруева, дом для Бруева...), перейдем к другим.

Итак, использовал ли В. М. Бруев служебную машину в неслужебных целях? Подтвердилось. Использовал. Шесть лет тому назад. За что и был наказан (о наказании вы не упоминаете — почему?), понес материальную ответственность. Могу добавить о других нарушениях, не имеющих отношения к вашей жалобе, но вскрывшихся во время проверки. Так, председатель колхоза не пресек незаконных действий своего заместителя С. Шеметова в отношении пилорамищика Н. Белкова: колхозника наказали единственно за то, что он, пытаясь разрешить возникший между ним и руководителем трудовой спор, осмелился, видите ли, обратиться за консультацией к народному судье. Незаконно был наказан председателем главный энергетик колхоза И. А. Смирнов. Даже с учетом того, что с обязанностями своими он справлялся плохо. Пришлось районной прокуратуре председателя поправить. Дела, связанные с колхозным энергохозяйством, от этого в гору не пошли, но председатель сам виноват — нарушил закон.

В. М. Бруев, в соответствии с уставом колхоза «Красный боец», вынес вопрос о главном энергетике на общее собрание членов колхоза. И, как вы помните, ни один колхозник защищать И. А. Смирнова не стал. Главный энергетик от занимаемой должности был освобожден — собрание поддержало председателя. Решение законное. А вольное толкование колхозного устава, вольное обращение с фактами, дезориентация правоохранительных органов, а порой и дезинформация... Догадываетесь, о чем речь?

Вы пишете о председателе — «крупно проворовался». Значит, подумали мы, читатель наш сообщает о хищении в особо крупных размерах. Но тут же, рядом — «условно дали три года». Однако за

крупное хищение законодатель предусматривает суровую меру наказания. Никак не условную. Далее: Бруев «богатеет нетрудовым доходом». Не подтвердилось. Автомобиль «Жигули» приобретен председателем на трудовые доходы. Далее. Не собирал, как выяснилось, заявлений против В. М. Бруева партком колхоза (?) «с просьбой оградить от его издевательств и грубостей». Не подтвердился также факт сбора подписей под коллективным письмом — «будто бы Бруев лучше, а Панин хуже». Однако в ходе проверки выявлено другое коллективное письмо. Подписей колхозников там действительно много — целых 116. Сам подсчитывал. (В жалобе вашей об этом ни слова. Почему?) Письмо было направлено в Челябинский обком партии. Но это не жалоба на Бруева. Наоборот — просьба защитить председателя, талантливого руководителя, попавшего в беду, преступившего закон, как пытались они убедить, случайно. Простить его... Но все, как мы знаем, решил суд. И письмо это пошло в судебное дело. Теперь это материал архивный. Как и само дело.

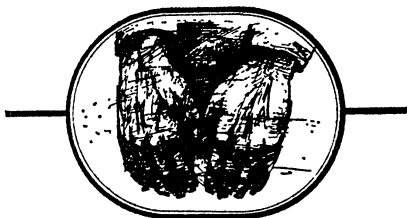
О результатах проверки (с участием не только правоохранительных органов, но еще и райкома, обкома партии) я говорил на сходе. В вашем же присутствии. Возражений со стороны угличан не последовало. Выступлений в вашу поддержку — тоже. И, если положить руку на сердце, не одобрил коллектив это письмо. Полуправда, не раз приходилось убеждаться, к добру не приводит. Вызывает неприязнь ничуть не меньшую, нежели откровенная ложь.

Последнее. Вы пишете: «Гнать его надо, пока он кандидат в члены КПСС. Большую ошибку совершат, приняв его в партию». Тут слово за коммунистами колхоза «Красный боец». Только за ними. Решение свое они приняли в полном соответствии с Уставом партии: В. М. Бруев — член КПСС.

Вот теперь, думаю, все. Пребываю в надежде, что по прочтении изложенного вами будут владеть не одни эмоции, как бывало, а здравый смысл и несколько возросшее правосознание. Примите это не в упрек, но как доброе пожелание».

...Поставив точку, перечитал письмо. Затем еще раз. Долго ли, походя, как Виктор Митрофанович, обидеть человека ненароком или под настроение? У меня на родине говорят: «Рана от кинжала заживет, рана от языка — нет».

К слову пришлось.

ТЯЖЕЛЫЙ НАРОД

Тот снег на перекрестке сошел давно. Однако морозный скрип с шепотом вперемешку вспоминаю до сих пор. И все вижу впечатанные черточками в снежный наст человеческие следы — по линии вдоль и по линии поперек. На крест-ориентир с делениями угломера, похоже, как в окуляре бинокля, как в прицеле оружия.

«Эк, куда метнул...» — кольнула укоризна. Но если и в самом деле... Словно невидимый кто-то отдает команду, как в артиллерии —

на «открытие огня прямой наводкой». Если который уж год, что в первый срок избрания Бруева, что во второй, неизменным остается целеуказание, которое могло звучать примерно так: «Ориентир один — правление колхоза, ориентир два — дом Бруева, ориентир три — дорога на Чесму (в райком, в райисполком, РОВД, прокуратуру...). Цель — председатель Бруев! По председателю — беглый огонь!»

Даже если придержать авторское воображение, то, согласитесь, жалоба за жалобой и, стало быть, проверка за проверкой, это и в самом деле как снаряд за снарядом. Но содержание жалоб — ущербно — достоверность оставляет желать лучшего — а Бруев... Бруев, само собой, не безгрешен.

Но жалоба жалобой, а хлеб хлебом. В страду — все бумаги отложить. В страду — все на уборку. Вся техника на уборку. Работа в две, в три смены. Поточный-цикловой метод. Председатель так решил, отстоял... Настоял, мягко говоря. А выдержит техника? Если заботятся о ней высокого класса мастера-наладчики. В две, в три смены... А выдержат люди? «Это не вопрос, — услужливо подличает память: «Наши люди, да чтоб не выдержали!» Но председатель, как он себя подает, технарём, с лозунговой поэтикой не в ладах, он все больше с «железками» (бруевский термин), у него производство, он знает: не покормишь людей как надо — подведут «железки». Если вместо живых людей будут в голове «человекодни»... не будет нам никакого хлеба.

О том, что зерно есть хлеб, который надо беречь, мне всякий раз в булочной напоминают. Там, на плакате, дежурит бесшумно девица с румяным караваем и с румянцем «а ля Кустодиев». И каравай, и вся эта полинявшая от времени цветовая гамма уводят невольно в студенческие годы, к целинному урожаю, к подзабытому «Догнать и перегнать!» О молоке напоминают, о мясе, о масле... Ну и, разумеется, производной от них гастрономии, которая в том же Челябинске выдается еще по талонам.

Такая, знаете ли, несложная ассоциативность. Урожай, каравай и все, что к караваям положено. Безо всякой связи с фермами. С крупным и мелким рогатым скотом. С навозом, с наядями, сеном, соломой, силосом, да и мало ли с чем еще — Бруеву лучше знать. И с фуражным зерном в том числе. Председатель напомнил о фуражном зерне, проявив, я считаю, педагогический такт: зерно не только каравай. Зерно — еще и корма для животноводства.

Из постановления ЦК КПСС от 4 декабря 1987 года «О серьезных недостатках в работе партийных, советских и хозяйственных органов Челябинской области по освоению экономических факторов интенсификации животноводства».

«...Не выполняются задания Продовольственной программы, сократилось производство мяса в расчете на душу населения. Темпы прироста производства животноводческой продукции за последние годы составили менее одного процента.

...Преодоление отставания отрасли животноводства рассматривать как неотложную, первоочередную задачу областной парторганизации».

...Фермы в «Красном бойце» были, казалось, не хуже соседских — что там механизация, что здесь. Вполне современно. Но Бруев-инженер больше, чем Бруев-председатель, понимал: вся эта механизация и, громко сказано, интенсификация — для отчетов, для докладов еще куда ни шло, а глянешь на буренок...

Бруев глянул... И принялся ломать все. Фермы реконструировали, работать стало легче. Но он уже знал — на двухсменку надо пере-

ходить. Иначе что толку от его реконструкции... Что люди скажут? На всех не угодишь. Тогда решено. Опять споры, обиды? Шуму будет... Ну пусть пошумят.

Без шума, как ни странно, обошлось: «Есть резон, председатель. Только придумай с обедами что-нибудь, а то всухомятку да при нашей работе»...

Теперь на фермах, что для первой смены, что для второй, горячие блюда подают. Бруев распорядился. Власть председательскую употребил. Упрекнул его кто-нибудь за волевое решение?..

И продукция резко пошла в рост? (на иронию потянуло...) «Нет, не резко, — поправили меня. — Прирост пока небольшой, что по мясу, что по молоку... Но ведь есть же!»

Год спустя. Из телефонного разговора с В. М. Бруевым: «Хватать пока нечем. Нет, я не говорю, что плохо — какая-то прибыль есть. В 200 тысяч рублей примерно. Ну что это за деньги? Мне сейчас нужно тысяч 400 и даже 450. Что еще? Фермы строим, жилье... Девять многоквартирных домов сдали, один двухквартирный... Дороги в порядок привели. Поливной участок расширили, электронасосы поставили. Ну что еще? Летние лагеря электрифицировали для содержания скота... Работы хватает. Водопровод новый решили сделать — старый не тянет. Много надо успеть всего — на хозрасчет переходим. Этот год — на эксперименты, в 1990-м — на полный хозрасчет! Приезжайте...»

С «железками» все, думаю, будет хорошо. А с людьми? Помнится, председатель заметил: «Я приучен работать в жестком плане и благодарен за это учителям, которые у меня были там...» Прозвучало установочно.

«Там» — это не в армии. Это — раньше. Гораздо раньше преподали молодому инженеру командно-административный политес. А позже?

Из газеты «Челябинский рабочий» («Уроки перестройки» — отчет с пленума Чесменского РК КПСС).

«...В чесменских хозяйствах... еще сильнее обозначился разрыв между тем, что провозглашалось с трибун, и реальной действительностью. С одной стороны — волнующие слова о демократизме, социальной справедливости, самостоятельности, призывы активнее проявлять свою позицию, с другой — грубый нажим, администрирование, одергивание за критику; претензии на обладание истиной в последней инстанции. Ситуация усугубилась личной нескромностью и бестактностью первого секретаря, которые он проявил, занимая одновременно две квартиры — в Чесме и Челябинске...»

...Пленум указал первому секретарю В. Я. Климову и бюро райкома КПСС на необходимость коренного улучшения стиля работы».

Полагаю, ничего удивительного, что не так еще давно отношение Бруева к людям не вызывало протеста у чесменских «властей предержащих». Тем более не шла речь о нескромности председателя или его бестактности.

Год спустя. Звонок в Челябинский обком партии: «Товарищ Климов больше не является первым секретарем Чесменского РК КПСС. Ему предложили другую работу».

А на том пленуме, судя по отчету, колхоз «Красный боец» не склоняли. Но фамилия знакомая мелькнула. Читаю: «...за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии был выведен из состава бюро райкома секретарь партбюро колхоза «Красный партизан» С. В. Седин». «Чудны дела твои, господи!», как сказали бы колхозные ветераны — да это же тот самый, что Бруеву конкурентом

был. «Привезенный». На выборном собрании в президиуме сидел. Претендовал... А народ? 123 голоса против.

«Тяжелый у нас народ,— сказал председатель.— Не бывает, чтоб какое-нибудь решение принято было гладко, чтоб без шума... Вы же видели». И слышал тоже: «Я кирпич для дома просил выписать, так ты мне не дал. А в свой дом сколько кирпича положил? Совестно где?!»

Это — один из «тяжелых». Снизу говорил, из зала, с места. Председателю. А председатель в это время там, на высоте, на сцене, в рабочем президиуме говорил с соседом. Бумаги перебирал — занял Виктор Митрофанович, занят! Недосуг ему слушать про те кирпичи.

«Есть у него большая способность на работу, и есть способность на жадность. А все ж я... Да, за Бруева голосовал. Нет, не жалею! Хотя тяжелый человек. Есть у него грубиянство, есть и зазнайство: как накажут — человеком становится, как поднимут — нос «задирает». Мешает это ему, ох, как мешает! Что делать? Ничего, будем работать. С ним хорошо работать. Ну и отругаем, если надо, а как же! Обидится? Пусть... Мужик он головастый, поймет».

Это Василий Егорович Кузьменко. Колхозный ветеран. Анонимным остаться не пожелал. А ведь от скольких приходилось слышать: «Гласность гласностью, а береженого бог бережет».

— А закон? — порывался возразить я. А статья 139 со значком 1 УК РСФСР? Там же четко: «Преследование граждан за критику»: если, скажем, некий гражданин подверг критике в той или иной форме некое должностное лицо, а затем должностное лицо гражданина за критику преследует да еще преследованием наносит ему вред, то действия должностного лица уголовно наказуемы. Так что трудящийся человек социально защищен. Закон его бережет.

Если б мог привести в пример судебный процесс с применением упомянутой статьи уголовного закона. Не знаю такого процесса. Вот, не захочешь, а вспомнишь дедовское: «Несть спасения во многоглаболани». И ведомственный порыв мой угасал.

Хочу быть понятым правильно: не крови жажду. Не о том мечтаю, дабы волею статьи 139¹ УК РСФСР один начальник сменял другого на скамье подсудимых. Не хочу видеть их оштрафованными (минимальная санкция), ни тем более лишенными свободы (санкция максимальная) на срок до двух лет. Но нельзя допускать, чтоб закон спотыкался на иерархических ступеньках. Иначе вернемся к безгласности — с шепотом, с анонимками, с безымянными жалобами и безымянными интервью. Видел я, как реагировали на высокомерие председателя на собрании. Шепотом. Вспомнил надписи на избирательных бюллетенях. Пожелания председателю, что не были высказаны публично: на одном — «Измените характер». На другом — «Не будьте злопамятны».

Разве не шепоту сродни? Но бюллетени в урну опустили. За Бруева.

Председатель об анонимных надписях помнит. Они ему покоя не дают: «Тяжелый народ». Не больно с ним этот народ деликатничает, когда о колхозных интересах речь. Но вот когда о своих, о личных, проявляют, бывает, редкую к бруевским выходкам снисходительность. Председательская брань на ворота не виснет? Грустно. А председатель? «Тяжелый народ, но интересный. Сидеть не дает...» Кто же? Тот самый человек на перекрестке? Или потерпевший неудачу в карьере Смирнов? Сельский интеллигент с руками землероба: «Я за Бруева не голосовал, я за Панина голосовал». Или Кузьменко,

повидавший на своем веку не одного «привезенного»: «Нельзя все время наказывать! Не дело это! Умеет человек работать? Вот и не надо ему мешать. Ему помогать надо».

Год спустя. Из телефонного разговора с В. М. Бруевым: «А Смирнов от нас ушел... Работает теперь в совхозе «Новый мир». Добился своего, взяли его главным энергетиком. Что ж, могу пожелать ему только удачи. И чтобы не забывать ошибок...»

Тяжелый народ... Вон какие тяжелые руки. В них ничтожно маленьким должен смотреться карандаш.

Я вспомнил о них вечером в колхозной столовой, в ожидании ужина, когда привычно потянул с тарелки кусок хлеба.

(Окончание следует.)

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

В Нагайбакском районе Челябинской области выявлены факты незаконного распределения жилплощади, а также грубые нарушения в ведении дел по учету граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Таков результат проверки, проведенной по письму читателя Маметьева в Нагайбакском райисполкоме. Как сообщил редакции П. Сумин, заместитель председателя исполкома Челябинского областного Совета народных депутатов, незаконные решения отменены. Приняты меры по упорядочению ведения дел относительно учета граждан, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, наведен порядок в распределении жилплощади.

Заместителю председателя Нагайбакского райисполкома Сафонову объявлен выговор.

* * *

Наш читатель И. Чернышенко обратился в редакцию с жалобой: его сын, утверждал отец, несправедливо обвинен в мелком хулиганстве, привлечен к административной ответственности и оштрафован.

Г. Михайлин, прокурор Таджикской ССР, государственный советник юстиции второго класса, сообщил, что по рассмотрении жалобы, направленной на проверку журналом «Человек и закон», состоявшиеся судебные решения народного суда Центрального района г. Душанбе в отношении В. Чернышенко отменены и материал направлен на новое рассмотрение.

В наложении на В. Чернышенко административного взыскания отказано. Сумма выплаченного им ранее штрафа возвращена ему из госбюджета.

Работники ОВД Центрального района Абдуллаев и Мамедов были на Душанбинский цементный комбинат, в бригаду, где работал В. Чернышенко, и публично извинились перед рабочими за допущенное нарушение социалистической законности.

«ИСКУССТВО РЕЧИ НА СУДЕ»

Так называется вышедшая в издательстве «Юридическая литература» книга русского юриста, видного судебного деятеля **П. Сергееча** (П. С. Пороховщикова). Впервые она была опубликована в 1910 году. Ее второе издание состоялось в 1960 году. И вот книга снова на прилавках магазинов. Это отнюдь не случайно. Написанная честным, талантливым человеком, глубоко и тонко понимавшим механизм судебной машины, знавшим ее изъяны и возможности, имевшим прогрессивные взгляды на юриспруденцию своего времени, книга «Искусство речи на суде» является наследием отечественной культуры, национального сознания. Ибо перед нами подлинный документ своей эпохи.

Как-то так сложилось, что история общественной мысли дореволюционной России в силу ряда причин представлялась нам размыто и невнятно. Многие имена, которые были на слуху не у одного поколения живших тогда людей, долгое время были или полностью закрыты или упоминались глухо и вскользь.

В работе П. Сергееча мы найдем имена многих выдающихся юристов того времени, узнаем, как последовательно и убежденно отстаивали они свои предложения, идеи, теории, позиции. Автор активно использует примеры из практики судебной деятельности известных адвокатов, отечественных и зарубежных, цитирует юридическую переводную литературу того времени, воссоздает исторический фон происходящего, его атмосферу, движущие силы и условия судопроизводства.

Нетрудно понять, что в книге П. Сергееча главный предмет разговора — судебное красноречие. По существу, перед нами — учебник юридического ораторства. Но не нужно пугаться, содержание книги универсально, рассчитано как на специалистов-практиков, так и на самый широкий круг читателей. И это не издательские мечтания, а подлинная правда.

П. Сергееч рассматривает деятельность обвинителя и защитника в суде с точки зрения их умения правильно и ясно изложить свою позицию. Он приводит множество примеров, когда точно и логично составленная речь одного из участников судебного заседания приводила к полной победе или оглушительному поражению. Автор пытается убедить читателей, что ошибка судебного оратора порой стоит жизни подсудимому. Поэтому П. Сергееч подчеркивает, что профессиональное отношение к делу требует бережного и продуманного отношения к слову.

Конечно, на судебном заседании невозможно обойтись без импровизации, но практически в каждой главе, посвященной конкретной стороне судебного красноречия, автор обращает внимание на то, что экспромты хороши именно тогда, когда подготовлены заранее. И не может быть никаких ссылок на загруженность или отсутствие времени для знакомства с очередным делом. Это доводы дилетанта. П. Сергееч требует постоянно помнить, что на карту поставлены честь, состояние, а порой и сама жизнь человека. И пбэ-

тому надо использовать все возможности, которые есть в запасе у обвинителя или защитника, чтобы убедить суд в правоте обвиняемой стороны.

Как юриста и гражданина своего отечества П. Сергеича тревожило то, что многие его коллеги не знали родного языка, были косноязычны, забывали свою речь иностранными словами, не могли логически обосновать свою позицию. Его беспокоило, что многие юристы не умеют пользоваться давно известными приемами построения речи либо используют их нехотя, между делом, небрежно.

Автор последовательно и устремленно раскрывает свои профессиональные секреты, которые, по его убеждению, обязаны стать достоянием всех желающих.

Он неоднократно обращается к древним, ища у них подтверждения высказываемых идей и доводов. Это делает книгу экскурсом в историю права, ораторского искусства на суде. Вспоминая судебных ораторов прошлых лет, автор доказывает, что на то время, когда писалась данная книга, ничего из достигнутого древними ораторами не устарело. Теперь же можно сказать, что многое из изложенного в работе П. Сергеича совместимо с требованиями наших дней, органично вписывается в нашу действительность.

Достоинство книги «Искусство речи на суде» заключается и в том, что, работая над ней, автор ставил перед собой цель быть понятым и услышанным как можно большим числом людей. Он прекрасно понимал, что появление такой книги очень важно для расширения кругозора людей, для развития общественного сознания. Вероятно, в те годы еще не существовало термина «научно-популярное издание» в том смысле, который мы вкладываем в него теперь, но это именно издание такого типа. Оно написано просто и доходчиво, живо, ярко. На его страницах приводится масса афоризмов, а характеристики различных уголовных дел всегда неординарны. Вся работа — это истовость доказательства своей правоты, биение мысли.

Так что издательство «Юридическая литература» предоставило современному читателю реальную возможность познакомиться с человеком неординарным, чрезвычайно одаренным и отзывчивым на правду.

И. АБЕЛЬ

овес | для

попугая

1

Возле восьмьдесят седьмой квартиры спаниель забеспокоился и, уверенно ткнувшись носом в дверь, вдруг неожиданно приоткрыл ее. Хозяин, Иван Петрович Буров, пожилой полный человек, спускаясь за собакой по лестнице, не успел прикрикнуть, как она проскочила в квартиру.

— Ники, куда!

«Вот черт вертлявый, свяжешься с ней, не оберешься потом,— заволновался хозяин.— Сосед, конечно, человек хороший, но не дело это — в чужую квартиру лезть».

В приоткрытую дверь виднелась часть прихожей. Буров, потоптавшись, сначала все-таки позвонил. Никого. И собаки что-то не слышно.

— Фу, и понесло же тебя, юлу.— Иван Петрович пошаркал ногами о постеленную у двери тряпку и неловко протиснулся в прихожую.

«Странно, свет горит, а никого...» — растерянно подумал Буров, стоя возле большого зеркала. Он смотрел на приоткрытую дверь комнаты и хотел опять позвать собаку, но не успел. Ники вылетела из комнаты и, словно опомнившись и учуяв хозяина, бросилась, заскулив, к нему. Потом подняла морду и протяжно завывала. Бурову стало не по себе. Тишина чужой квартиры и странное поведение собаки, никогда ее такой Буров не видел, неприятно действовали на нервы. Он нагнулся, чтобы взять на руки жавшуюся к ногам собаку, но не тут-то было. Ники отскочила в сторону и, не успев Буров опомниться, снова юркнула в приоткрытую дверь комнаты.

— Вот черт! — Буров двинулся за собакой.

...Лытков лежал посредине комнаты на боку, неудобно подвернув под себя левую руку.

Иван Петрович замер, сердце толкнулось куда-то вниз... Ну и дела-а!

— Это... — тихонько позвал Буров, — Василий Семенович, а Василий Семенович, вам плохо?

Лытков молчал. Лица его отсюда, с порога, Буров не видел,— тот лежал спиной к двери.

Вытянув шею и весь как-то приподнявшись, Буров осторожно приблизился к соседу. Треск раздавленного стекла прозвучал неожиданно громко. Буров вздрогнул: на полу валялись осколки стакана.

Лытков не шевельнулся. Теперь уже глядя под ноги, Иван Петрович обогнул журнальный столик. Открытые глаза Лыткова равнодушно смотрели мимо Бурова. Дотрагиваться до него было неприятно, но Буров, пересилив себя, протянул руку и тут же быстро отдернул. Пальцы, почувствовав холод остывшего тела, сделались на мгновение чужими. Лытков был мертв.

Буров оторвал взгляд от лежавшего на полу соседа и еще раз растерянно оглядел комнату. На окне колыхнулась штора. Вот.. и еще раз дернулась. Буров со страхом смотрел в угол, не в силах двинуться с места. Дрожь всем телом, из-под шторы выползла Ники. Буров ахнул, подхватил собаку на руки и, уже не оглядываясь, выскочил из квартиры Лыткова.

Фотоаппарат тихо щелкал, еще раз и еще.

— Пожалуйста, вот отсюда. Да, да, еще раз.— Судебно-медицинский эксперт Аганьянц отодвинулся, показывая, откуда надо заснять труп.— А-а, вот и товарищ следователь.— Он обернулся, услышав знакомый голос.— Своим ходом добирался?

Старший следователь прокуратуры Валерий Дмитриевич Лобанов появился в квартире Лыткова через полчаса после оперативно-следственной группы.

Коротко здороваясь со всеми, он ощупывал глазами комнату.

Буров был разочарован. Нет, не таким представлял он себе следователя. Да мимо него на улице пройдешь и не заметишь. Вот врач, так Буров назвал про себя медицинского эксперта, это да. Действительно, дородный Аганьянц выглядел рядом с худощавым, невысоким Лобановым на редкость представительно.

— Так что говорит медицинская экспертиза? — спросил Лобанов.

— Предварительно, предварительно говорит,— Аганьянц многозначительно поднял палец вверх. Любил он такие картинные жесты.— Так вот, с момента смерти прошли сутки, ну, может, чуть больше, судя по полному развитию трупного окоченения во всех мышцах и по температуре тела. Поза естественная, видимых следов насилия нет, впрочем, вскрытие покажет.

— А это? — Лобанов указал на буровато-красное пятно на левой щеке трупа.

— «Пергаментное пятно», при падении мог удариться об угол журнального столика. Видишь, он даже в сторону отъехал.— Аганьянц посмотрел на Бурова.— Свидетель говорит, ничего не трогал.

— Ну и?

— Отравление. Похоже, опиум.— Аганьянц кивнул на осколки стакана, раздавленного Буровым и тщательно собранного экспертом-криминалистом на чистый лист бумаги.— Вот из этого стаканчика.

— Да вот...— подал голос Буров из угла комнаты, где он сидел вместе с соседкой старушкой — понятой.

— Одну минуточку,— быстро остановил его Лобанов.— И что там?

— Еле ощутимый запах сухого вина.

— Выходит, он вином запивал? — Лобанов полувопросительно посмотрел на Аганьянца.

— Или растворил,— задумчиво произнес тот.— Скорее всего, опиум. Запаха нет. При параличе дыхательной мускулатуры смерть

почти мгновенная, и — сильно суженные зрачки. — Он помедлил. — Тут у меня одна идея насчет вина. Есть такие препараты опиумной группы, которые при взаимодействии с винным спиртом вызывают почти мгновенную смерть.

— Ты уверен?

— Такие препараты есть, это точно. У нас их, правда, не выпускают. Во всяком случае, очень похоже... Нет, — Аганынц предупредил следующий вопрос следователя, — упаковочки от порошка или таблеток возле трупа не было.

— А должна бы быть. Слава! — позвал Лобанов оперуполномоченного Котина, прибывшего в составе группы, — ты еще раз смотри как следует, все лекарства в доме проверь, а я со свидетелем побеседую.

Услышав про отравление, Буров так и застыл в своем углу. Надо же, он-то думал, сердце, а тут такое дело.

Лобанов увел свидетеля на кухню. Там Иван Петрович наконец уяснил, что следователь уже несколько раз подряд спрашивает, как да почему он очутился в чужой квартире.

Буров даже обиделся:

— Ну пес такой, суется везде, а на поводке держать жалко. Недавно, поверите, у нашей дворничихи... — оживленно начал Буров.

Лобанов предупреждающе поднял руку.

— Иван Петрович, об этом потом, давайте про Лыткова.

Нет, не замечал ничего особенного за соседом Буров. Тихо тот жил, незаметно. Человек приличный, шума от него никакого. Да и должность у него как будто высокая.

— Минуточку, — прервал Лобанов и крикнул в комнату: — Слава, установочные данные на Лыткова есть?

— Нет еще, Валерий Дмитриевич, запрос сразу же сделали, как выезжали, но звонка пока не было.

Нет, не нравился Бурову следователь, степенности никакой, да и вообще скачет с пятого на десятое, ни спросить толком, ни услышать.

— Значит, говорите, не общались вы с соседом?

Буров пожал плечами:

— Да кто сейчас общается с соседями? Ну, увижу когда вечером, если сам в первую смену работаю. «Здравствуйте» — «здравствуйте», — и все дела. Собачку еще потреплет, а Ники так и вьется вокруг, так и вьется.

— Вы больше про соседа, — поправил Лобанов.

— Так я ж и говорю, только из-за собаки и общались, а так ни он мне, ни я ему.

— Давно вы его знаете?

— Два года, как он сюда переехал. С женой, говорят, развелся, вот и получил эту квартиру за выездом. Видите, как здесь все оборудовал? — Буров обвел глазами кухню. — Это уж при нем все сделали, а раньше...

— Жену его вы видели? — остановил его Лобанов.

— Жену? — не сразу понял Буров. — Да откуда же, если он с ней развелся? Дети, знаю, есть. Сам Василий Семенович говорил, что вот и у сына его, пока маленький был, собачка имелась, а теперь взрослым стал, в какую-то экспедицию уехал после учебы. Как-то обмолвился, что дочь еще есть. А больше... — Буров развел руками, — больше мне и сказать нечего.

— А вы не видели, к Лыткову кто-нибудь приходил?

— Нет, я вообще-то не слежу... Поверите, сколько лет живу, а первый раз такое,— Буров опять побледнел и заволновался,— я только у себя на этаже сообразил, что позвонить в милицию можно было и от Лыткова. Телефон-то вон стоит,— он кивнул в сторону комнаты.

— Вот и хорошо, что позвонили из своей квартиры.
Буров недоуменно уставился на следователя...

Опрос соседей по лестничной площадке и по подъезду ничего не дал. Получалось, что не общался ни с кем Лытков в доме и сосед-собачник был единственным свидетелем. Эксперт посторонних следов в квартире не выявил.

В баре была обнаружена початая бутылка сухого вина.

— Наверно, из этой, Валерий Дмитриевич, остальные не открывались.— Слава Котин открыл пошире дверцу бара.

— Да, неплохо жил Лытков, основательно.— Лобанов еще раз обвел глазами комнату.

Однокомнатная квартира Лыткова мебелью перегружена не была: стенка румынская, добротная, красивая, два мягких кресла возле книжных полок, на полу большой пушистый ковер спокойных бежевых тонов. Все вещи не броские, но солидные, дорогие, удобные.

Кроме сухого вина, в баре стояли коньяк, две бутылки «Энисели». Любил, значит, себя побаловать. Так ведь и зарплата у него, наверное, приличная.

В прихожей Лобанов увидел портфель. Он был почти пуст, так, пустяки — пара номеров газеты, блокнот, наполовину заполненный деловыми записями, и еще какая-то мелочь. Пропуск, засунутый в блокнот, выпал не сразу.

— «Министерство мелиорации и водного хозяйства»,— прочитал он.— Ого! Должность — начальник главка. И чего ему не жилось? Приличный, прямо скажем, пост.

— Есть такой сорт людей,— услышал Лобанов слова эксперта,— умирать будут, а башмаки на место поставят.

Вот то-то и оно — умирать! А с чего бы ему, действительно, умирать, да еще травиться?..

Дома поздно вечером Лобанов еще раз попытался осмыслить увиденное.

Следов посторонних в квартире нет, значит, самоубийство? Но почему дверь была открыта? Да и должно где-то храниться то, чем он отравился, не проглотил же Лытков упаковку вместе с ядом? А в доме и намека ни на что подобное нет. стакан из-под вина валялся на ковре, вернее, осколки стакана. Кстати, а почему вино? Человек задумал отравиться и запивает яд вином. Или это действительно, как говорит Аганьянц, особый препарат? Так ведь его и достать труднее, тем более если не нашего производства.

Ну ладно, с этим потом разберемся, а вот открытая дверь при его-то аккуратности? Ведь человек многое делает автоматически, даже не замечая. На три оборота, положим, можно не запирается, но ведь дверь даже не защелкнута, иначе спаниель не открыл бы ее носом.

Выходило, что почти сутки квартира была не заперта и никого это не заинтересовало. Факт оставался фактом — посторонних следов не обнаружили.

Хорошо, а собака, почему она его вчера вечером не учуяла, ведь гулять-то ее непременно выводили?

— А ну-ка посмотрим.— Следовательно отыскал телефон Бурова и набрал номер.— Иван Петрович,— начал он, представившись,— кто вчера вечером собачку вашу прогуливал? Сами? На поводке? Ах, вы говорили, она что-то там у дворника стащила, наказали, значит, ее. Понятно. А утром? Да нет, не наказали утром, а кто гулял с нею. Жена? Понятно, собачка всегда на поводке. Скажите, а других собак в подъезде нет? Ясно, ну, всего доброго. Если что-то вспомните, позвоните...

Лобанов опять подумал о Лыткове. Одинокий мужик, а чисто-тища, что только хорошей хозяйке под силу. Финская сантехника в ванной комнате блестела, как в рекламном журнале. Да и все остальное под стать, не зря Буров уважительно крутил головой, разглядывая кухню.

Лобанов прошелся по комнате. Вот черт, опять паркетная плитка затрещала, хоть отремонтируй ее, хоть нет, результат один. Жена жалуется, что скоро вообще к подошве приставать будет, если в ближайшее время настоящий ремонт не сделать. Ремонт... Лобанов тут же отмахнулся от этой мысли. Что-то еще поразило его в квартире Лыткова? Ах да, в ванной не увидел он грязного белья. У Лобанова жена вроде аккуратный человек, а такое иной раз разведет, что зайдя кто случайно — со стыда сгорить.

Лобанов давно привык почти все делать сам. Так проще и ей, и ему, чтобы ни о чем не просить. Повелось это еще с тех пор, когда его жена заканчивала вечерний институт. А потом? Да и потом тоже. Работа, работа, говорила она, у нас у всех день ненормированный, все ничего не успевают. Кстати, картошку он так сегодня и не купил, забыл, а потом этот звонок... «Хоть ночью, а принеси, если в другое время не можешь!» — Он как будто услышал ее рассерженный голос. Она права, конечно, у многих день действительно ненормированный. Только вот жена после своего ненормированного может уехать к матери, оставив на ужин записку типа «сделай сам», как сегодня. Интересно, а Лыткову бывшая жена оставляла такие записки? Может, он потому и развелся?..

Из-за шума воды на кухне Лобанов едва услышал телефон. Звонил Буров.

— Товарищ следователь, моя жена только сейчас вернулась, у сестры была. В общем, видела она, как недели две назад к Лыткову женщина молодая приходила. У двери звонила. Нет, раньше она ее не встречала. Блондинка, лет тридцати, ну, двадцати восьми, говорит, а там кто их под косметикой разберет.

Вот как, навещали, значит, Лыткова женщины. И коньячок дорогой, выходит, он не только для себя держал.

2

В главк, где работал Лытков, утром поехал оперуполномоченный Котин. Лобанов должен был присутствовать на вскрытии.

Прав оказался Аганьянц. Лытков отравился снотворным шведского производства, в состав которого входил опий.

Коварный препарат. Оказывается, если принимать эти таблетки на ночь, по одной штуке, и запивать водой, то ничего не случится. Лекарство действует как обычное снотворное, даже если принять не одну таблетку, а больше. Но если после этого хватить водки или даже легкого вина, то препарат вызывает почти мгновенную смерть. Лытков принял пять таблеток, растворив их в вине, то есть дозу, вполне достаточную для смертельного исхода.

Количество сухого вина, содержащегося в желудке, составило примерно граммов сто, сто десять. А в начатой бутылке из бара Лыткова оставалось ровно 550 граммов. Арифметика простая: примерно сто или девяносто граммов куда-то исчезли. Значит, или Лытков в тот вечер пил не один, или — а это Лобанов тоже не мог полностью исключить — бутылка была начата раньше. На чистом стекле четко проступали отпечатки пальцев Лыткова.

А вот на кнопке входного звонка обнаружился еще чей-то отпечаток, точнее, часть его, потому что почти всю кнопку закрывал след от указательного пальца Булова. И только сбоку обозначилось то, что эксперты определили как часть отпечатка чьего-то пальца. Лыткову он не принадлежал.

И еще было установлено, что в день смерти Лыткова в его квартире протиралась пыль, но не везде, а только на журнальном столике.

Котин вернулся из главка к обеду.

— Странно, Валерий Дмитриевич, я приехал к началу рабочего дня, а они уже все знают. Кадровик, каждое слово из него тянуть приходилось, сразу дело Лыткова показал. Трудовая книжка, конечно, хорошая, неприятностей на работе никаких. Лыткову повышение предлагали полгода назад, но он отказался, сказал, что здесь хочет поработать. Кое-кому это якобы тогда не понравилось, но Лытков, мол, решительно отказался. В главке он работает два года с небольшим. Человек, говорят, положительный...— Слава помолчал и добавил: — Еще я с Фуровым, заместителем Лыткова, беседовал. Скользкий он товарищ, вернее сказать, осторожный, так ничего мне толком и не сказал, пригласил лытковскую секретаршу Зинаиду Владимировну.

— А она что рассказала?

— Сначала вообще отмалчивалась, а потом как заладила «труд-

но поверить», «как обычно», «как всегда» — слова нормального не скажет без этой своей припевки и все норвит от меня отвернуться.

— Чем же ты ее достал?

— Да, говорю, с дисциплиной у вас тут не очень, если начальника целый день на работе нет, а вы и не беспокоитесь. Ох, как она тут взвилась, даже в лице изменилась. Уже насплетничали, говорит. Ну да, отпускал меня иногда Василий Семенович раньше положенного. Оказалось, сын у нее маленький, в сад ходит, живет одна.

— А Лытков, значит, проявлял сердоболие?

— Выходит, что так. Ну и поведала эта Зина под секретом, конечно, что у Лыткова есть женщина — Мишина Людмила Афанасьевна, работает в плановом отделе. Секретарша уверена, что об отношениях Лыткова и Мишиной в главке не знают. Никогда никаких сплетен на их счет она не слышала.

— А ей откуда стало известно?

— Случайно. Пришла как-то пораньше с обеда, а Лытков по телефону разговаривал. Дверь в его кабинет была прикрыта неплотно. Сначала она внимания не обратила, мало ли с кем, а потом поняла, что он с Мишиной беседует. Интимный был разговор.

— А почему она решила, что с Мишиной, не по фамилии же он ее называл?

— Я тоже так сказал, даже про женское преувеличение намекнул. Так она даже обиделась. Нет, сказала, уверена, что с Мишиной. У нее, говорит, словно глаза открылись, многое понятно стало. Да и какой смысл ей выдумывать? И вот еще что любопытно: когда в секретариате опять появился Фуров, уже к концу разговора, Зина сразу умолкла, на полуслове про Мишину разговор оборвала.

— Эта Мишина и сейчас там работает?

— Да, но сегодня ее нет. В отгулах. Я видел начальника планового отдела, Кириллова, но разговаривать с ним о Мишиной шел преждевременным. Ей 32 года, с мужем развелась года два назад, живет одна в квартире. Вот адресок на всякий случай, кадровик дал. — Котин протянул Лобанову бумажку с адресом Мишиной.

— Да нет, не может быть! — Лобанов удивленно смотрел на Котина.

— А что такое? — всполошился тот и, вытянув шею, заглянул в бумажку. — Кадровик написал, я в карман сунул не глядя, — начал говорить он и умолк. Улица и номер дома были такие же, как и у Лыткова. У него восемьдесят седьмая квартира, а у нее — сто восьмая. — Выходит, они в одном доме живут... Так вот почему в главке все с утра знали о смерти Лыткова! — растерянно проговорил он, а Лобанов уже набирал телефон начальника отдела кадров.

— А что такое? — судя по голосу, кадровик растерялся. — У нас уже был ваш товарищ. Что? Ну да, точнее, в одном подъезде. Да, адрес правильный. Дом наше министерство строило. Из главка? Проживают... посмотреть надо, чтобы поточ. ее, не вводить, так сказать, милицию в заблуждение. Прокуратуру? Ну, тем более.

— Ишь, как разговорился. — Котин тоже услышал громкий голос кадровика. — Со мной так не разговаривал. — Он пытался скрыть смущение. — Да я, Валерий Дмитриевич, когда вчера выезжали, не знал точного адреса-то.

— Ладно, не страшно. — Лобанов неожиданно улыбнулся. — Ока-

зывается, хоть какая-то польза есть, когда сам добираться до места происшествия, а то увезли — привезли, как там у вас Аганьянц шутит — «оргán от самого подъезда»?

— Ну уж и от подъезда... Тоже мотаешься, будь здоров.

Кадровик перезвонил минут через пять. Оказывается, во втором подъезде жила еще одна женщина из главка, а вообще в доме получили квартиры несколько человек, но в других подъездах.

— Так что, скорее всего, не от Мишиной узнали о смерти Лыткова. А уважаемую Людмилу — как там ее? — Афанасьевну, что ли, — Лобанов заглянул в листок с адресом, — придется тебе, Слава, посетить на дому, ничего не поделаешь. Я буду на месте, — он прихлопнул рукой по пухлой папке на столе.

Последние три недели среди всего прочего Лобанов вел расследование о выделении за взятки вагонов для перевозки грузов. Сегодня, ну, в крайнем случае — завтра, готовился он передать дело прокурору.

— Да, — Лобанов оторвал взгляд от папки. — Кадровик не сказал, зачем Мишиной эти дни понадобились?

— Нет.

— Ну ладно. Кстати, — вопрос остановил Котина почти у порога, — секретарша Лыткова брюнетка или блондинка?

— Блондинка. Красавицей не назовешь, лет тридцать с небольшим.

— Ты вот еще что, раздобудь ее фотографию, да не с комсомольского билета, а настоящую, где на себя сегодняшнюю похожа.

Котин позвонил часа через полтора. Мишиной дома не оказалось, а соседка по площадке сказала, что вчера днем видела ее мельком.

Так. Ну ничего, на завтра придется вызвать повесткой. Надо начальника отдела кадров из главка оповестить на всякий случай, чтобы в курсе был. Лобанов полез в письменный стол. Черт, опять ящик заело, сколько раз говорил, стол менять пора. Он встал и прошелся по комнате. Завтра похороны Лыткова. Интересно, придет Мишина на кладбище или нет?

3

Людмила Мишина, приподнявшись над подушкой, прислушалась. Дверь в прихожую была открыта, и она ясно различила шаги на лестничной площадке. Шаги затихли. Нет, показалось. Не к ней. Она села и обвела глазами комнату. Господи, почему так душно?.. Какие низкие потолки... Что ей снилось сегодня? Она застонала и откинулась на подушку, вспомнив обрывки сна. Всю ночь какая-то тяжесть, наваливаясь, давила, прижимала ее к чему-то холодному, мерзкому. Она просыпалась в поту и долго лежала в темноте, боясь пошевелиться. Потом переворачивала горячую подушку другой стороной и, чувствуя ее освежающую, успокаивающую прохладу, снова проваливалась в сон. Лучше бы она сюда не приезжала, осталась бы там, какая разница, где... Она опять застонала. Не-ет, он ее просто хотел запугать. Она попыталась встать. Господи, что с ней? Еще вчера она не была такая разбитая, а сейчас не могла шевельнуться. Только бы оторвать спину в прилипшей рубашке от дивана... так... еще. Нет, тело будто чужое, как в этом проклятом сне. Людмила прислонилась к спинке дивана. Зачем она все сделала? Зачем? От ярости у нее перекосилось лицо. Сволочь, какая же он сволочь! Да и она тоже... Как только опять все вспомнилось, силы

вернулись. Так. Стянуть с себя липкую рубашку. В душ. Нет, сил сейчас не хватит, она может упасть. Людмила зло рассмеялась. Упасть, да какая разница, господи, ну какая сейчас разница?

Прохладный шелк халата, привычно охватывая голое тело, успокоил. Запахнувшись, Людмила поднялась с дивана. От движения ей стало легче. Казалось, еще немного, и то чувство страха, которое нарастало с каждой секундой, как только она проснулась, пройдет, исчезнет совсем. Что же ей делать, что?! Господи, какая она дура! Ей что, плохо жилось? Чего не хватало, идиотке, чего? Тоже мне, оскорбленная добродетель! Она презрительно выпятила нижнюю губу и усмехнулась. Да, она была для него удобной, как... да хотя бы как этот халат. Захотел — снял, захотел — снова надел. А она? Разве ее не устраивали их отношения? Главное — никаких хлопот. «Хоть раз ты сделала что-то для меня, для меня лично, не высчитывая, не думая, что бы получить взамен? — Она будто услышала голос своего бывшего мужа. — Хоть когда-нибудь, я не говорю — любила, хоть когда-нибудь ты всерьез интересовалась мной, моими делами?» «Интересовалась», — ответила она тогда. «Прописка была нужна?» — Голос мучил, не отпускал ее. Он-то здесь зачем, она развелась, порвала с ним и знать не хочет, где он и что с ним. Да и никогда не посмел бы он так разговаривать с ней. «А ты пользовалась этим?» Она нетерпеливо тряхнула головой. Ну ладно, с ним давно все кончено. А потом? О, потом она жила прекрасно. Один мужик, другой, и никаких хлопот, ни-ка-ких. Самой себе можно было позавидовать — свободная, красивая, современная женщина. А как одета! Эти гримзы из главка от зависти лопались. Откуда? Ну, ладно бы тетка Вера спросила, родной все-таки человек, воспитывала ее, имеет право и поинтересоваться, как племянница живет, а этим-то заразам что надо? Времени им, видите ли, ни на что не хватает. Ничего, хватает: как увидят у кого новую тряпку, тут же подсчитывают, на какие деньги куплена! Да ее, Людмилу, и мужики так пристально не разглядывают, как эти... Лучше бы за собой смотрели, а то сидят на одной картошке, а потом голову ломают, какой фасон платья выбрать. Питались бы нормально, глядишь, и на материал денег меньше бы уходило.

Вспомнив о сослуживцах, Людмила немного успокоилась и горделиво выпрямилась. Она не то, что они. Вон Раиса из их отдела, продолжала с каким-то озлоблением думать Мишина, словно торопилась доставить себе удовольствие, — молодая баба, а зад отратила шире письменного стола. Как наденет свои боты из комиссионки, на ноги нормальная обувь не лезет, так хоть стой, хоть падай. Почему-то ее Людмилино благополучие интересовало больше всех. Открыто она не выпрашивала, но видела Людмила, ее просто зудило от любопытства. Душевно так заговаривала, словно в подруги набивалась. Но уж нет! «От родителей кое-что осталось», — как-то обронила Людмила. Сказала, как он ее научил. От родителей... Слышала бы ее тетка Вера! Раиса ей не поверила и, наклонив голову, поджала накрашенные губы, даже складки лишние образовались на шее. А Людмиле плевать, поверили ей или нет. Знала, открыто высказаться Раиса не посмеет, руки коротки.

Лучше, что ли, жить, как эта секретарша Зиночка? Бедняжка, из кожи вылезает, чтобы к празднику новую блузку надеть. Сидит, рюшками своими трясет. Кофточку свяжет сама и рада до смерти, что дешево обошлась. Экономия... Туфли единственные приличные на работу каждый день носит. А духи? Мишина зло усмехнулась.

Она четко определила, что Зина французскими духами пользовалась только по праздникам, в остальные же дни— так, вода какая-нибудь душистая из дешевых, а то и вообще чуть ли не «Сигнатором» намажется. Тоже мне, импорт! Людмила передернулась. Этот слащавый, тяжелый запах был ей ненавистен почти так же, как запах пота. А нравиться Зиночке хотелось, ох, как ей хотелось нравиться. Людмила кожей чувствовала, как та ее ненавидит. Да что эта замурышка, родила себе ребенка, у нее и мужика-то с тех пор наверняка не было. Приличного. В глазах снова вспыхнул злой огонек. А у нее, у Людмилы... Она всегда делала, что хотела. Умная, осторожная. Осторожная?

Тот страх, который она пыталась заглушить в себе, думая о чем угодно, только не о том, что было для нее сейчас самым главным, опять напознал, впивался в нее, неприятным холодком пробегая по спине. Застучало в висках. Или это сердце? Она едва успела опуститься на диван, почувствовав мгновенную слабость.

Сегодня кто-то долго, очень долго звонил в дверь. Может, случайно? Нет, видно, приходили к ней. Вчера она поднялась на лифте. Хотела выйти на шестом, чтобы пройти мимо той квартиры. За чем? Она не знала. Ничего сейчас она не знала. А может, надо было сегодня открыть дверь, броситься к первому встречному и рассказать все. «Двенадцать лет, моя милая, двенадцать лет,— будто услышала она.— В лучшем случае.— Людмила растерянно оглянулась.— Нервы, нервы надо было сначала лечить, а потом пускаться во все тяжкие». Снова раздался тот же голос. Нервы? И это он говорит, он, который...

Она стояла возле трельяжа. Распахнутый халат, застегнутый на одну пуговицу, обнажал ее красивое смуглое тело. С телом все было в порядке, а вот глаза... Она никогда не думала, что у нее может быть такой взгляд. Жалкое серое лицо затравленно смотрело на нее из зеркала. Мишина замерла на секунду, а уже в следующую ее прорвало. «Да пропади все пропадом! — она будто выплюнула эти слова в собственное отражение, крутанулась на месте, а потом, уже не видя себя, сгребла с трельяжа флаконы духов и швырнула их на пол.— Вот, вот!» Она стала топтать их ногами. Казалось, ароматы французских духов, смешиваясь, бесили ее еще больше. Она оглянулась. Красивая деревянная шкатулка, отражаясь в зеркале, хищно поблескивала перламутровой инкрустацией. Уже ничего не соображая, она подскочила к ней и с силой грохнула шкатулку об пол. «А-а!..» — посыпались, разлетелись ее, ее любимые бусы, кольца и еще бусы, какие-то кулоны. Она нагнулась, подняла что-то с пола. На мгновение закачался, вспыхнул камень в серье и тут же покатился, полетел в угол комнаты.

Телефон зазвонил неожиданно. Людмила вздрогнула и по привычке дернулась к полке. Потом, опомнившись, остановилась, обвела пустыми глазами комнату и, сразу ссутулившись и став меньше ростом, нетвердыми шагами двинулась к дивану. Телефон продолжал непрерывно звонить, ударяя по нервам. Она не могла снять трубку, не могла заставить его умолкнуть, швырнув на пол. Она уже знала, что будет дальше.

Лобанов снял телефонную трубку:

— Слушаю вас.

Звонил начальник отдела кадров.

— Товарищ следователь,— он, видимо, от волнения забыл имя и отчество Лобанова.— Мишина не вышла сегодня на работу. Не знаю. Что-то, значит, случилось, человек она аккуратный. Я все утро ей домой звоню, но не отвечается.

Лобанов повесил трубку и посмотрел на часы — на двенадцать назначены похороны Лыткова...

4

Автобус, резко тормозя, вдруг дернулся, толпа сместилась на полметра вперед, оторвав тетку от ее тяжелой сумки и освободив ногу Лобанова. Теперь его прижало к поручню, но это было уже лучше. Что-то он сегодня расчувствовался после этих похорон. Цветочки жене купил. Ей не цветочки, ей шуба новая нужна, в этом году вся испереживалась. И не синтетическая, а ну хоть из лисьих лапок, твердила она. Где взять на это денег, она с ним не обсуждала. Просто закатывала глаза и рассказывала про какую-то Валю, у которой почему-то и шуба, и черт знает что есть, а она вынуждена... Нет, не была она завистливой, обычная женская реакция. Может, ей действительно эта шуба так необходима? Ну необходимо же что-то ему самому. Он опять подумал о Лыткове и о его жене, с которой только что разговаривал на кладбище. Никаких предположений о причине смерти своего бывшего мужа Лыткова не высказывала. Развелись два с половиной года назад, и все, у каждого своя жизнь. Лобанов словно опять видел перед собой холеное, застывшее, словно маска, лицо Лытковой.

Что же все-таки у него произошло? Неприятностей на работе никаких, отзывы о нем хорошие. А что отзывы — не скажут же в главке, как и на похоронах, что Лытков плохой человек: про мертвого не принято говорить плохо. Все так, но неприятностей-то по службе у него и в самом деле не было. Это не скроешь ни про мертвого, ни про живого.

След на журнальном столике, вернее, отсутствие следов. Загадочно, но, допустим, по рассеянности провел человек рукавом пиджака по поверхности, вот и нет ни пыли, ни следов.

Про отпечаток пальца на входной кнопке звонка Лобанов до разговора с Мишиной думать не хотел. Мог в конце концов и случайно кто-то позвонить. Или — сам Лобанов помнил, как они в детстве баловались: позвонят в какую-нибудь квартиру и убегут, дурацкая такая игра. Человек открывает дверь, а на лестнице никого нет. Поругается и уйдет. Но сейчас пацаны вроде бы не так забавляются.

А вот что в квартире нет следов посторонних, это главное. Вот и думай, Лобанов, ищи, если там кто-то был.

Лобанов провел следственный эксперимент: можно ли побывать в квартире и не оставить никаких следов? Оказалось, что можно, если аккуратно себя вести. Можно даже вина выпить, если, конечно, потом свой стакан вымыть и ни за что не хвататься без перчаток. А что? Такую возможность он не исключал.

5

Мишина жила на одиннадцатом этаже. Возле ее двери Лобанов прислушался и нажал кнопку звонка. Еще раз и еще. Никого. Спустившись вниз, позвонил в главк. На работе Мишина так и не появилась.

Участкового Лобанов нашел быстро. По дороге к дому тот все пытался ее припомнить, но не смог. Сказал только, что тихая квартира, а конкретное что-нибудь... нет, не вспомнил.

Замок открылся легко. Лобанов всегда удивлялся, как легко открываются замки в московских квартирах. Слегка нажал, толкнул — и готово. Нет, про те квартиры, которые специально оборудованы, — про те Лобанов не говорил, а вот обычные... Да что там, если при изготовлении дверей — они как-то занимались этим вопросом — нарушается ГОСТ по двадцати двум показателям. Ну, тогда случай был особый, но, видно, что дверь в квартире Мишиной тоже никаких ГОСТов не выдерживала.

Мишина лежала на боку, запрокинув голову. Густые каштановые волосы струились по спинке дивана. Распахнувшийся халат открывал до бедер голые ноги, казавшиеся неестественно длинными. Рядом с маленькой картонной коробочкой, похожей на упаковку от лекарства, на журнальном столике и на полу валялись полурассыпавшиеся бусы. Резко пахло духами.

Лобанов, осторожно подойдя, потянулся к опущенному веку лежавшей и, не рассчитав, зацепил вытянутые ноги. Они мягко сдвинулись с места.

— Черт! — Он выпрямился.

Прямо на него глядел начинающий мутнеть зрачок. Труп еще не успел застыть.

Красивое лицо Мишиной было спокойно. Казалось, наплевать ей было и на свою наготу и на то, что посторонние мужчины стоят и смотрят на ее голые ноги.

Пока не приехала оперативная группа, Лобанов осмотрел квартиру. Квартира как квартира, ничего особенного. Однокомнатная, почти как и у Лыткова, только здесь комната немного поменьше и планировка другая. Уют и комфорт Мишина любила, как и Лытков, машинально отметил следователь. Стенка отечественная, мягкая мебель новая совсем, узор на шторах сочетается с ковром. Не очень все и дорого, но подобрано со вкусом.

Нет, такого Лобанов не ожидал. Где он ошибся, где что-то упустил, не учел? Следователь шаг за шагом анализировал свои действия за последние два дня. Опросить Мишину надо было, конечно же, сразу, но ведь не было ее, не было!

В прихожей послышался шум.

— Знакомые все лица, — эксперт Аганьянц, протягивая руку Лобанову, уже смотрел за его спину, туда, где лежала Мишина. — Это кто же здесь такой разгром учинил? — Он, внимательно глядя под ноги, чтобы ни на что не наступить, двинулся к дивану. Осторожно, за краешек, поднял картонную упаковку. — Вот она, коробочка-то, без этикетки, правда. Ага, и опять, — он наклонился и взял в руки валявшийся на полу стакан, принохался — нет, на этот раз не вино, а коньячок. Это что — продолжение той истории?

Лобанов не успел ответить, пришел участковый с понятиями.

— Вот, еле нашел, все на работе.

Женщины, охнув, приняли было причитать, но Лобанов остановил их. Они замолкли, и одна, помоложе, подтолкнула соседку локтем, смотри, мол. На столе поблескивали подобранные с пола ювелирные изделия. Расширенными от любопытства глазами смотрели они то на мертвую Мишину, то на украшения.

— Гляди, Валерий Дмитриевич, — отвлек Лобанова голос эксперта.

На его ладони лежала одна серьга. Лобанов засмотрелся на камень. При малейшем повороте тот гас и снова зажигался, искрился.

— Бриллиант.— Аганьянц осторожно положил сережку на чистый лист бумаги.— Интересно, где вторая?

Вторая серьга нашлась за шторой.

Лобанов занялся осмотром вещей Мишиной. Открыв шкаф, он замер.

— Да...— протянул он и быстро стал записывать.

Подошел Аганьянц, заглянул через плечо:

— Подсчитываешь, могла ли она на свои доходы все это купить?

— А что подсчитывать, и так ясно, что не по средствам жила дамочка, одни серьги чего стоят. Да и вообще все это,— Лобанов кивнул на ювелирные украшения и открытый шкаф,— на ее зарплату не купишь...

Отпечаток пальца на кнопке входного звонка принадлежал Мишиной.

Не похоже было, чтобы в момент смерти у нее в квартире кто-то был. На картонной коробке из-под снотворного четко обозначились следы ее пальцев. Больше к упаковке никто не прикасался.

Чужих следов в квартире эксперты не нашли, вернее, свежих не нашли. Были обнаружены отпечатки пальцев — старые, в основном малопригодные к идентификации. Лишь на одном из ящиков письменного стола четко обозначился большой палец правой руки Лыткова. Утверждать с точностью, что и все остальные отпечатки в квартире принадлежат Лыткову, эксперт-криминалист не брался. Не уверен он был, что и более тщательный анализ в лаборатории принесет результат.

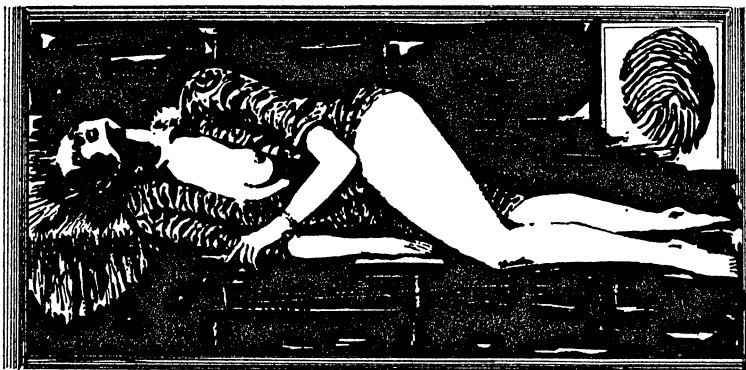
Смерть Мишиной наступила сутки назад. Через два дня после того, как умер Лытков, уточнил для себя Лобанов. И опять отсутствие каких бы то ни было следов! Отпечатки Лыткова не в счет. Ну не мог же он в самом деле, уже мертвый, прийти и отравить Мишину!.. Что же связывало их еще, Мишину и Лыткова, кроме любовных отношений, о которых под секретом поведала секретарша Зина? А были они вообще, эти любовные отношения?..

Стоп! Начнем опять с Лыткова.

Значит, Мишина у Лыткова в квартире была. И была, видимо, в день смерти. А почему, собственно, видимо? Отпечаток пальца на звонке Лыткова не старый. Вот то-то и оно — не старый... Дактилоскопия в точности не могла определить, сделан ли он в день смерти Лыткова.

Конечно, Мишина могла прийти к нему и днем и даже двумя раньше, но ведь ее никто не видел. Да и в день смерти Лыткова ее тоже никто не видел. Была еще какая-то блондинка, про которую никто ничего не знал. Жена соседа Бурова, когда ей показали фотографию лытковской секретарши Зины, уверенно сказала, что не она звонила тогда в восемьдесят седьмую. Блондинка, да не та.

Ну хорошо, а что же дальше? — продолжал размышлять Лобанов.— Допустим, Мишина отравила Лыткова, а потом отравилась сама. Зачем? Должна быть причина, а ее нет как будто. И еще — почему никто в доме не знал, что Мишина ходила к Лыткову, раз у них были любовные отношения? Странно... И откуда взялось это шведское снотворное?.. В квартире Лыткова все вещи более-менее дорогостоящие, да и две тысячи пятьсот на сберкнижке удивления

не вызывали. А вот у Мишиной другое дело. Ее вещи дорого стоили. Большинство из «Березки», и украшений на семь тысяч набралось, не считая тех серег с бриллиантами, которыми Лобанов решил заняться особо. Если Лытков делал ей подарки, то на какие деньги?

Неясно все, одни предположения, а Лобанову нужны были факты. Пока фактом было отсутствие следов снотворного в квартире Лыткова и незапертая дверь. И если первый говорил, что Лыткова кто-то отравил, то второй... Второй в эту схему не укладывался. Мишина хочет скрыть свое присутствие — и оставляет дверь открытой, а должна бы делать все так, как обычно делал Лытков. То, что Мишина не нашла ключа, исключено, он висит в прихожей на видном месте. А если она не увидела? Занервничала и не увидела. Нет, вряд ли... Так все продумать — ведь пыль ей пришлось стирать только с журнального столика, значит, она сумела ни до чего не дотронуться в квартире и не увидеть ключа в прихожей?.. А отпечаток пальца на звонке? Это ведь тоже оплошность. Что-то многовато оплошностей для продуманных действий...

А может, ее спугнули? — вдруг подумал Лобанов. Ну да, кто-то шел по лестнице, она услышала звук шагов и... Но тогда она должна была взять ключ в руки, ведь шаги могли помешать ей лишь в последний момент, а ключ — эксперты проверяли — брал в руки только Лытков, после этого к нему не прикасались. Другое дело — Лобанов удивился, до чего простой была мысль, — другое дело, что у нее был свой ключ. Допустим, Мишина хочет закрыть квартиру, но ей что-то мешает. Не замок, нет, замок срабатывает четко, ей мешает чье-то появление или шаги. Мишина бросается вверх по лестнице и быстро поднимается к себе. И никто ее, разумеется, не видит. А после этого она просто побоялась спуститься и закрыть дверь. Если бы это был кто-то другой, не Мишина, то тому человеку непременно нужно было выйти из дома, а в это время никто из посторонних из подъезда не выходил: бабульки там дежурят, как везде, — мышь не пробежит.

Не нравилось Лобанову лишь то, что лытковского ключа у Мишиной в квартире не обнаружили. Ведь, приходи к Лыткову другая женщина, бабки давно бы ее заприметили. А так — живут в одном подъезде, трудно определить, кто и зачем ходит по лестнице. Может, за газетой решил пешком спуститься, лишний вес согнать, мало ли

у других причуд? А ключ, ну что ж, ключ она, может, и выбросила, ведь соседка по лестничной площадке видела, как Мишина откуда-то возвращалась.

Сыскалась, правда, не сразу, и пожилая женщина с пятого этажа, которая словно бы слышала, как у Лыткова около восьми вечера хлопнула дверь. А именно этот час экспертиза установила как время смерти Лыткова.

(Окончание следует.)

МИНИ-ДЕТЕКТИВ

И ОТ МУХ БЫВАЕТ ПОЛЬЗА

«О лето красное! Любил бы я тебя, когда б не зной да пыль, да комары, да мухи!» — все помнят эти строки великого поэта и, прочитав заголовок, с сомнением покачают головой. Между тем именно несимпатичные домашние мухи и их еще более несимпатичные личинки помогли точно установить время совершения убийства, что и облегчило изобличение опасного преступника.

Он тщательно готовился к своему черному делу! Все, кажется, продумал до мелочей, но...

В середине августа в собственной квартире был обнаружен труп певицы Венцовой. Труп уже подвергся сильному разложению, по нему ползали личинки мух.

Замки в квартире были целы, а вот денег и драгоценностей: перстней, колец, брошек, улонов — не оказалось. Не нашлись и облигации займов, серии и номера которых были переписаны в одну из записных книжек потерпевшей. Никаких следов преступника обнаружить не удалось.

Создавшуюся ситуацию очень прояснила бы точная дата убийства Венцовой. Однако судебно-медицинская экспертиза к определенному выводу не пришла. Вот тут-то и пригодились те самые несимпатичные создания и их личинки, часть которых следователь предусмотрительно изъял с места происшествия.

Была назначена редкая в следственной практике энтомологическая экспертиза. Специалисты-биологи, занимающиеся изучением насекомых, определили, что личинки до представленных размеров развились за шесть дней. Выходило, что появились они на свет не позднее 9 августа. Именно в тот день соседи слышали доносившийся из квартиры Венцовой приятный баритон, который исполнил арию важрского гостя...

Подозрение пало на одного из любимых учеников певицы — Алексея Корявцева. Он, правда, характеризовался только с положительной стороны: не пил, не курил, работал художественным руководителем большого детского коллектива, слыл хорошим семьянином, имел дочь, которую нежно любил, а главное — имел алиби. Еще 11 июля он отбыл на отдых в Крым, где и пробыл целый месяц.

Но почему так дрожали его руки на первом допросе? Почему он сильно нервничал, хоть и старался это скрыть? И такой ли он безупречно хороший, как написано в служебной характеристике?

Не будем утомлять читателей нюансами следственной работы. Выяснилось, что Корявцев в надежде разбогатеть давно и азартно играл в «Спортлото». Проиграл все наличные деньги, залез в долги. Чтобы раздобыть крупную сумму денег и расплатиться, он задумал убить Венцову. Из Евпатории Корявцев вернулся 9-го утром, позвонил певице, условился о встрече... И все складывалось по задуманному «сценарию», да мухи подвели...

Е. ИЩЕНКО

ПЛАГИАТ ИЛИ «БРОДЯЧИЙ СЮЖЕТ»?

После публикации юморески Д. Мукина «Про Вовку, козла и дядю Кузю» (№1, 1989) в редакцию поступило много писем, в которых читатели обвиняют автора в плагиате (литературном воровстве), а отдел литературы в недостаточной бдительности: опубликовали чужое произведение под именем жителя г. Фрунзе. При этом назывались «подлинные» авторы, у которых Д. Мукин якобы «украл» сюжет: И. Стаднюк («Максим Перепелица»), Б. Козачина («На краю света»), И. Шевцов («Семя грядущего»), Ф. Искандер («Созвездие Козлотура»), Н. Майоров («На прицеле»), а также имена М. Шолохова, Г. Рыкина, К. Основьяненко. Авторы писем проживают в разных регионах страны, и поэтому мы не можем допустить, что они сговорились.

В науке о литературе существует понятие «бродячего сюжета», или заимствованного «мотива». Находя в жизни или в чужих произведениях «готовые» сюжеты, писатели творчески перерабатывают их для выражения своего идейного содержания. «Бродячий сюжет» — это миф, легенда, или, говоря простым языком, байка, переходящая из уст в уста, кочующая из одного произведения в другое в различных вариациях. Вот почему нам не приходит в голову обвинять в плагиате древнегреческой мифологии Гесиода, Гомера, Еврипида, а Пушкина и Достоевского — «в воровстве» мотивов из библейских и византийских легенд.

В случае с публикацией юморески Д. Мукина «Про Вовку, козла и дядю Кузю» отдел литературы учитывал статью 494 ГК РСФСР, охраняющую авторское право:

«Лицу, использовавшему чужое произведение для создания нового произведения (пункт 1 статьи 492), принадлежит авторское право на созданное им произведение.

Это право не препятствует другим лицам использовать то же произведение для создания нового произведения».

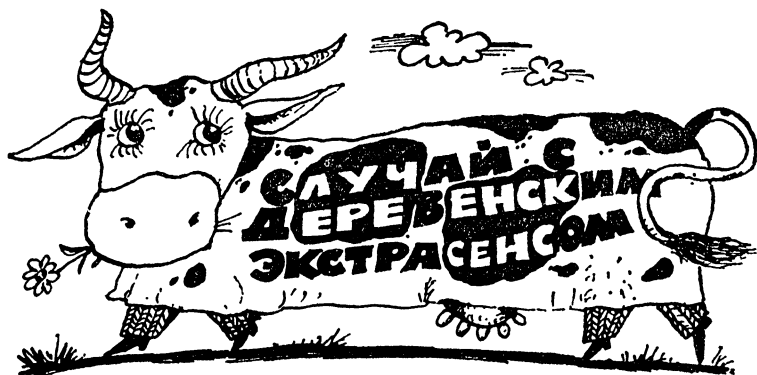
А в статье 492 ГК РСФСР записано:

«Допускается без согласия автора и без уплаты авторского вознаграждения, но с обязательным указанием фамилии автора, произведение которого использовано, и источника заимствования:

1) использование чужого изданного произведения для создания нового, творчески самостоятельного произведения, кроме переработки повествовательного произведения в драматическое либо в сценарий и наоборот, а также переработки драматического произведения в сценарий и наоборот...»

Вот почему мы полагаем, что в юмореске Д. Мукина был использован «бродячий сюжет».

Отдел литературы

Слушок по деревне прошел, будто из соседнего района местный экстрасенс приехал. Вроде может он здоровье и бодрость возвращать животным — коровам да бычкам, овцам и козам — и обладает он способностями на биополе влиять.

Кто вызвал экстрасенса в деревню, так и осталось секретом. Но началось все с того, что председатель колхоза Евсей Евсеевич устроил разнос завфермой крупнорогатых Макарычеву и зоотехнику Петю. Мол, куда это годится, показатели надоев молока ползут и ползут вниз и плохо влияют на репутацию и финансы колхоза.

Узнали об этой беседе доярки и — в кабинет к председателю.

— Беду на наших коров кто-то накликал! — кричала тетка Марчела. — Уж как мы за ними ходим, как ходим, а они все худеют и молока дают меньше. Что за напасть такая?!

Макарычев и Петя всякие предположения высказывают, а доярки не унимаются

— Я просила, — кипятилась тетка Марчела, — чтобы корма проверяли. Вы же говорили, чего волноваться, все в порядке, нормально.

— А зачем их проверять? — возражают завфермой с зоотехником. — Ведь комбикорм с завода получаем... И вообще такое с коровами, говорят, происходит не только у нас... Так что причина печального явления в смысле понижения надоев нам пока полностью не ясна...

Что там дальше говорилось, уточнять не стоит, но как раз после этого разговора и появился коровий экстрасенс в деревне. Аккуратный такой, еще нестарый, но и немолодой, невысокий, худой, лысый, зато с бородкой. В общем, типичный рядовой мужчина.

Откровенно говоря, единодушия по отношению к экстрасенсу среди колхозников не было. Одни утверждали, что он заурядный знахарь, другие, наоборот, считали его просто подозрительным. А те, кто старался идти в ногу с научно-техническим прогрессом и читал публикации с соответствующим уклоном, нерешительно высказывались: мол, в нем что-то есть.

Однако прошла неделя-другая, а положение на ферме не менялось. И поскольку то и дело возникали ехидные вопросы, председатель Евсей Евсеевич как-то невзначай бросил:

— Ладно, пусть пройдет срок, посмотрим-увидим...

А срок по просьбе экстрасенса был назначен в два месяца. Он колдовал над каждой коровой, делал всякие движения пальцами и

всей пятерней: то по шерсти погладит, то против нее. И все молча, без слов. Неразговорчивый экстрасенс попался.

Так шли дни, люди стали было переключать свое внимание на другие дела и явления, как вдруг на исходе контрольного срока опять слухок пошел: поправляются дела на ферме.

— Родненькие мои,— говорила тетка Марчела соседям,— хотите верьте, хотите нет, а коровки-то наши бодрее стали выглядеть!

А еще через неделю и надои начали помаленьку повышаться. Хотя еще не дошли до прежнего престижного уровня, но все же... Особенно радовались доярки и те, кто читал популярную литературу и считал, что в экстрасенсах «что-то есть». И вот, когда дела начали входить в норму и экстрасенс сообщил, что он свою миссию выполнил и собирается домой, колхозники попросили своего председателя Евсея Евсеевича организовать встречу с этим замечательным человеком. Чтобы он хоть немного приоткрыл занавес перед тем таинственным, что творил на ферме.

Экстрасенс согласился дружески побеседовать, и в воскресенье вечером все собрались в клубе. Он поднялся на сцену вместе с председателем и уже хотел говорить, как в клуб вошел возвратившийся из района участковый инспектор младший лейтенант милиции Кудря. Он тоже поднялся на сцену и пошептался о чем-то с Евсей Евсеевичем. Затем председатель обратился к присутствовавшим:

— Товарищи, у нашего участкового Кудри есть очень важное сообщение. О чем, он вам сам сейчас скажет.

— Вот, значит, какое дело,— начал Кудря.— Органы милиции и прокуратуры нашего района раскрыли группу расхитителей социалистической собственности. Расхищали, в частности, сельхозпродукты, в том числе пшеницу и кукурузу. На нашем комбикормовом заводе жулики «экономили», так сказать, зерно и недокладывали его в комбикорма. В результате из особо питательного продукта он превращался в чистую солому или еще чего похуже.

— Вот это да! — крикнул с места зоотехник Петя.— А мы-то в поиски ударились, биополе ищем...

— Я не знаю, во что вы ударились,— продолжал участковый,— но жуликов с комбикормового завода убрали. И завод уже две недели выпускает полноценный корм...

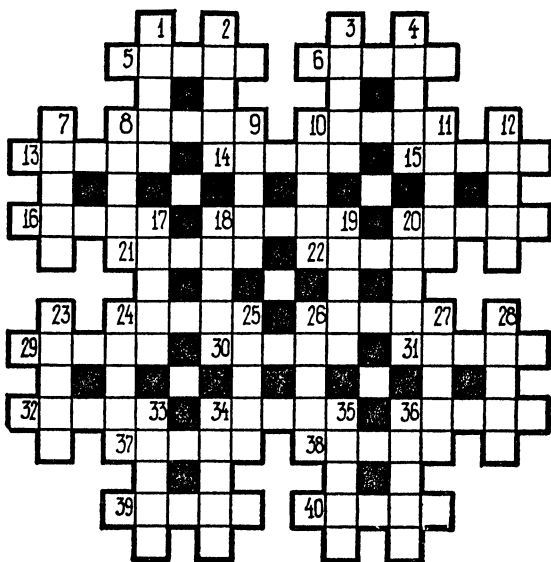
Не успел участковый закончить свое краткое выступление, как зал зашумел, заволновался. Все обсуждали потрясающую новость и то, как она отразилась на колхозных делах.

А когда успокоились и настроились слушать экстрасенса, оказалось, что его нигде нет. Он, очевидно, посчитал, что в сложившейся обстановке выступать о своих достижениях неловко. И, знаете, никто не удивился. Что он мог бы теперь сказать? Причина плохого поведения крупнорогатых стала вполне объяснимой.

Когда люди разошлись, председатель колхоза Евсей Евсеевич сказал завфермой Макарьеву и зоотехнику Пете:

— Какой же мы с вами должны сделать вывод, дорогие товарищи? А вот какой: если доярка просит проверить качество кормов, не стоит отмахиваться от этого. Потому что никакое сверхтонкое чувственное начало экстрасенса не может заменить обычной чуткости и сострадания рядовой преданной доярки к животным... Впрочем,— добавил он,— ничего конкретно плохого об экстрасенсах сказать не могу. Все-таки что-то в них есть...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 5. В Древнем Риме программа деятельности римских магистратов, объявляемая при вступлении в должность. 6. Церемония, оформляющая заключение вассального договора между сеньором и вассалом. 8. Документ, удостоверяющий заключение договора личного или имущественного страхования. 10. Младший княжеский дружинник на Руси X — XI вв. 13. Первый поэт немецкого пролетариата, член Союза коммунистов. 14. Русский советский писатель, автор романа «Одиночество». 15. Поручения избирателей своим депутатам в представительном органе. 16. Королевский чиновник во Франции XI—XVIII вв., обладавший в подведомственном ему административно-судебном округе определенной властью. 18. Разумное основание, смысл, довод (устар.). 20. Мнение, выраженное голосованием. 21. В России XIX — нач. XX вв. административно-территориальная единица. 22. Совокупность наследственных земельных владений короля, на которые распространялась и его политическая власть. 24. В римской мифологии богиня домашнего очага. 26. Глава, руководитель политической партии, общественной организации. 29. Наставление, советы последователям, потомкам. 30. Бдительный, неусыпный страж (перен.). 31. Государственный строй, метод правления. 32. Советский дипломат, в 1948—1952 и в 1967—1979 гг. постоянный представитель СССР при ООН и в Совете Безопасности. 34. Русский советский писатель, автор романа «Две жизни». 36. Наемные солдаты в Индии, вербовавшиеся в английскую колониальную армию из местных жителей. 37. Советский писатель, автор романа «При невыясненных обстоятельствах». 38. Лицо, совершившее мелкое хищение государственного имущества (разг.). 39. По древнерусскому праву свидетель. 40. Денежная сумма или другая имущественная ценность, выдаваемая в счет предстоящих платежей.

По вертикали: 1. Роман Ф. М. Достоевского. 2. Наиболее передовая, деятельная часть какой-либо организации. 3. План предстоящих

расходов и поступлений материальных и денежных средств предприятий, учреждений. 4. Нормативный акт, принятый высшим органом государственной власти. 7. Итальянский кинорежиссер. 8. Система общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государства. 9. Американский кинорежиссер, постановщик фильма «Бунт в тюремном блоке № 11». 10. Устранение судьбы от участия в судопроизводстве, если он лично заинтересован в этом деле. 11. Правило, положение какого-нибудь направления, учения (книжн.). 12. Событие, которое наступает не в силу направленной на него воли лица. 17. Высказывание, сообщение, вызванное вопросом. 18. Доход, регулярно получаемый с капитала, земли и имущества и не связанный с предпринимательской деятельностью. 19. Письменное извещение о готовности судна к погрузке или выгрузке, вручаемое капитаном судна администрации порта. 20. Немецкий ученый, один из основоположников экспериментальной психологии. 23. Вещи, сдаваемые пассажиром для перевозки под ответственность транспортной организации. 24. Высшие сановники и руководители ведомств государств Ближнего и Среднего Востока. 25. Учреждение для хранения старых, старинных документов. 26. Один из учредителей Союза спасения и Союза благоденствия. 27. Русский живописец, автор картины «Арест пропагандиста». 28. Розыгрыш, производимый по займу или лотерее. 33. Точное воспроизведение текста какого-либо документа. 34. Советский государственный деятель. В 1918—1920 гг. работал в органах ВЧК. 35. Римский император, при котором был проведен аграрный закон. 36. Плавучее транспортное средство для перевозки людей и грузов.

Составитель Г. ЦЕСЛЕР

г. КИЕВ

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Первые пять читателей (определяются по дате отправления), приславшие правильные ответы на кроссворд, опубликованный в этом номере, будут премированы бесплатной подпиской на журнал «Человек и закон» на 1990 год.

Объявляя такой конкурс, мы хотим выяснить, представляет ли для вас интерес рубрика «Знаете ли вы право?» и насколько хорошо вы его знаете.

Письма с ответами на кроссворд просьба адресовать в редакцию с пометкой «На конкурс» с указанием фамилии, имени, отчества автора, места жительства и занимаемой должности.

Лиц, имеющих юридическое образование и занимающихся профессиональной юридической деятельностью, просим в конкурсе не участвовать.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5 ЗА 1989 ГОД

По горизонтали. 7. Конгресс. 8. Детектив. 10. Копия. 11. Кабала. 12. Ансель. 15. Зона. 17. Перевод. 18. Дань. 19. Лаптев. 20. Поручка. 24. Вещь. 25. Паритет. 26. Нота. 29. Консул. 30. Цензор. 31. Притт. 33. Синдикат. 34. Акционер.

По вертикали: 1. Молчанов. 2. Артель. 3. Ясак. 4. Пеня. 5. Де-тант. 6. Симулянт. 9. Спикер. 13. Делегат. 14. Коронер. 16. Аваль. 18. Декан. 21. Реторсии. 22. Синдик. 23. Акторней. 27. Тункин. 28. Цессия. 31. План. 32. Такт.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

1. Ермаковский районный народный суд. Споры об установлении порядка пользования земельным участком рассматриваются судом по месту нахождения этого участка (часть 1 статьи 119 Гражданского процессуального кодекса РСФСР).

2. Суд по месту жительства Четвернина. Выселение из жилых помещений (в том числе и из общежитий) производится в судебном порядке за исключением лиц, самоуправно занявших жилое помещение или проживающих в домах, грозящих обвалом, которые могут быть выселены в административном порядке с санкции прокурора (статья 36 Основ жилищного законодательства, статья 90 Жилищного кодекса РСФСР).

3. Возмещение ущерба, причиненного работнику увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с его работой, производится по решению администрации предприятия, учреждения, организации. При несогласии работника с решением администрации спор рассматривается профсоюзным комитетом. Если работник или администрация не согласны с постановлением профкома, а также при отсутствии на предприятии профсоюзного комитета спор разрешается народным судом. При этом пострадавший может обратиться в суд как по месту нахождения предприятия, так и по месту своего жительства.

4. Химкинский горисполком или Химкинский городской народный суд (пункт 1 статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях).

5. Абаканский или Калининградский городской народный суд. По выбору истца (Агеева) спор о возмещении вреда, причиненного имуществу, рассматривается судом по месту жительства ответчика либо по месту причинения вреда (статья 117, часть 6 статьи 118 ГК РСФСР).

6. Горностаевский райисполком (статья 5 Закона СССР о государственных пенсиях).

7. Министерство, в ведении которого находится завод.

Трудовые споры работников, занимающих должности, предусмотренные в перечне № 1 приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров (в него, в частности, включена и должность начальника цеха), по вопросам увольнения, изменения формулировки причины увольнения, перевода на другую работу и наложения дисциплинарных взысканий рассматриваются вышестоящими в порядке подчиненности органами (п/п «а» пункта 41 Положения о порядке рассмотрения трудовых споров, пункт 1 статьи 220 Кодекса законов о труде РСФСР).

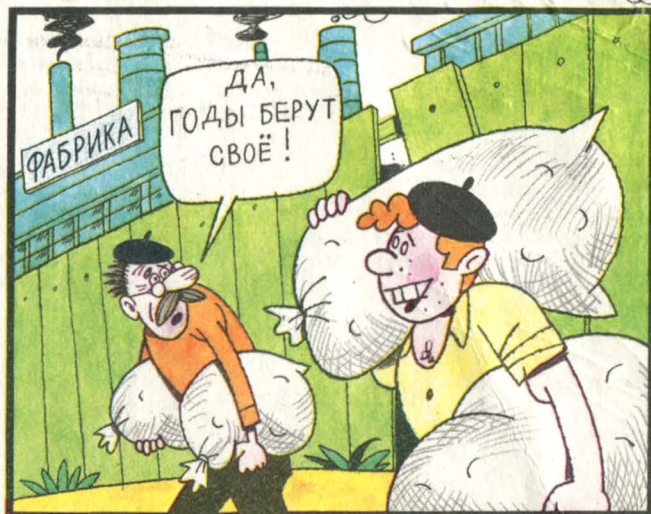
Сдано в набор 27.03.89. Подписано в печать 20.04.89. А 00571.
Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт.
7,56. Уч.-изд. л. 9,40. Тираж 10 030 000 экз. (1-й завод: 1 830 000 экз.).
Заказ № 420. Цена 60 коп.

Адрес редакции:

129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.

Телефон 281-68-12.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП.
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

60 коп.

Индекс 71075.

«Люди, опомнитесь, остановитесь, посмотрите, что мы творим. На нашей совести Аральское море, Байкал, сотни, а может быть, тысячи рек и озер, из которых ушла жизнь»,— говорит прокурор И. П. Самойленко (читайте материал в номере). Эти же проблемы волнуют и межрайонного прокурора А. А. Ерина (г. Львов, Курская область), который выясняет у директора сахарного завода Б. Ф. Бугаенко причины спуска отходов производства в реку.

